

Институт нового индустриального развития
(ИНИР) имени С.Ю. Витте

А(О)НТОЛОГИЯ НООНОМИКИ

Четвертая технологическая революция
и ее экономические, социальные
и гуманитарные последствия

Под общей редакцией
С.Д. Бодрунова

А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР, 2021, 388 с.

В книге, подготовленной международным коллективом авторов, представляющих ведущие университеты России, США, Канады, Китая, Европы и Латинской Америки, раскрываются различные аспекты теории ноономики, разрабатываемой профессором С.Д. Бодруновым и возглавляемым им Институтом нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте. Дается оценка ключевым положениям этой теории (переход к знаниеемкому производству, постепенная социализация общества, диффузия собственности, прогресс отношений солидарности, снятие симулятивных потребностей и прогресс человека культурного), обсуждается тезис о ноономике как постэкономическом будущем общества. Широкое внимание уделяется глобальному контексту переживаемых в настоящее время технологических и социально-экономических трансформаций, вопросам политико-экономического и социофилософского осмысления положений теории ноономики. Показывается, что разработка стратегий технологического и социально-экономического развития должна соотносываться с теми историческими вызовами, перед которыми стоит человечество, и что возможность избежать планетарных глобальных катастроф, на рубеже которых стоит человечество, предполагает продвижение в направлении, основные реперные точки которого задает теория ноономики.

ISBN 978-5-00020-092-6

© Коллектив авторов, 2021

© ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021

Содержание

Вводное слово редактора 5
Благодарности 8
Предисловие (Р.С. Гринберг) 11

Раздел 1. Глобальные трансформации XXI века и генезис ноономики

Сергей Бодрунов. Что такое ноономика? 19

Сергей Глазьев. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов 93

Джеймс Гэлбрейт. Ноономика, глобализация и пандемия 132

Олег Смолин. Противоречия технологических и социально-экономических трансформаций: новая роль знаний в процессе движения к ноономике 158

Энфу Чен, Сиян Гао. Интеллектуальная экономика как форма ноономики и ее социально-экономические последствия 178

Раздел 2.

Стратегия развития – ноономика

Алан Фриман. Ментальные объекты как производительная сила: к критике ноономики 207

Андрей Колганов. Прогностический потенциал ноономики для обоснования стратегии развития 266

Хесус Гарсия Бригос. Наука и технологии: собственность и общественный прогресс через призму опыта Кубы 286

Раздел 3.

Ноономика: политико-экономические отражения

Радика Десаи. Ноономика и геополитическая экономия: естественные союзники 325

Анатолий Пороховский. Эволюция предмета и метода политической экономии на заре цифровизации 349

Лео Габриэль. Ноономика при переходе к посткапиталистическому обществу: перспективы глобальной экономики Юга 360

Заключение 371

Список литературы 376

Вводное слово редактора

Уважаемый читатель!

Предлагаемая вашему вниманию книга посвящена поиску ответа на острейший вопрос современности – о стратегических целях и общественной модели развития человеческой цивилизации. В ее центре – концепция Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и теория ноономики – движение к новому качеству общественной системы путем постепенной, эволюционной трансформации отношений собственности и других атрибутов экономического бытия в нечто качественно новое.

Автор этих строк и данной концепции, включающей в себя новые теоретические идеи, выдвинутые на основе фундаментальных исследований процессов развития общественных отношений, роли знания, науки и технологий в этих процессах, их влияния на процесс развития человека как субъекта данных отношений и др., и имеющей открыто острую практическую направленность, вытекающую из теоретических посылов ноономики (в частности, исследование путей решения проблем реиндустриализации России на передовой технологической базе, интеграции новоиндустриального производства с наукой и образованием, социализации общества, соотношения индустриального вектора развития человечества с задачами подъема культуры в рамках критериальной базы ноономики),

С.Д. Бодрунов (Президент Международного Союза экономистов, Президент Вольного экономического общества (ВЭО) России, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте), посвятил многие десятилетия тому, чтобы дать теоретическую картину этого качественно нового состояния и путей движения к нему. Результаты этих исследований, воплощенные в общей теории ноономики, обсуждались на многочисленных масштабных экономических форумах и конгрессах в России и других странах мира, стали в последние годы предметом дискуссий в университетах Берлина, Вены, Нью-Йорка, Парижа, Пекина, Кембриджа и многих других мировых центрах научной мысли, в десятках университетов России и ведущих экономических институтах Российской академии наук, включены в учебные программы ряда российских университетов.

По итогам всех этих научных форумов созрел замысел суммировать их результаты, приведенные в трудах многочисленных авторов, исследующих различные аспекты ноотематики, в единой книге, которая представляла бы собой одновременно и Антологию ноономики (собрание текстов, объединенных тематикой) и Онтологию ноономики (она вскрывает корни рассматриваемых явлений, раскрывает истоки теории, определяет ее предметное поле). Поскольку в русском языке эти два слова отличаются лишь одной первой буквой, было решено дать книге несколько необычное название: «А(О)нтология ноономики».

Авторы книги различны. Не менее разнообразна и аспектная тематика книги, затрагивающая проблемы технологических и социально-экономи-

ческих трансформаций, международных отношений и даже методологию экономических исследований в применении к рассматриваемым вопросам. Но все тексты книги пронизаны единым стержнем – обсуждением проблемы генезиса нового качества общественного развития – снятием, по мере технологического прогресса и превращения знаний в основной источник развития общества, господствующих в настоящее время экономических отношений и отчужденных форм человеческого бытия в новом, постэкономическом обществе, обеспечивающим формирование и удовлетворение собственно человеческих, ноопотребностей.

Обсуждению того, что из себя представляет этот грядущий мир – мир ноономики, какие пути ведут к нему, какие препятствия стоят на этом пути и посвящена эта книга.

С.Д. Бодрунов

Доктор экономических наук, профессор, президент Международного Союза экономистов, Президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте

Благодарности

Авторы хотят выразить свою признательность всем тем, чье участие в обсуждении проблем, затрагиваемых в данной книге, поддержка и конструктивная критика позволили сделать нам еще один шаг вперед в исследовании теории и практических аспектов ноономики.

Мы благодарны многим коллегам, проявившим неподдельный интерес к предмету, представленному в настоящей книге, и активно участвовавшим в дискуссиях с авторами на различных научных форумах по всему миру – в Москве, Санкт-Петербурге, Париже, Нью-Йорке, Пекине, Лондоне, Кембридже, Лиссабоне, Вене, Мехико и многих других научных центрах на протяжении последних пяти лет. Среди них хотелось бы назвать профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова А.В. Бузгалина, профессоров из Санкт-Петербурга А.В. Плотникова, С.С. Бодрунову и Е.А.Ткаченко, лидера Всемирной инициативы по продвижению политэкономии (IPPE) профессора А. Кэмпбелла (США), профессоров Кембриджского университета Д. Лейна и П. Нолана, членов Российской Академии наук, известных экономистов из России А.Д. Непелова, Р.С. Гринберга и В.Л. Квинта, отличного философа-культуролога профессора Л.А. Булавку, профессоров Института экономики Российской Академии наук М.И. Воейкова и Е.А. Городецкого, а также многих других коллег, перечислить которых

в силу длины списка здесь не представляется возможным.

Нельзя не сказать несколько слов благодарности также и всем, кто участвовал в многочисленных беседах, семинарах и коллоквиумах Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте¹, где родилась теория ноономики и широко обсуждалась проблематика нашей книги. И, конечно, нельзя не отметить помощь в разрешении множества вопросов, как при подготовке к печати данной книги, так и возникающих всякий раз при подготовке семинаров и научных конференций ИНИРа им. С.Ю. Витте, высококвалифицированных специалистов А.А. Золотарева, Н.Г. Яковлевой, А.С. Осипенко, Н.Д. Ли, И.С. Белых, Г.А. Маслова.

Особая благодарность редактору – Вольному экономическому обществу (ВЭО) России и Международному союзу экономистов (МСЭ), членам Правления ВЭО, Президиумов ВЭО и МСЭ, а также Сената ВЭО, и в особенности – академикам РАН А.А. Дынкину, Б.Н. Порфирьеву, А.Г. Аганбегяну, члену-корреспонденту РАН А.А. Широу, профессорам С.В. Калашникову, С.Н. Рябухину, М.А. Эскиндарову, Я.П. Силину, Р.С. Голову за поддержку и позитив в совместной деятельности, а коллективам сотрудников этих организаций и их директору М.А. Ратниковой – за высокий профессионализм и самостоятельность в работе, позволившим редактору и автору данной книги (Президенту ВЭО России и Президенту МСЭ) «разгружаться» время от времени от дел Общества и Союза и находить время для работы над этим непростым проектом.

¹ Ссылки на материалы некоторых этих бесед и семинаров можно найти на сайте ИНИР: <https://inir.ru/>

Наконец, редактор, используя такую прекрасную возможность, не может не выразить признательность своим коллегам, согласившимся принять участие в качестве авторов в нашем совместном проекте.

Предисловие

Предлагаемая вашему вниманию книга является результатом растущего внимания научной общественности к разработкам в области теории ноономики. Эта концепция, которая в целостном виде была изложена сравнительно недавно (в 2018 году), практически сразу привлекла к себе внимание научной общественности как нашей стране, так и за рубежом. Такой интерес вполне объясним – нечасто на научном горизонте возникают детально проработанные теоретические гипотезы, позволяющие представить отдаленные последствия тех перемен, которые только намечаются в сфере производства в настоящее время. Теория ноономики при этом не сводится только к некоторому прогнозу или видению будущего. Такое видение выстраивается как необходимый вывод из тщательного исследования объективных тенденций эволюции материальной основы производства, как и тех последствий, которые эта эволюция имеет при сложившемся общественном устройстве экономики.

Неудивительно, что такая концепция вызвала интерес со стороны представителей различных направлений в общественных науках. Ведь и сама она является комплексной обществоведческой теорией, носящей во многом междисциплинарный характер. А есть немало оснований для того, чтобы видеть в междисциплинарном характере исследований один из существенных факторов, определяющих потенциал

научных достижений. Этот вполне обоснованный широкий интерес к теории ноономики как раз и нашел отражение в материалах настоящей книги.

Целый ряд крупных специалистов, представляющих как Россию, так и ряд других стран (Австрия, Великобритания, Канада, Куба, США, Китай), вступают в плодотворный научный диалог с автором концепции ноономики – профессором С.Д. Бодруновым. В этом диалоге раскрываются идеи ноономики для дальнейшего развития исследований в самых различных областях общественных наук. Каждый из специалистов, внесший свой вклад в содержание данной книги, рассматривает развиваемые С.Д. Бодруновым идеи с позиций своего собственного опыта научных исследований, находя точки взаимодействия и взаимного обогащения в процессе углубления познания общественных процессов.

Среди этих направлений взаимодействия никак нельзя обойти вниманием исследование проблем технологических изменений с точки зрения их влияния на общественные отношения, складывающиеся в мире. В сборнике рассматриваются аспекты, связанные с развитием и сменой технологических укладов, чему посвящена статья признанного специалиста в этой области и одного из авторов самой концепции технологических укладов академика Российской академии наук С.Ю. Глазьева. С несколько иной стороны смотрит на развитие современных технологий профессор университета Метрополитен (Великобритания), Вице-президент Всемирной политэкономической ассоциации (WAPЕ) А. Фриман. Он подчеркивает ведущую роль личного фактора в технологическом прогрессе, критически оценивая ряд попыток технологической модернизации, не

подкрепленных обеспечением более широких возможностей для развития образования и повышения квалификации работников.

Воспринимая идеи ноономики, ряд авторов обращает специальное внимание на те противоречия современного общественного устройства, которые, с одной стороны, тормозят прогрессивные социально-экономические сдвиги, а с другой, ведут к такому обострению назревших проблем, которое делает объективно необходимыми сдвиги в направлении, указываемом теорией ноономики. Эти моменты, применительно к проблемам развивающихся стран, рассмотрены в материале профессора Л. Габриэля, директора Института межкультурных исследований и сотрудничества (Австрия). Профессор, академик Российской академии образования О.Н. Смолин также отмечает растущее неравенство и социальные конфликты, выражая сомнение в возможности бесконфликтного перехода человечества на новую ступень развития.

Тот факт, что технологический прогресс сопровождается эволюцией общественных отношений, которые, с одной стороны, влияют на технологические изменения, а с другой, выступают как их следствие, также не обойден вниманием авторов сборника. В статье профессора А.А. Пороховского, заведующего кафедрой политической экономии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, рассматривается влияние современных технологических тенденций на предмет и метод политической экономии, изучающей социально-экономические последствия технологических сдвигов. Гарсия Бригос Х.П., сотрудник Института философии Академии наук (Куба), обращает внимание на тот факт, что технологическое разви-

тие не является нейтральным, приводя к различным последствиям в зависимости от того, в какую социально-экономическую форму оно облачено. Под этим углом зрения он рассматривает вопрос о том, каковы перспективы эволюции социализма на Кубе. Аналогичная позиция проводится академиком Академии общественных наук КНР профессором Э. Ченом и его коллегой доцентом С. Гао (КНР), которые обращают внимание на развитие современных технологий интеллектуального производства и особенности его экономической реализации при различных общественных системах.

Глобальным, или, точнее сказать, глобализационным проблемам движения к ноономике посвящены статьи известных специалистов Дж. Гэлбрейта, профессора Техасского университета (Остин, США) и Р. Десаи, профессора университета Манитобы (Канада). Дж. Гелбрэйт отмечает, как кризис, связанный с пандемией COVID-19, продемонстрировал хрупкость и ненадежность современного мирового экономического порядка, основанного на голом экономическом расчете, и показал необходимость более разумного построения производственных связей, критерии которых более соответствовали бы тому, что предлагается теорией ноономики. Р. Десаи с позиций геополитической экономии рассматривает роль национальных государств в защите национальных условий воспроизводства вопреки претензиям глобального финансового капитала на гегемонию. Эта объективно необходимая роль национального государства открывает возможность для осуществления проектов развития, разрывающих с логикой глобального капитала, и позволяющих осуществить шаги в направлении ноономики.

В статье профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова А.И. Колганова ноономика рассматривается как необходимый методологический и теоретический инструмент, позволяющий реализовать стратегические проекты развития – постольку, поскольку в ней заложен необходимый прогностический потенциал для понимания тенденций как ближайшего, так и отдаленного будущего.

В совокупности представленные в сборнике материалы рисуют широкую картину различных направлений исследований, связанных с теорией ноономики, и свидетельствуют о значительном потенциале развития, заключенном в этой теории.

Р.С. Гринберг

Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики Российской академии наук

Раздел 1

**Глобальные трансформации
XXI века
и генезис ноономики**

Что такое ноономика?

Сергей Бодрунов

Директор Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте, Президент Международного Союза экономистов, Президент Вольного экономического общества России (ВЭО), эксперт Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор (Россия)

Цивилизация перед кризисом

Сегодня мы наблюдаем несомненные признаки нарастания кризиса человеческой цивилизации. Все элементы этой цивилизации – ее экономическая система, социальная структура, основополагающие характеристики бытия современного человека – испытывают глубокую эрозию.

Те производственные отношения и экономические институты, на которые опирается наша производственная деятельность, порождают все больше сомнений в своей способности обеспечить стабильное развитие человеческого общества. И в первую очередь это касается механизмов рыночного саморегулирования. Пресловутая «невидимая рука» рынка продолжает указывать направление движения – в сторону разгула финансовых спекуляций, расшатывающего стабильность самой рыночной системы, и продолжающегося хищнического поглощения ресурсов вместо пути гармоничного развития человеческой личности и преодоления застарелых социальных пороков.

В мире нарастает социальная поляризация, а институты политической демократии нацелены в большей мере на политическое манипулирование электоратом, нежели на выявление действительных социальных чаяний людей. Политические и идеологические технологии, опираясь на технологии информационно-цифровые и на возможности средств массовой информации воздействовать на сознание людей, пускаются в ход не в интересах прогресса, а для того, чтобы избежать решения назревших проблем и при этом сохранить свой политический статус.

Международные социально-экономические отношения (то, что профессор Радика Десаи назвала геополитэкономией (Desai, 2013)) также переживают период нарастающей турбулентности. Борьба за глобальную гегемонию сталкивается с тенденцией к деглобализации, претензии одних государств на национальную исключительность встречают сопротивление других, отстаивающих свои национальные интересы. Все это приводит к глубоким переменам в геополитэкономической конфигурации мира, последствия которых трудно предсказуемы.

Наиболее тревожно то, что все эти процессы имеют своим результатом разрушение нравственного и духовного здоровья людей. Одновременно утрате культурно-нравственных ориентиров пытаются подыскать едва ли не оправдание в отказе от «больших нарративов» (то есть, по существу, от целостного видения реальности с определенных позиций), в объявлении сомнительными критериев Истины, Прогресса, Добра, Красоты.

Видимых признаков нарастающего кризиса можно обнаружить множество и в экономике. За по-

следние пятнадцать лет мы переживаем уже второй разрушительный финансово-экономический кризис. И эти кризисы заметно глубже, чем те, что мировая экономика переживала в последней четверти XX века. Можно, конечно, кризис 2020 года списать на пандемию COVID-19, но реальность заключается в том, что и спад в экономике, и обвал фондового рынка ожидалась экономистами уже с 2018 года, а к началу 2020 признаки надвигающегося кризиса стали уже совершенно явными. Пандемия стала лишь спусковым крючком для кризиса и фактором, существенно модифицировавшим его, но не его причиной. Такой спусковой крючок обязательно должен был появиться – не этот, так тот. Если воспользоваться образом Нассима Талеба о «черном лебеде» (Taleb, 2007) (неожиданном событии, меняющем сложившуюся ситуацию), то в развитии экономики и общества наступают такие периоды, когда «черный лебедь» должен прилететь обязательно. А уж в каком обличье он предстанет – вопрос второй.

Изменить модель развития

Мы уже давно обращали внимание на искаженный характер нынешней модели человеческого развития. В этой модели гипертрофированное значение приобретают рыночные критерии, на которых строится не только экономика. Рыночный подход навязывается всем сферам жизни общества, все проявления этой жизни начинают меряться коммерческой меркой – творческий дух культуры и искусства, забота о воспитании и образовании, борьба за здоровье человека, пылкость научного ума, правовая защита и т.д.

Экономические отношения охватывают сферу производства, которая является основополагающей сферой человеческого общества, создающей материальные основы человеческого существования. Но значит ли это, что экономика вправе претендовать на перенесение принципов экономических отношений на все остальные сферы жизни общества? Ведь подобный подход ставит во главу угла экономические и, в первую очередь, финансовые результаты даже там, где коммерциализация прямо противопоказана. В результате она становится средством сегрегации людей в доступе к общезначимым социальным благам, привнося конкуренцию туда, где она служит не борьбе за эффективность, а нарастанию социальной розни, деформирующей сознание людей, их ценностные и культурные установки.

Остроту противоречий, которые накапливаются на современном этапе развития человеческой цивилизации, отмечают уже давно. Стратегически мыслящие общественные деятели, ученые и политики уже в 1990-е годы достигли согласия относительно необходимости решения целого ряда неотложных проблем, нарастание которых создает нешуточные угрозы. В результате в 2000 году была принята «Декларация тысячелетия», где были сформулированы цели, касающиеся социального развития и искоренения нищеты, а также охраны окружающей среды (Декларация..., 2000). После частичной реализации целей этой программы в 2015 году Генеральная Ассамблея ООН утвердила резолюцию, где были сформулированы 17 целей устойчивого развития (Преобразование..., 2015).

Однако правильная постановка целей и понимание необходимых путей их достижения возможны

только при научно выверенном исследовании причин тех проблем, с которыми сталкивается наша цивилизация.

Невозможно решить эти вопросы на поле словопрений о том, лежат ли нынешние проблемы в области чрезмерного вмешательства в механизмы рыночного саморегулирования, как это полагают экономисты-неолибералы, или, напротив, ключ к решению проблем лежит в развитии и совершенствовании механизмов государственного регулирования экономики, к чему склоняются различные течения кейнсианства и некоторых других гетеродоксальных теорий.

Этот спор мог быть актуален 50-80 лет назад; в какой-то мере он остается актуальным и сегодня. Но сейчас этого мало, потому что за прошедшие десятилетия мир изменился и продолжает стремительно меняться. И чтобы перед лицом нарастающих угроз и обостряющихся противоречий получить правильные ответы, надо начать задавать другие вопросы.

Прежде всего, надо согласиться с тем, что в первую очередь нам нужен ответ не на вопрос о том, какой модели капитализма – более либеральной или более регулируемой – следует придерживаться. Более того, вопрос о том, а не исчерпал ли вообще капитализм свой потенциал развития, тоже не является главным.

На самом деле мы стоим перед гораздо более фундаментальным вопросом – а не являемся ли мы свидетелями исчерпанности всей прежней парадигмы развития человеческой цивилизации, основанной на принципах экономического общества?

Многое указывает на это. И следование этой парадигме развития чревато уже не просто акселе-

рацией упомянутых проблем, но и вполне реальной катастрофой.

Однако не стоит вдаваться в алармизм. Человек вовсе не является безудержным разрушителем всего и вся, включая самого себя. Он способен и осмысливать стоящие перед ним проблемы, и практически преодолевать их, двигаясь при этом вперед, на завтра выходя за пределы возможностей, достигнутых сегодня. Поэтому ключ к решению проблем назревающего кризиса цивилизации лежит и в плоскости изучения и понимания этого кризиса, и в плоскости нахождения практических решений, основанных как на таком понимании, так и на осознании наших собственных возможностей.

Нам нужны социально ответственные и теоретически обоснованные решения.

Это тем более необходимо, что наша цивилизация приближается к точке выбора: либо мы перейдем черту, за которой угроза существованию цивилизации станет необратимой (будет ли это экологическая катастрофа, или применение оружия массового поражения, или деградация человека вследствие его неразумного вмешательства в собственную природу, и др.), либо мы найдем возможности преодоления нарастающего цивилизационного кризиса и выйдем на качественно новый этап развития.

Пока что эти возможности не раскрыты ни неоклассической экономической теорией, ни марксистской политической экономией, несмотря на все их попытки найти теоретические ответы на самые острые проблемы современности. Другие общественные науки также не особенно преуспели в этом направлении. На практике реакция ученых и общественных деятелей часто сводится к усиле-

нию внимания к социальным, гуманитарным и экологическим проблемам, не затрагивая, однако, фундаментальных причин этих проблем. Это видно хотя бы по тем же идеям «устойчивого развития», легшим в основу решений ООН.

Но сформировать качественно новые возможности преодоления цивилизационного кризиса невозможно без перехода к качественно новому состоянию общества.

Путь перехода к такому новому качественному состоянию, как и его собственная определенность, были обрисованы в наших разработках, которые ведутся в течение ряда лет. Это – путь через новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2) к ноономике.

Теория ноономики, созданная автором этих строк и многие годы обсуждаемая на научных семинарах Санкт-Петербургского Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю.Витте, стала логичным продолжением длительного цикла авторских исследований по проблемам технологического прогресса, реиндустриализации экономики, тенденций развития индустриального производства (Бодрунов, 2013, 2016) и его влияния на общественное устройство. За это время появилось немалое число авторских публикаций на эти темы, излагающих полученные результаты (Бодрунов, 2017, 2018а, 2018b; и др.).

Эти результаты на регулярной основе представлялись также в публикациях материалов ИНИР, посвященных тем или иным частным аспектам теории ноономики (Новое..., 2019)¹. Идеи и различные эле-

¹ См. также аналогичные сборники, IV-й том, 2020, V-й том, 2021 год.

менты этой концепции продолжают отрабатываться в статьях, на семинарах, на научных коллоквиумах ИНИР с участием его партнеров из Российской академии наук и зарубежных коллег, на различных конференциях и конгрессах. Кроме этого, после выхода основных авторских трудов по новому индустриальному обществу второго поколения и по ноономике, прошли многочисленные дискуссии и многократные обсуждения предложенной автором теории в различных университетах, на диссертационных советах, в разных экспертных сообществах, в том числе и международных, в учебных лабораториях (теория ноономики нашла свое место в учебных планах ряда российских университетов). Все это также способствовало развитию и уточнению теоретической платформы ноономики.

Основной площадкой для представления и обсуждения идей ноономики является один из крупнейших в России Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК), организуемый ежегодно специально с этой целью ИНИРом; в последние годы обсуждение проблем ноономики проходит также на различных ведущих форумах в Москве и в других городах России, а также за ее пределами – теория ноономики проходила апробацию взыскательной и искушенной международной научной общественности: в Кембридже, Лилле, Мехико, Вене, Лиссабоне, Нью-Йорке, Пекине и т.д.

В целом та работа, которая велась по развитию и углублению теории ноономики, позволяет теперь более ясно, четко, и аргументировано изложить ее базовые аспекты.

Методология исследования. Решающая роль материального производства

Важно при этом опереться на верные методологические подходы, на определенные представления о роли материального производства, его продукта, об индустриальном типе производства, и об их месте в социально-экономическом устройстве общества. Понимание того, что именно материальное производство лежит в основе жизни человеческого общества, и, соответственно, именно изменения в материальном производстве определяют развитие общества, составляет исходный пункт для понимания перспектив эволюции общественного устройства.

При этом важно принимать во внимание все компоненты производства: специфику технологического процесса, характер продукта производства, содержание труда, формы организации производства. Только все эти элементы в совокупности позволяют выработать целостное понимание тех сдвигов, которые происходят в производстве.

В своем историческом развитии материальная технологическая основа экономики проходит две основные стадии: доиндустриальное и индустриальное производство. Конечно, и внутри этих стадий можно выделить различные этапы, но, по большому счету, кроме этих двух стадий пока никаких других вариантов в развитии материального производства выделить нельзя. Гипотетическое «постиндустриальное» производство пока так и не стало реальностью. Современная экономика прочно опирается именно на индустриальное материальное производство, не-

смотря на преобладающий удельный вес сферы услуг (в которую – зачастую неправомерно – включают многие современные эффекты индустриальной активности).

Индустриальное производство, в частности, характеризуется некоторыми следующими чертами, отделяющими его от доиндустриального:

- использование не ручных орудий труда, а сложносоставных средств производства;
- опора не на природные источники энергии (мускульная сила человека и животных, энергия естественного движения воды и ветра), а на универсальные искусственные источники энергии (различные виды паровых двигателей, двигателей внутреннего сгорания, электродвигателей, реактивных двигателей и т.п.);
- использование технологий, основанных главным образом не на эмпирическом производственном опыте, а на научных знаниях, позволяющих превращать различные природные процессы в контролируемые и направляемые человеком технологические процессы;
- возможность обеспечивать как массовое производство стандартизированных изделий, так и приспособление их для нужд индивидуального потребителя.

Поэтому позиция, которая однозначно проводится в теории ноономики – это признание того факта, что индустрия прочно занимает место производственно-технологического ядра в современной экономике. Индустриальное производство обеспечивает необходимые материальные условия развития

всех остальных секторов экономики – строительства, аграрного сектора и всей совокупности отраслей сферы услуг – поставляя для них различные материалы, машины и оборудование, разрабатывая технологические процессы. Именно эволюция индустрии во многом определяет сдвиги в социально-экономическом строе общества на протяжении последних 250-ти лет.

Это развитие совершается путем перехода от одного технологического уклада к другому.

Технологические уклады

Концепция технологических укладов сформировалась как закономерное продолжение исследовательских тенденций в мировой науке. Известно, что Йозеф Шумпетер рассматривал инновационную деятельность предпринимателей, ведущую к технологическому обновлению производства, как фактор приобретения конкурентных преимуществ и главный двигатель экономического развития (Шумпетер, 1983). При этом Шумпетер пришел к выводу, что инновационная активность распределяется неравномерно по времени. Формирующиеся в периоды всплеска инноваций новые комплексы технологий Шумпетер назвал кластерами (пучками) (Меньшиков, 2014), однако больше закрепился термин «волны инноваций» (от англ. *waves of innovation*) (Блауг, Шумпетер, 2008).

В 1975 году западногерманский ученый Герхард Менш исследовал закономерности смены технологического застоя, характеризующегося преобладанием улучшающих или даже мнимых инноваций, периодами внедрения принципиально новых (базисных) технологических решений (Mensch, 1975). Он,

как и Шумпетер, писал о кластерах базисных инноваций, ведущих к индустриальным метаморфозам. В 1970–1980 гг. английский экономист Кристофер Фримэн сформулировал понятия «технологической системы» и «технико-экономической парадигмы», которое развила его ученица Карлота Перес (Перес, 2011). Термин «технологический уклад», используемый в отечественной экономической науке, является в определенном смысле симбиотическим аналогом понятий «волны инноваций», «технико-экономическая парадигма» и «технологическая система». Впервые он был предложен в 1986 г. Д.С. Львовым и С.Ю. Глазьевым (Львов, Глазьев, 1986).

Согласно определению С.Ю. Глазьева, технологический уклад представляет собой целостное устойчивое образование, в рамках которого осуществляется замкнутый цикл, начинающийся с добычи и получения первичных ресурсов и заканчивающийся выпуском конечных продуктов, соответствующих типу общественного потребления.

Сейчас в мире начинается процесс перехода от пятого технологического уклада, сформировавшегося в 50-е – 80-е годы XX века и в настоящее время являющегося ведущим (но лишь в наиболее развитых странах), к шестому. Предпосылки шестого технологического уклада в области научных исследований начали складываться в 80-е – 90-е годы XX века, а первые прикладные технологии начали распространяться с началом XXI века и пока занимают весьма скромное место.

Однако движение современной экономики к шестому технологическому укладу подводит нас не просто к смене укладов, а к порогу новой технологической революции.

Что такое шестой технологический уклад? Это – индустрия 4.0 (Germany..., 2018), основанная на создании так называемых умных фабрик (smart factory). Неотъемлемой составной частью индустрии 4.0 выступает интернет вещей, точнее, промышленный интернет вещей (industrial internet of things) (Boyes, Hallaq, Cunningham, Watson, 2018), обеспечивающий как взаимодействие автономных технических устройств между собой, так и контроль за ними со стороны человека. В целях такого контроля развивается широкое использование встроенных датчиков и систем обработки получаемых от них больших массивов информации (big data).

Непосредственно в сфере производственных технологий начинается переход от дистрактивных (вычитающих) технологий, основанных на спиливании, срезании, стачивании материала с исходной заготовки, к аддитивным технологиям², основанным на добавлении или соединении исходных материалов. Среди таких технологий быстро набирает удельный вес 3D-принтирование – система послойного наращивания исходных материалов, опирающаяся на использование трехмерных компьютерных моделей готового изделия. В 2017 году продажа 3D-принтеров в мире превысила 400 тысяч экземпляров (Adams, 2018). В 2018 году количество проданных 3D-принтеров сократилось на несколько процентов, но объем продаж по стоимости вырос на 27%, а прибыль поставщиков – на 44%. Это свидетельствует о развитии технологии в сторону ее усложнения. Сокращение произошло в сегменте домашних настольных 3D-принтеров, тогда как продажи промышленных и дизайнерских устройств де-

² Обзор возможностей аддитивных технологий см.: (Просвирнов, 2012)

монстрируют уверенный рост, а они занимают около 70% рынка (Greenwood, 2019).

Широкие перспективы открывает синтез нано-, био-, информационных и когнитивных технологий, так называемая NBIC-конвергенция (Converging..., 2005). В последнее время к NBIC совершенно справедливо прибавилось S, социальные науки, и получилось NBICS (Spohrer, 2004). Это – абсолютно точно фиксируемый тренд данного процесса и, собственно говоря, движения нашего цивилизационного развития.

В чем же заключается важнейшая специфика шестого технологического уклада, позволяющая говорить о промышленной революции?

Главными отличительными чертами этого уклада являются:

- во-первых, развитие новых технологий как следствие проведения фундаментальных научных исследований (что было характерно и для пятого уклада, но мало затрагивало основные технологии материального производства);
- во-вторых, широчайшее развитие получает синергетическое взаимодействие новых технологий и формирование гибридных технологий;
- в-третьих, развитие информационно-коммуникационных технологий формирует тот стержень, который как раз и обеспечивает конвергенцию различных технологий и формирование гибридных технологий.

Стоит еще раз подчеркнуть, что то, что мы видим, это – не просто переход на следующую ступеньку технологического развития, не просто переход от пятого технологического уклада к шестому.

Дело в том, что отличительной чертой новой технологической революции становится резкий скачок в применении новых знаний. Доля знаниеемких затрат возрастает, доля затрат материальных ресурсов относительно сокращается. Если следовать этой тенденции, то мы можем ожидать того, о чём пишется в авторских книгах «Грядущее. Новое индустриальное общество второго поколения: перезагрузка» и «Ноономика» – что мы перейдём к уровню производства, когда знания в составе издержек производства будут преобладать в любом варианте – как бы их ни считать, в каких единицах ни пытаться исследовать. Знание становится основным производственным ресурсом следующего этапа развития. И это во многих отраслях уже сегодня так.

В частности, если взять любой современный гаджет, то в нём, по оценке ИНИР, до 80-95% стоимости в его рыночной цене – затраты на получение и имплементирование «знания», интеллектуального элемента, а остальное – материальные ресурсы. Это – лишь один из примеров знаниеемкого продукта на современном этапе. Но то же самое можно говорить о множестве других продуктов нынешней индустрии.

Еще одна позиция, которую необходимо обозначить, это то, что для выхода к этому новому качеству производства нужен не только технологический скачок, но и совершенствование всех компонентов современного материального производства. Потому что производство – это не один, а четыре компонента. Помимо технологии, производство включает еще и труд, и средства производства (проще говоря, это все материальные ресурсы, используемые в производстве – от сырья до оборудования), и формы организации производства.

Обычно, когда говорят о технологическом скачке, то подразумевают, конечно, технологии в первую очередь. На самом деле это далеко не так. Меняется всё материальное производство, и при этом, если широко трактовать понятие «технологии», то меняются, скажем, технологии труда, технологии организации производства. С этой точки зрения можно говорить о технологической революции. Но, если исходить из нашего понимания содержания производства, то, конечно, речь должна идти о большой, комплексной индустриальной революции.

Грядущая индустриальная революция. Переход к НИО.2

Что же будет результатом этой грядущей индустриальной революции? Если речь идет о качественных изменениях всех сторон индустриального производства, то это должно означать переход индустриального общества на новую ступень развития. Таким образом, итогом этой самой революции будет новое состояние индустриального общества. Если предыдущую индустриальную эпоху, во времена и в терминах Дж.К. Гэлбрейта, считать новым индустриальным обществом первого поколения, то впереди нас ждет переход к второму поколению. И это будет новое поколение именно индустриального общества: оно останется индустриальным по сути, потому что оно будет всё равно в основе своей иметь индустриальную деятельность. Такое общество мы назвали НИО.2 – Новое индустриальное общества второй генерации.

Основным отличием этого поколения индустриального производства выступает изменение

главного экономического ресурса. Эта роль главного ресурса и главного источника развития переходит к знаниям, к научному познанию человеком окружающего мира.

Характер материального производства во многом определяется тем, откуда мы берём ресурсы. Когда-то мы брали их непосредственно из природы – добывали съедобных животных и растения, землю копали, чтобы добыть полезные ископаемые. А сейчас мы будем «копать» знание, потому что это – основной ресурс, из которого будет проистекать рост наших возможностей удовлетворять свои потребности, в значительной, базовой части.

Новый индустриальный способ производства имеет такую высокую знаниеинтенсивность, которая оттеснит на задний план материальные затраты и затраты человеческого труда, создавая знаниеемкий продукт. Однако это вовсе не значит, что производство перестает быть материальным – оно получает новое качество, превращаясь в знаниеинтенсивное материальное производство. Ведь знания (как, заметим, и любой ресурс) не заменяют сам процесс материального производства, хотя и превращаются в его ведущий ресурс, они имеют хозяйственное значение лишь при технологическом применении в производстве, а не сами по себе.

Рост знаниеемкости производства и превращение процесса производства в технологическое применение науки, в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку» (Маркс, 1954, с. 221), по выражению К. Маркса, обуславливает еще одну важнейшую тенденцию. Речь идет о выходе человека из процесса непосредственного производства, перехода работника на роль «кон-

тролера и регулировщика» производственного процесса, превращенного «из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей» (Маркс, 1954, с. 208), если опять воспользоваться словами К. Маркса.

И мы видим, что шестой технологический уклад ведет, по меньшей мере, к резкому сокращению непосредственного участия человека в процессе материального преобразования исходных ресурсов. На долю человека остаются во все большей степени функции целеполагания и контроля, а непосредственные манипуляции с веществом природы выполняются автономными технетическими существами. Широкое распространение промышленных роботов является только первым шагом на этом пути. Уже не редкостью являются хирургические роботы, на дороги выходят роботы-водители, искусственный интеллект все чаще заменяет человека во взаимодействии с клиентами торговых и банковских фирм; примеры можно множить.

Одним из примеров роботизированного комплекса, в котором сочетаются и современные информационные и телекоммуникационные технологии, и непосредственно робототехника, и использование 3D-принтирования, является новый продукт Olli³. Он предложен американской компанией Local Motors, представившей рынку беспилотный автобус для массовой перевозки пассажиров, произведенный на базе интегрирующей информационной системы, собранный из деталей, практически полностью произведенных

³ См. Презентацию Meet Olli на сайте компании Local Motors. URL: <https://localmotors.com/meet-olli/>.

на 3D-принтере, и при том – собранный роботом-линией (Tess..., 2017). Снижение затрат на материалы по сравнению с использованием традиционных материалов оценивается в разы, труда – в десятки раз. А время производства автобуса: 10 часов – выпуск полного набора комплектующих, 1 час – автоматическая сборка, 1 час – загрузка программного обеспечения и тестирование отдельных систем и продукта в целом. Всего – полсуток непрерывной работы, практически без участия человека. А чтобы использование такого, по-первости – необычного, продукта было комфортно для пассажиров, подключили компанию IBM, предложившую в дополнение продукт IBM-Watson (Local..., 2016): образно говоря, говорящего гида, отвечающего на любой вопрос (на любом из широко используемых языков!), раздающийся в салоне автобуса: сколько будем в пути, когда лучше выйти, сколько простоим в пробке, вызвать помощь любую, и т.п. В общем, получился автобус-робот; пассажир будет ощущать себя в нем как в обычном хорошем автобусе с внимательным водителем? Нет! Он будет ощущать себя даже лучше (иначе на конкурентном рынке новый продукт широко не пойдет!) – за счет мультимедийного обслуживания он будет иметь здесь же, в пути, собеседника, консультанта, гида, интернет, телевидение и прочие удовольствия – возможность работать, учиться, развлекаться и пр.

В приведенном примере задействованы «в одном флаконе» все три, если угодно, парадигмальные (меняющие парадигму традиционной индустрии, всех ее компонент) составляющие технологической обоймы наступающей новой промышленной революции – цифровизация, аддитивное принтирование и роботизация.

«Интернет вещей» и сходные технологии влекут принципиальное изменение подходов во многих ныне традиционных сферах экономической активности – от торговли и сферы обслуживания до строительства (заметим попутно – становясь, в свою очередь, фундаментом, мощной базой грядущих инноваций). Синергетический потенциал при этом, заложенный в современных технологиях, реализуясь в практике, не только не снижается, но возрастает: яркий пример – развитие информационных технологий, где через повышение эффективности «харда» растет эффективность «софта», а через совершенствование «софта» возрастают мощности «харда».

Следствием применения знаниеемких технологий являются принципиальные изменения, которые происходят и в такой компоненте индустриального процесса, как организация производства. Происходит совершенствование систем управления производством, перевод конструирования продукта на его 3D-моделирование, оптимизация транспортных/материальных/информационных и т.д. потоков, автоматизация/«интернетизация» управленческих решений – сисадмин превращается в администратора завода! – и многое другое.

Когнитивные технологии в рамках шестого уклада, через использование самообучающихся систем искусственного интеллекта (ИИ) вторгаются и в те области, в которых ранее не было альтернативы применению человеческого труда. Поиск, накопление, сортировка и сопоставление информации, позволяющие на этой основе принимать решения – это уже под силу системам ИИ. *Именно когнитивные технологии, через использование достижений биотехнологий и информационно-коммуникационных технологий, создают*

возможность непосредственного взаимодействия человека с протекающими безлюдными технологическими процессами (человеко-машинные интерфейсы, человеко-машинные системы, человеко-машинные сети⁴). На этой основе получает новый толчок производство робототехники, которая становится более гибкой, более приспособляемой, более производительной.

Цивилизационная развилка

Следующий тезис: рост технологических возможностей удовлетворения потребностей ставит человечество перед дилеммой в цивилизационном развитии. Мы говорим очень часто, что впереди экологический кризис: то пластмассой мы весь мир засорили, то появляются мутанты в зоомире, то исчезают ежедневно целые десятки и сотни видов живых существ, возникают технетические существа, которые плодятся гораздо быстрее, чем природа создавала этот мир. Потому что уровень прироста так называемых технетических существ (если говорить, по аналогии с терминологией геобиоценозов, о существах, населяющих технологические ценозы) растет стремглав.

Те элементы техноценоза, которые мы называем «технетические существа», потому что они ведь существуют и занимают определенное место в нашем пространстве, занимают этого места все больше и больше. Они вытесняют естественные сущности природы, и сегодня человек, их создатель, уже (если следовать Вернадскому, даже уже в те времена,

⁴ Обзор на эту тему см.: (Tsvetkova, Yasseri, Meyer, Brian, Engen, Walland, Luders, Følstad, Bravos, 2015).

когда был Вернадский) стал значимой геологической силой, не говоря о «биологической» силе. Общий объем всего, что сделал человек за последние пять тысяч лет своего существования, по данным геологов, или *вес техносферы*, то есть всего, что создал человек за свою активную историю с помощью технологий, *составляет 30 триллионов тонн* (Zalasiewicz, Williams, Waters, etc., 2017, pp. 9-22), *в то время как по данным биологов, за 4,5 миллиарда лет существования Земли вес биоты, то есть созданного живой природой, составляет примерно 2,5 триллиона тонн* (Корогодина, Корогодина, 2000, с. 106).

При этом нам грозит прогрессирующая утрата биоразнообразия. Каждый час на земле исчезает примерно 3 вида живых существ, 72 вида умирает ежедневно. Конечно, и естественным путем, без участия человека, всегда происходил процесс вымирания тех или иных видов. Этот естественный процесс оценивается уровнем утраты примерно одного вида из миллиона в год. При этом «...оценки существующего в настоящий момент биоразнообразия колеблются от, скажем, 2 миллионов видов до 30 или даже 100 миллионов» – так описывает проблему доктор Браулио Диас, исполнительный секретарь Конвенции о биоразнообразии (Скобеева, 2016)⁵. Нелегко подсчитать, что даже если взять самую верхнюю оценку, то и тогда скорость вымирания составит 262 вида в год из одного миллиона, что в сотни раз превосходит естественную норму.

⁵ Существуют исследования, основанные на секвенировании и сравнении ДНК микроорганизмов, из которых следует, что число видов на нашей планете составляет около 1 триллиона. Но это увеличение оценки числа видов произошло только за счет микроорганизмов (Kenneth, Lennon, 2016, pp. 5970-5975).

И в тоже время человек создал гораздо больше технетических видов, чем природа создала видов живых существ – около одного миллиарда (Zalasiewicz, Williams, Colin, 2016, p. 12). И, как мы видим, техноразнообразие не только превзошло биоразнообразие, оно еще и подавляет его.

Так что, если говорить о биологической стороне вопроса, то существ, которые уничтожили бы живую природу больше, чем человек, в общем-то, наверное, природа пока не создала. Это ведет серьезному кризису, кризису многих сфер, например, биологическому, или – к геномному кризису, когда люди могут и в себя вмешаться, и создать существа, которые могут быть нам неподконтрольны, и многое другое.

Это – уже не фантастика.

К примеру, в Массачуссетском технологическом институте (США) уже редактируют гены внутри человеческого эмбриона, кое-что убирая (отключая), а кое-что – добавляя! А в другом американском институте (The Scripps Research Institute, TSRI) пошли еще дальше: к четырем азотистым основаниям, из которых строится ДНК в живой природе – аденину, тимину, гуанину и цитозину (из которых построено всё живое – от бактерии до кита) исследователи добавили еще два искусственных, каковых в нашей природе не существует, встроили их в ДНК живых клеток и заставили успешно размножаться, причем с передачей приобретенных (встроенных) свойств по наследству, получая полусинтетические белки (Медведев, 2017)⁶.

В Германии законодательно ввели третий пол (intersex), но, вполне можно предположить, что в результате вмешательства уже сейчас доступных тех-

⁶ Подробнее см.: (Создан..., 2017).

нологий мы в недалеком будущем будем общаться и с бесполовыми людьми (Агаев, 2017), или «частично» людьми.

Однако, если человек захочет поменять свою природу как человека, тогда говорим ли мы о человеке как о био-социальном существе, или мы говорим о другом существе? Если мы говорим о человеке, мы сопровождаем это разумными ограничениями, которые не позволили бы привести к подобному развитию событий. Сюда входят разные вещи. Русский писатель А.Беляев описал это еще в своих романах; сошлемся на эту мысль – если мы хотим иметь жабры, мы должны уходить жить в океан. И обратно – если мы меняем среду обитания, придется меняться нам самим.

Понятно, что учеными, раздвигающими горизонты научного знания, движут благие намерения – к примеру, создание новых лекарственных форм, исправление генетических отклонений. Но они не отрицают, что эти научные достижения вполне могут быть использованы для создания новых форм жизни и для «редактирования» биосущности самого человека.

Абсолютно такие же рассуждения можно построить в отношении множества современных технологий, неосторожное и неоглядное применение которых может радикально изменить и нашу среду обитания, и условия нашей жизни, и нас самих.

Позитивный ли безусловно этот путь? Или он чреват принципиальной опасностью для человека?

Представляется, ответ понятен. Нам надо, как минимум, задуматься над этим нарастающим вызовом неопределенности развития и цивилизационных рисков.

Экономическое общество в тупике

Что толкает людей на то, чтобы двигаться по этому, весьма вероятно, неоптимальному, а возможно, и губительному пути?

На это – отвечает следующий тезис – толкает сегодняшняя экономическая система, в которой главным, следуя фундаментальным рыночным принципам и основам, является получение прибыли, причем, скажем откровенно, чаще всего – независимо ни от чего, любой ценой.

Сегодня это, в первую очередь, – продвижение симулятивных, ненужных (или снабженных излишними свойствами) товаров во имя этой прибыли. В свою очередь, рост производства этих товаров толкает на бессмысленное разграбление природы (в то время как часто не удовлетворяются при этом реальные потребности людей), и так далее, и тому подобное. О разуме здесь говорить сложно, хотя экономисты-рыночники и обслуживающие их специалисты-эксперты считают такой принцип ведения хозяйства разумным (возьмем любой учебник экономикс или многие другие учебники, где очень много говорится о том, насколько рационально или нерационально то или иное поведение; там, как правило, речь идет о поведении экономических акторов в рыночной среде).

По этому поводу в ИНИРе был коллоквиум, где разбирали, что такое «рацио» и что такое «разум», и пришли к выводу, что это – разные вещи.

Потому что разум и знания соотносятся весьма сложным образом. Наш разум в той критериальной базе, которая формируется на базе познания, тоже формируется на базе познания. То есть разум – это

и часть знания, которая позволяет оценить некое соответствие этой части знания некоторой критериальной базе, и часть знания, составляющая саму критериальную базу. Разумно или неразумно нечто в определенной критериальной базе. «Ноос» тоже имеет свою критериальную базу. Но она, эта «ноо»-база, гораздо шире и не утилитарна. Более того, она изменяема с обретением нового знания.

О критериальной базе разума иносказательно говорится с древнейших времен. К примеру, уже в XI в. митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» писал: «въ разумъ истиннии приведе» (Слово..., 2011, с. 70), то есть критериальная база разума – это истина, некая непреходящая осознанная ценность; а тот «круг» знания, который определяется этой критериальной базой, есть «свет разума», остальное же – тьма! Именно в таком, глубинном смысле надо понимать греческое слово «ноос». Кстати, его перевод на латынь – «рацио» – совершенно неточно, поскольку рацио – это соответствие чего-то (какого-то знания) любым (!) выбранным критериям, и это что-то вовсе не обязательно должно быть «светом» и в «истиннии приведе».

Откуда берутся эти рамки рациональности? Рамки – это некая критериальная база, которая формируется нами же. За счет чего? За счет знания, знания каких-то вещей, осознания их и формирования соответствующих «пограничных столбов»: сюда можно ходить, а сюда – уже нельзя, здесь выход за пределы рациональности.

Следует обратить внимание, что «рацио» – не абсолютно. Эта система координат, или система критериев – динамичная. Расширяем знание – расширяется это пространство, и, тем самым, расширяется

наше знание о критериальной базе. Соответственно, расширяются ее границы, критерии. На каждом этапе, в каждой системе – свое «рацио». Т.е. то, было вчера «рацио», сегодня может оказаться «не рацио».

В основе же всего этого лежит способность человека получать все больше знаний. В рамках чего? В рамках удовлетворения своих потребностей, в том числе потребностей в новых знаниях, в т.ч. – в том, что такое «хорошо» и что его границы можно «сдвинуть». Таким образом, знание лежит в основе и этого явления. Это – важнейший аспект проблемы, которая позволяет понять, как устроен мир и почему он «сходит с ума»: потому что сдвиги этих границ – это и есть «схождение с ума», выход за границы предыдущего «рацио». И именно потому зачастую (и ныне – особенно) все те научные истины и подходы, замечу, которые мы изучали многие годы, оказываются совершенно непригодны для анализа будущего, вообще – для понимания будущего, осознания нами самих себя.

В последние годы экономическая наука стала «догадываться», что человек отнюдь не живет, руководствуясь «кривыми безразличия» из учебника *economics*, пытающегося в очередной раз поверить сухой алгеброй формул и графиков гармонию реальных трендов – качественного! – развития общества. При этом часто речь идет об «ограниченной» рациональности человека. Однако это, на самом деле, как раз ограниченный взгляд на проблему: человек – не механический аппарат, у которого даже рыночная рациональность ограничена, он – богаче, и он способен принимать решения, руководствуясь различными, в том числе – и нерыночными критериями.

В ноономике новый характер рациональности и, соответственно, новая определенность целевых

установок развития приобретает первостепенное значение. Ведь ноономика опирается на переход от парадигмы роста на основе экономической «рациональности», ориентированной на наращивание объемных стоимостных показателей, к парадигме развития на основе достижения конкретных целей, удовлетворения различных человеческих потребностей, сформированных на основе более высоких ценностей.

В рыночной экономике рациональность понимается как максимизация денежного дохода. Разумеется, неоклассическая экономическая теория утверждает, что она не сводит вопрос только к деньгам, и что человеку свойственно максимизировать получение любых благ – но они реально принимаются во внимание только тогда, когда получают денежную оценку. Лишь сравнительно недавно, под давлением результатов, полученных в ходе исследований по поведенческой экономике, неоклассика несколько смягчила позиции, допустив, что человек – не запрограммированный калькулятор выгод и убытков, что им могут двигать и иные мотивы, и что на его экономические решения могут оказывать влияние и неэкономические факторы. Однако все это интерпретируется как «ограниченная рациональность» человека. То есть «настоящей» рациональностью по-прежнему считается счет выгод и убытков, а человек несовершенен, его способность к рациональному поведению ограничена разными привходящими факторами.

Экономика, положим, рациональна (ну, или стремится к рациональности), но – разумна ли она? Безусловно разумны ли поступающие безусловно рационально (с точки зрения критериальной базы существующей экономики) субъекты нынешней эко-

номической деятельности? Кроме того, «рацио» не занимается осознанием нового знания, в отличие от разума.

И вот в этом плане, когда мы говорим о ноономике, то мы подразумеваем, что это – переход к принципиально иной критериальной базе, к неким особым, основанным на «ноо», принципам формирования способов удовлетворения потребностей людей. Причем – да, возрастающих, меняющихся, но «ноо»-потребностей. Это – особый способ хозяйствования. Нооспособ, если угодно. Так же, как экономика – способ хозяйствования в экономическом обществе, ноономика – способ хозяйствования в ноообществе.

Таким образом, ноономика ставит во главу угла не частную погоню за прибылью или иным доходом, что достигается хаотической игрой рыночных сил, а рациональное стремление к удовлетворению конкретных потребностей, оцениваемых как разумные. Соответственно, уровень насыщения этих разумных потребностей выступает в качестве конкретных целей производства. Это предполагает определенную программу действий, которая возвышается над рыночным хаосом, придавая производству более планомерный, более упорядоченный характер. Такой подход не может исключать ни элемента случайности, ни свободу индивидуального выбора, не ограничиваемую предписаниями сверху. Вопрос, следовательно, заключается в том, чтобы разрабатываемая программа производства обладала существенной гибкостью и адаптивностью к меняющимся условиям и случайным возмущениям.

Однако сегодня мы живем в экономическом обществе, которое не раз демонстрировало свою

способность подводить цивилизацию к кризисным состояниям. Не следует отрицать, что экономическая рациональность являлась в определенные периоды мощным двигателем развития хозяйства, но надо и видеть, что такое развитие всегда, в общем-то, так или иначе приводило к каким-то кризисам, когда человек делал нечто, что никак не соответствовало некоторым критериям разумности, лежащим вне экономики.

Симулятивные потребности и финансовый капитал

Если рассматривать эти проблемы с точки зрения историко-философской и, может быть, опираясь не только на марксову теорию общественно-экономических формаций, но и на других специалистов, которые писали в свое время по этому поводу (на Шпенглера, Тойнби), это приведет нас к выводу, что, в общем-то, наверное, всякая смена таких – они говорили «цивилизаций», я считаю, что – этапов развития нашей единой цивилизации – связана с вызовами, с которыми человек сталкивается в своём развитии.

У нас, в данном случае, таковым является не геологическая катастрофа, как это бывало во времена оны, не какие-то природные явления (засухи, наводнения, мор, голод и прочие вещи); нынешний главный вызов – это сегодняшний научно-технический, технологический прогресс. Точнее говоря, конечно, не сам по себе прогресс, а использование технологических достижений в рамках существующего общественного устройства, при принятых критериях

рациональности, которые не в состоянии сдержать ни нарастающее расшатывание экологического равновесия, ни разрушительное вмешательство в природу человека. Все это происходит в безудержной погоне за увеличением массы потребляемых ресурсов, превращаемых в отходы ради иллюзии удовлетворения ложных, иллюзорных, симулятивных потребностей. Папа Римский Франциск в своей недавней энциклике *Fratelli tutti* (Общее братство), отмечает: «Часто голоса, поднятые в защиту окружающей среды, замалчиваются или высмеиваются, используя, по видимости, разумные аргументы, которые являются просто ширмой для особых интересов. В этой поверхностной, недальновидной культуре, которую мы создали, лишенной общего видения, “предсказуемо, что в ситуации истощения некоторых ресурсов постепенно создается благоприятный сценарий для новых войн, маскируемых под благородные требования”»⁷ – ссылается он на свои собственные слова из энциклики *Laudato Si* (Забота об общем доме)⁸. И далее он выражает опасение, что, выйдя из сегодняшнего пандемического кризиса, мир может «еще глубже погрузиться в лихорадочное потребительство и новые формы эгоистического самосохранения»⁹.

Откуда берется эта безудержная гонка потребления, поглощающая все больше ресурсов Земли?

⁷ Перевод Авт. (“Often the voices raised in defence of the environment are silenced or ridiculed, using apparently reasonable arguments that are merely a screen for special interests. In this shallow, short-sighted culture that we have created, bereft of a shared vision, “it is foreseeable that, once certain resources have been depleted, the scene will be set for new wars, albeit under the guise of noble claims”). (Encyclical..., 2020), 17.

⁸ (Энциклика..., 2015), 57.

⁹ Перевод Авт. (“would be to plunge even more deeply into feverish consumerism and new forms of egotistic self-preservation”). (Encyclical..., 2020), 35.

Когда конкретный сегмент рынка насыщен, людей в принципиальном плане «накормили» (в сравнении с предыдущим этапом развития) – у актора экономической деятельности возникает вопрос – с чего получать прибыль? Необходимо расширение рынков – либо за счет инноваций давать продукт принципиально новый, финансами вложиться, чтобы создать, вывести на рынок новый продукт (что, как правило, максимально затратно и имеет более высокие риски), либо расширить рынок за счет старого продукта (что, как правило, дешевле и менее рискованно), захватив новые рынки, в том числе и путем подавления любых конкурентов (даже и предлагающих лучшее решение, но более слабых) и доминирования в ущерб прогрессу и реальным потребностям людей – отсюда хищническая природа капитала. Он будет как можно меньше тратиться, как можно больше поглощать ресурсов при как можно меньших расходах, и при этом он готов на хищнический способ добычи прибыли. Еще один хищнический и все более прогрессирующий способ – это, в том числе, и навязчивое продвижение симулятивного продукта, товара.

Разумеется, чисто фальшивая потребность и чисто симулятивный, бесполезный товар встречаются не столь часто. Обычно фальшивые потребности «пристраиваются» к реальным потребностям, а симулятивная компонента как бы «надевается» на товар, удовлетворяющий эту реальную потребность. Причем сначала часто это бывает реально полезный продукт, и его приход – явление прогрессивное, потом он обзаводится симулятивной надстройкой – и это уже становится не прогрессивным.

Какие тренды победят? Это зависит от того, каким будет соотношение скорости развития двух

вещей: темпы/скорость развития производства, технического прогресса, и темпы/скорость осознания человеком социальных последствий применения тех или иных технологий и конструкций удовлетворения человеческих потребностей, социальной надстройки. Она тоже меняется, но меняется она вслед за материальным производством.

Эта связка вызывает определенные опасения, потому что общество для решения этих проблем, для осознания и определения выбора своего пути развития должно «созреть». Общество зреет с накоплением знаний, но при этом способствующий этому элемент – удовлетворение потребностей – реальных потребностей, по крайней мере (реальные потребности тоже со временем меняются, и некоторые, бывшие симулятивными, становятся реальными на следующем этапе, но это – тема другого разговора).

В таком случае, очевидно, мы имеем серьезную проблему. Общество наше еще «не созрело» для того, чтобы правильно использовать технологический прогресс и его достижения. Не созрело оно еще и потому, что нынешний технологический прогресс, при всем его могуществе и полной способности решить уже на этом этапе все базовые проблемы человека, еще не «накормил» всех, еще не достает всем благ, удовлетворения реальных потребностей. Почему, к примеру, не накормил всех, хотя сегодня зерна производится в мире столько, что всем бы хватило хлеба, а голодают миллионы людей? Потому что существует до сих пор экономический способ присвоения этих самых благ. Более того, это приводит к тому, что технологический прогресс дает возможность при содействии финансового капитала, который поглотил результаты технологического

прогресса, перераспределять доход в пользу этого самого финансового капитала, а не в пользу капитала производственного и не в пользу удовлетворения реальных потребностей людей.

Природа финансового капитала связана с тем, что он, проходя определенные стадии своего развития, стал хозяином, господином всего общественно-го процесса. Захватив не только общественное производство, но и, постепенно, умы и сердца людей.

Почему ему это удалось?

Потому что у человека изначально есть потребности, которые являются его витальными, естественными биологическими потребностями, «зоологическими» по своей выраженности, и т.д. Эти потребности удовлетворяются определенным способом. Они требуют от человека развития тех качеств, которые, не будучи сами по себе отрицательными (например, создание/накопление запасов и т.п.), тем не менее, могут быть в определенной ситуации излишними, избыточными.

Это проистекает из фактора существенной неопределенности человеческого существования. Человек, с самых первых дней своего выделения из природы и осознания себя отдельным от природы, не может определить, на какой период времени ему необходим тот или иной ресурс и, соответственно, запас. Он не может быть уверен, что этого запаса ему хватит на какой-то период времени, который он тоже не может обзреть. Соответственно, формируются на базе этой неопределенности соответствующие элементы критериальной базы человека, которые требуют от него принятия соответствующего рода решений – к примеру, что копить надо больше, запас иметь, и даже несоответствующий с тем, который он может сейчас поглотить.

Помните басню о попрыгунье-стрекозе и запасливом муравье? Мораль сей басни точно совпадает с общественной моралью (критериальной базой поведения) того общественно-хозяйственного уклада, в каком была написана эта басня. Экономическое общество сохраняет родовой признак природного существования человека. В ноообществе за счет развитого ноопроизводства роль «запаса» станет играть фактор полного удовлетворения несимулятивных потребностей людей – и, соответственно, изменится и критериальная база, определяющая «правильность» поведения человека, и, собственно, само поведение его.

Сейчас же мы живем в экономическом обществе – и по его законам. Один из них – экспансия запасов, капитала (как его определенной сублимации), «жизненного пространства». В результате естественные потребности в обеспечении своего существования в условиях неопределенности человек перенес в финансовую систему. Почему перенес? Потому что финансовая система, деньги, в свое время заменили, заместили элемент накопления. Потому что они, деньги, имеют определенную функцию, определенные известные возможности в этом плане. Они легко меняемы. Они гораздо более «подвижны». Они легче (особенно в нынешних технологических условиях) «складируются» и не так быстро пропадают, как какие-нибудь скоропортящиеся продукты, условно говоря, и т.д. Хотя тоже пропадать могут.

Финансовая система обеспечивала накопление ресурсов не только для потребления, но и для производства. Некогда обособление финансового капитала от капитала производственного означало шаг в прогрессивном направлении, поскольку обеспечивало

концентрацию распыленных денежных ресурсов и эффективное использование этих ресурсов для производственных инвестиций. Однако, чем большее развитие получали институты финансового рынка и чем более значимую роль они играли в обеспечении функционирования экономики, тем большее значение приобретали собственные интересы финансового капитала, то есть цели самовозрастания этого финансового капитала. Финансовые цели начинают вытеснять цели реальные – именно это лежит в глубинном основании процесса, называемого финансиализацией.

Если производственный капитал сталкивается с насыщением рынка и ограничением спроса, о чем говорилось выше, то какой путь преодоления этой проблемы изберет финансовый капитал? Ведь его функционирование, в отличие от функционирования производственного капитала, не имеет прямой связи с насыщением потребностей людей. Конечно, и производственный капитал интересуется в первую очередь денежный поток, но, чтобы его получить, этот капитал должен удовлетворять некие конкретные человеческие потребности, он в какой-то степени зависит от реакции потребителей. В то же время финансовый капитал интересуется только денежный поток, и неважно, откуда он проистекает. Своего потребителя финансовый капитал оценивает только с одной точки зрения – кому, сколько и на каких условиях выделить денег, чтобы получить наибольшую денежную отдачу.

Клиенты финансового капитала, попадая в зависимость от него, также вынуждены ориентироваться на эти критерии. И когда рынок насытили какими-то предметами, товарами – значит, предметы становятся дешевле, деньги не прирастают, и воз-

никает вопрос – каким образом сделать так, чтобы они далее прирастали?

Возникают инвестиции в инновации, чтобы занять новые рыночные ниши. А поскольку те «инновации», которые являются по сути псевдоинновациями, фальшивыми, делаются легко, элегантно, но приносят такие же, если не большие, доходы, то они и становятся превалирующими. При этом потребителю будет объяснено, что это – нечто очень ценное, очень важное, без чего он едва ли не может нормально жить, что является предметом вожделения, и т.д. Для этого надо менять ценности, ценности в головах людей. Поэтому – возвращаемся к исходной точке – финансовый капитал подталкивает к разворачиванию человека, он делает из него не «ноо»- человека (человек развивается всегда, сделаем отступление небольшое, от «зоо» к «ноо», я об этом писал в статье, опубликованной в «Вопросах философии» (Бодрунов, 2018b)), а наоборот, провоцирует формирование зоопотребностей.

Финансовый капитал стремится распространить свою экспансию на весь мир, но последствия этого для разных сегментов мирового хозяйства неодинаковы. На сегодняшний день, несмотря на то, что мир глобален для финансового капитала, он еще далеко не так глобален для того, чтобы удовлетворить потребности глобально одинаково. Т.е. капитал в сегодняшнем мироустройстве, несмотря на глобализацию, умеет удерживать эти средства для удовлетворения потребностей в определенных ареалах. Соответственно, одни страны, общества, субобщества беднее, другие – богаче. Есть те, которые удовлетворяют больше потребностей людей, есть – меньше. Наведенная, фальшивая потребность больше формируется там, где люди уже более-менее

«подкормлены». Уровень удовлетворения естественных потребностей, их реальных потребностей здесь выше, и технический прогресс позволяет еще более высоко их насыщать, но насыщать их дальше особенно некуда, это дорого – экономически эффективнее возвращать симулятивные потребности.

Вот в этом плане использование технологического прогресса финансовым капиталом приводит к тому, что финансовый капитал становится именно на этом этапе, сейчас, сверхпереразмеренным. И возгоняются наведенные, навязываемые потребности. С соответствующим поглощением природных и прочих ресурсов.

Это, с изрядной вероятностью, ведет к глобальной катастрофе, поскольку ресурсы, которыми человек пользуется для реализации процесса удовлетворения потребностей, ограничены. А использование ограниченного количества ресурсов неограниченно растущим (по своей природе) финансовым капиталом – это глобальное противоречие. Использование этой парадигмы развития – бесконтрольного, бесконечного развития финансового капитала – привело к тому, что именно эта неограниченная ничем потребность в развитии, саморазвитии финансового капитала сталкивается с ограниченной возможностью удовлетворения этих потребностей финансового капитала в естественных ресурсах планеты, людей, человеческих ресурсов, и т. д.

Отсюда – связка симулятивности и финансового капитала: он, расширяя «рационально», с точки зрения рыночной парадигмы, экспансию симулятивного потребления, в силу своей природы направляет усилия на приращение самой финансовой прибыли. И тем самым ведет к цивилизационному кризису.

Подобная ситуация возникает на каждом этапе технологического прогресса. Переход к новому технологическому укладу сопровождается расширением экспансии и конфликтов, хотя, казалось бы, удовлетворение большего спектра потребностей должно позволить людям лучше жить. Почему это происходит? Потому что налицо дисгармония, отставание общественного сознания и, соответственно, общественных отношений от возможностей технологического прогресса.

Поэтому дилемма сейчас выглядит так: либо общество не сумеет направить возможности, которые предоставляет техническая революция, на своё совершенствование, увлечется ложными целями и ценностями, усугубит негативные тенденции современной цивилизации вплоть до утраты человеком своей собственной сущности, либо человечество сумеет реализовать переформатирование нынешних цивилизационных установок.

Через социализацию – к человеку культурному

Как же развиваются эти цивилизационные установки? Человек постепенно, исторически, по мере становления его как личности, все больше и больше приобретает характер существа ноо-типа, гуманистического существа, все больше учитывающего не только собственные интересы, но и интересы окружающего пространства, общества, среды, других людей. Это движение – от «зоо» к «ноо» – есть и исторически подтверждается.

Другой вопрос: каким образом мы можем обеспечить приоритет этого движения, повышение

темпов движения к «ноо» и торможение негативных, редуцирующих человека и общество к «зоо», процессов?

Общий пласт человеческого познания и норм поведения, который одновременно формируется на их основе – общая культура человека, общества. Мы видим, что эта культурная составляющая бытия постоянно растет, развивается. Конечно, бывали в истории и обратные ситуации, но, тем не менее, мы понимаем, что общий уровень культуры современного общества существенно выше, чем уровень культуры тысячи лет назад. Хотя, заметим, многие черты «первобытного» отношения к жизни сохраняются у части людей, которые недостаточно вошли в это самое культурное пространство.

Здесь – ключевой момент.

Что значит – «вошли»?

Мы понимаем, что, в культурное пространство люди вошли не в равной мере: какие-то страты общества, какие-то индивиды или их сообщества более восприимчивы к тому самому пласту знаний, который называется культурой и который как раз ведет к тому, чтобы развивались ноо-потребности человека, сформировалось его отношение к жизни как ноо-существа, а какие-то – меньше. Мы видим многочисленные примеры «недоработок» нынешнего общества в этом плане, а где-то – и целенаправленного выстраивания такой системы, которая формирует ограничения на вхождение человека в культурное пространство, которая не позволяет ему формироваться как личности, оглушает человека. Это делается неслучайно, ибо *ограничение доступа человека к культуре есть предпосылка манипулирования им*. Этим занимается, как легко догадаться, финансовый капитал и его спутники.

Его сателлиты – это его производные, родные братья и сестры, это – его дети и внуки, такие, как, в частности, бедность, неравенство, снижение доступа к потреблению феноменов культуры, образования и так далее, то есть все то, что приводит к недополучению человеком того арсенала знаний, культурных благ, который позволяет формировать ноо-человека. Это все используется также и для оправдания известных тезисов о человеке как звероподобном существе, домыслов о невозможности в принципе избавиться от «зоо».

Теория ноономики принципиально возражает против этого.

Каждый человек, индивид с рождения наделен задатками «ноо». Задатки, как известно, не определяют способности; они являются предпосылками их формирования и развития. А что влияет на их формирование? Говоря языком социальной психологии, механизм такого формирования есть обобщение и закрепление в деятельности индивида всей гаммы психических процессов. Которые, в свою очередь, есть отражение, говоря уже языком философов, внешнего мира, его воздействия на индивида. Формируя, в том числе, его мировоззрение, закрепляя в его сознании «коды» и ценности, позволяя ему осознавать мир и общество.

Мы сегодня живем в мире, где научный и научно-технический, технический прогресс соединяется с прогрессом социальных знаний, познания человека, общества, его особенностей. На самом деле социальные исследования, по большому счету, начались позже, чем научно-технологические и технические исследования, хотя наиболее раннее направление такого общего развития представлено в философии.

ских трактатах и идеях на протяжении уже более двух тысяч лет. Но исследование человека как социального существа, как индивида в обществе началось с развитием психологических наук, социальных наук в конце примерно XIX века и продолжалось на протяжении XX века, получив признание, как огромная сфера социальных наук во второй половине XX – начале XXI века.

Это развитие дает свои результаты.

Термин «социализация» впервые был применен в конце XIX века социологом и философом Георгом Зиммелем, который понимал под ним образование социальных групп. Но в значении, более близком современному пониманию, этот понятие раскрыли социологи Франклин Гиддингс (Giddings, 1897) и Жан-Габриэль Тард (Tarde, 1890), рассматривавшие его как формирование человеческой личности под влиянием социального окружения.

Сейчас это понятие применяют во многих общественных науках и в довольно разных смыслах. Экономическая теория понимает под этим не освоение человеком системы социальных норм и стереотипов, а тенденцию усиления ориентации экономики на достижение социальных результатов. Такая социальная направленность экономики опирается на широкое производство общественных и опекаемых благ (Рубинштейн, 2011) при посредничестве и прямом участии государства. Это предполагает развитие государственного регулирования экономики, бюджетное финансирование образования, науки и здравоохранения, социальную помощь населению.

Но экономическая теория не может обойти вниманием проблемы социализации и в том их значении, в каком они рассматриваются в социологии.

Дело в том, что в современном производстве коренным образом меняется роль человека. Он выступает прежде всего как носитель знаний – основного ресурса развития экономики. И от того, по каким критериям будет использована колоссальная мощь современного знания, зависит судьба нашей цивилизации. Таким образом, для производства критически важную значимость приобретает уровень социальной ответственности человека.

И научно-технический прогресс, и ослабление тяги к обладанию собственностью, и развитие творческих функций труда – все это подталкивает человека к тому, чтобы он действительно становился все более ответственным, все более культурным, все более социально ориентированным – человеком, для которого важны и его социальная миссия, и общественное признание, а не бесконечная погоня за поглощением материальных благ. Такое человек шаг за шагом идет от «зоо» к «ноо», меняя при этом не только собственное поведение, но и тот стержень нравственных норм и ценностей, на который он опирается.

И в этом вопросе важно не упустить обратную сторону данного процесса. Человек в процессе социализации выступает не просто как пассивно принимающий общественные нормы, общественную мораль, социальные стереотипы. Нет, социализирующийся человек оказывает, в свою очередь, активное влияние на ценности и социально-культурные нормы, вырабатываемые обществом. Не только человек социализируется под воздействием общества, но и общество социализируется под воздействием активной деятельности человека, преобразующего сложившиеся культурно-нравственные нормы, цен-

ности, мотивы, а также – соответствующие социальные институты.

Если содержанием этого процесса будут осмысленные и согласованные усилия людей, направленные на освоение обществом лучших достижений человеческой культуры, то это будет обеспечивать расширение социального ноо-пространства, вести к ноо-обществу.

Предложенный нами термин «социализация общества» позволяет понять, что соединение в теории ноономики нашего подхода, связанного с развитием технологическим, с идеей опережающего познания человеком социальных знаний, формирования социальной структуры через механизм социализации, и показать, что поэтапное движение к новому человеку (новому с точки зрения его адаптации в обществе и адаптации общества под себя, под реальные потребности), движение к самоограничению и прочее – это как раз тот самый момент, на который следует обратить внимание в *практической деятельности институтов* – и государственных, и общественных.

Отметим, что *идея человека как социального существа, которое формируется обществом и формирует общество* – не нова, как и постановка вопроса о том, что человек творит историю.

Важно понимать, что, находясь в обществе, индивид «кодируется» обществом, принимает в процессе социализации в качестве «кода» то нравственно-ценностное ядро, которое составляет социальную сущность общества на данный момент и которое определятся той критериальной базой ценностей, которая присуща обществу в данный момент. Индивид социализируется. Но и сам индивид, влияя

на общество, «социализирует» его, меняя его нравственно-ценностное ядро – и задача состоит в том, чтобы это ядро видоизменялось *в направлении, определяемом ноо-критериальной базой*. И открытие, расширение, освоения такого знания, включение его в нравственно-ценностное ядро – важный аспект задачи социализации общества. «Делание» его более «социальным», неиндивидуалистичным (в негативном смысле этого слова), более комфортным к индивиду, более «ноо»-ориентированным.

Если к этому добавить процесс познания человеком своих потребностей, то есть если мы соединим эти два процесса получения знаний одного типа и знаний другого типа в единое целое, то с этими механизмами, с этими методическими наработками, мы получим ключ к решению задачи – как продвигаться по пути к «ноо»-человеку. Это значит, что мы получим ключ к тому, чтобы «делать» человека не просто неэкономического (с точки зрения неиспользования им экономических механизмов решения своих задач удовлетворения потребностей), а человека, который будет осознанно работать над собой и делать «в себе» и в обществе то, что необходимо, чтобы у него, человека, был, с одной стороны, осознанный и признанный им достаточным уровень благополучия – социального, материального, душевного, духовного – и, с другой стороны, не было потребности (именно потребности, реальной потребности!) в расширении производства того, что на данном этапе развития невозможно получать без ущерба обществу, окружающему миру и другим людям.

На такой траектории видится путь к постепенному переформатированию нынешних цивилизационных, социально-культурных установок.

Но какова должна быть основа и содержание такого переформатирования, которое встает в повестку дня уже сегодня?

Переход к ноономике

Речь идёт о переходе на этап разумного ведения хозяйства, на нооэтап. На этом этапе ноопроизводство, будучи отделенным от человека, от общества, по своим целям и задачам остаётся подчинённым обществу. С развитием ноообщества, с переходом к ноопроизводству и ноопотребностям, происходит и переход от экономической рациональности к новой, и этот новый характер рациональности и, соответственно, новая определенность целевых установок развития приобретает первостепенное значение и служит основой изменения характера общественных отношений.

Место экономики, тем самым, займёт ноономика. В основе ноономики лежит неэкономический тип удовлетворения человеческих потребностей, которые сформируются через новое качество производства, в котором человек станет, в соответствии с предвидением Маркса, «по ту сторону собственно материального производства».

Неоднократно возникал вопрос о термине «ноономика», который часто понимается весьма поверхностно – как сочетание слов «ноосфера» и «экономика». Это находит отражение и в научном дискурсе: такое соединение понятий используют авторы многих публикаций при упоминании термина «ноономика». В их понимании ноономика – это, в общем и целом, «ноосферная экономика», «разумная экономика», даже – «гуманная экономика».

Такая трактовка, безусловно, имеет право на существование, как любая точка зрения в науке, но мы вкладываем в понятие «ноономика» абсолютно другой смысл. Наше понимание ноономики значительно шире и глубже. Термин ноономика образован нами как прямо производное от греческих слов «ноос» (νοῦς) – разум, и «номос» (νόμος) – порядок, закон.

Таким образом, мы отталкиваемся не от механического соединения терминов «ноосфера» и «экономика». И ни экономика, ни ноосфера не являются «корневыми родителями» ноономики.

Мы исходим из понимания греческого термина «ноос» как разума, опирающегося на критериальную базу истины как осознанной непреходящей ценности. В упоминавшемся выше «Слове о законе и благодати» митрополит Илларион писал: «въ разумъ истинный приведе» (Слово..., 2011, с. 70). В этом смысле сводить греческое слово «ноос» к его латинскому аналогу «рацио» глубоко ошибочно.

Рациональное – это соответствующее определенным критериям (но – разумны ли сами критерии?). Экономика всегда рациональна, но всегда ли разумно поступают рационально действующие экономические субъекты? И способны ли они выйти за пределы критериев, навязанных им данной экономической системой?

Ноономика предполагает иной способ оценки хозяйственных действий, иной способ оценки потребностей – основанный не на рациональности, а на разуме, на «ноо», исходящем из понимания истинных последствий хозяйственных решений и истинной ценности удовлетворяемых потребностей. Таким образом, речь идет не об экономике, не о рационально

максимизирующем удовольствия индивиде, а об ином способе формирования и удовлетворения потребностей, которые можно назвать *ноопотребностями*. Когда-то, например в эпоху собирательства, человек удовлетворял свои потребности вовсе без экономического расчета. Ноономика представляет собой неэкономический способ удовлетворения потребностей, которому предстоит сформироваться на новом витке развития человеческих знаний и технологий.

С другой стороны, вторая «половина» термина ноономика – «номос» (от греч. *nomos* – закон) – древнее понятие, которое в философии первой трети XX в. применялось для обозначения базового принципа организации любого пространства (Шмит, 2008), абсолютного закона существования всего сущего. Таким образом, это – закон, порядок, принцип организации хозяйствования, хозяйство. Вспомним еще раз «Слово о законе (номос!) и благодати (ноос!)»: «...Закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать – служитель будущего века...» (Слово..., 2011, с. 41). То есть, ноономика – это упорядоченный уклад, способ удовлетворения потребностей в таком обществе, где есть «свет разума» и нет отношения к производству и производственным отношениям; нет отношения к собственности и отношений собственности; нет экономики и невозможна экономика. *Это – неэкономический способ удовлетворения ноопотребностей*. Поэтому рассуждать о «ноосферной экономике» – это оксюморон, все равно, что говорить о неэкономической экономике, нехищном хищнике и т. п.

Разумеется, движение к ноономике – это длительный исторический переход. Но следует подчеркнуть, что изменения, ведущие к переходу на стадию НИО.2, и, в конечном счете, от экономики к ноономике, уже

в ближайшей перспективе влекут за собой изменения в экономических отношениях, в характере отношений собственности, присущих этому новому поколению индустриального общества.

Эволюция отношений собственности

Даже на современном этапе развития общества, еще до того, как состоялся переход к НИО.2, можно заметить тенденции в эволюции отношений собственности, ведущие к их социализации и к размыванию. Отношения собственности, в особенности частной собственности, должны закреплять за собственником беспорное право владения, пользования и распоряжения экономическими ресурсами. Однако уже давно эволюция экономических отношений привела к обрастанию собственности различными обременениями, призванными обеспечить социальную ответственность собственника.

В этом ряду можно указать на многочисленные сервитуты земельной собственности, дающие возможность третьим лицам осуществлять в определенных пределах права пользования земельным участком (право прохода и проезда, право доступа к источникам воды, право прогона скота, право доступа к участкам побережья, право прокладки коммуникаций и т.д.). Существуют многочисленные ограничения и обременения права собственности, касающиеся строительной, транспортной и промышленной деятельности, связанные с обязанностями обеспечения требований безопасности, соблюдением определенных стандартов качества, экологическими требованиями и т.п.

Особое внимание следует обратить на эволюцию отношений интеллектуальной собственности, как регулирующих экономический оборот главного ресурса современного производства – знаний. Мы видим здесь такие явления как краудсорсинг, викиномика, free software, open source, copyleft и т.д. Все это ведет к развитию режимов свободного доступа к интеллектуальным ресурсам. С другой стороны, ведется достаточно жесткая борьба за «ограживание» интеллектуальной собственности.

Это соответствует двум тенденциям в развитии отношений собственности, которые можно проследить в современной экономической системе: 1) консервация сложившихся отношений и 2) размывание права собственности вплоть до полного отказа от нее.

Размывание права собственности проявляется в развитии форм совместного владения и использования собственности, а также в разделении функций владения и пользования. Владелец может на время отказаться от использования собственности и передать право пользования иному лицу: аренда, лизинг, коворкинг, различные виды долевого пользования (коворкинг, каршеринг, кикшеринг, байкшеринг, таймшеринг, фудшеринг и т.д.). Оборот шеринговой экономики составляет уже сотни миллиардов долларов в год и постоянно стремительно прирастает. Только в Китае, согласно докладу консалтинговой фирмы iiMedia Research, оборот шеринговой экономики достиг в 2019 году 1,05 триллиона долларов, а в 2020 году может составить 1,28 триллиона долларов (China..., 2019). Доля шеринговой экономики приблизилась тем самым к 8% ВВП Китая.

Хотя сколько-нибудь заметным явлением шеринговая экономика стала только с 2010 года, опрос

30 тысяч потребителей, проведенный в 60 странах мира в 3-м квартале 2013 года, уже выявил значительную заинтересованность в использовании услуг шеринговой экономики (см. Рис.1).

% of online consumers willing to participate in sharing communities

Рис. 1. Доля потребителей, изъявивших желание участвовать в шеринговой экономике (2013 год).
Источник: (Richter, 2014)

Наибольший удельный вес в шеринговой экономике имеет каршеринг, и его рост является одним из наиболее важных индикаторов развития всего сектора (см. Рис.2). Рост каршеринга обогнал самые оптимистичные прогнозы. Прогноз, сделанный в августе 2016 года, предполагал, что в 2025 году число пользователей достигнет 36 миллионов, однако уже в 2018 году их число превысило 50 миллионов (Number..., 2016).

Number of car sharing users

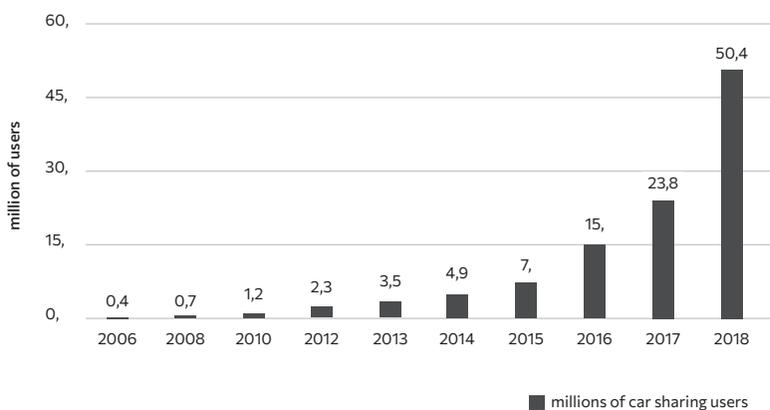

Рис. 2. Количество пользователей услуг каршеринга 2006-2018.
Источники: (Number..., 2016), (Svegander, 2019),
(The Carsharing..., 2018), (Shaheen, Cohen, Jaffee, 2018).

Такой стремительный рост шеринговой экономики поддерживается значительными инвестициями в нее. Желание все большего числа людей пользоваться, не становясь собственниками, вызывает соответствующее внимание со стороны бизнеса, и инвестирование в шеринговую экономику растет стремительными темпами (см. Рис.3).

В значительной мере переход к временному использованию собственности без приобретения права распоряжения, а часто – и владения, определяется возросшей скоростью технологических изменений. Нет экономического смысла приобретать в полную собственность агрегаты, которые через несколько лет устареют. Нередко собственник таких агрегатов может брать на себя дополнительные обязательства перед пользователем по их ремонту и модернизации.

funding in \$ millions

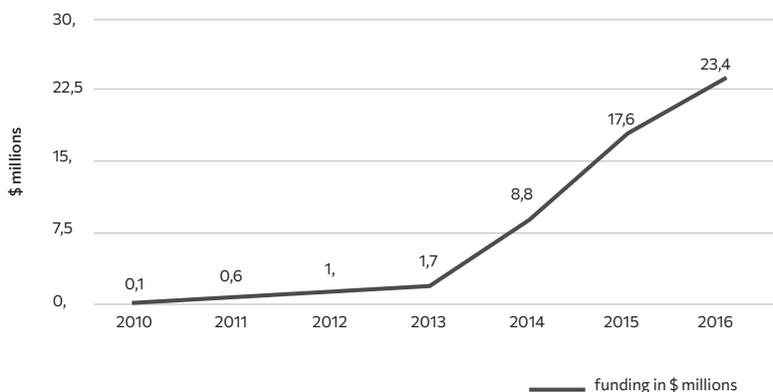

Рис. 3. Кумулятивные инвестиции в шеринговые стартапы, 2010-2016.
Источники: (Wallenstein, Shelat, 2017, p. 5).

Другая тенденция, также ведущая к размыванию собственности – дробление капитала. Не зря современная «экономическая теория прав собственности» так много внимания уделяет проблеме расщепления правомочий и размывания прав собственности.

Уже возникновение акционерной собственности ведет к еще более сложному расщеплению прав собственности, нежели на владение, пользование и распоряжение. Акционеры уже не обладают правом собственности на капитал в полном объеме. Более того, совокупность их правомочий зависит от типа акций и объема пакета акций.

Функции присвоения и распоряжения в рамках отношений собственности также претерпели большую эволюцию: уже в первой половине XX века стало

очевидным, что произошло расщепление этих функций между владельцами капитала и управляющими. Эти проблемы поднимал целый ряд исследователей (Торстейн Веблен (Veblen, 1921), Адольф Берли и Гардинер Минз (Berle, Gardiner, 1932), Стюарт Чейз (Chase, 1932)¹⁰ и др.) еще до того, как Джеймс Бернхем получил известность первооткрывателя, лишь блеснув ярким термином «революция управляющих» и утверждением, что капиталистическое общество сменяется менеджериальным (Burnham, 1941, p. 71).

На самом деле расщепление функций собственности является еще более глубокими, нежели их деление между акционером и управляющим. Дж. К. Гелбрэйт показал, что реальное использование капитала переходит в руки целой армии специалистов, образующих «техноструктуру» корпорации. Но и это еще не все. Ведь конечным пользователем элементов капитала выступают все наемные работники, хотя, разумеется, каждый из них выполняет лишь небольшую частичную функцию. Это мало что дает отдельному работнику, однако дает основания для коллективных действий, и реальность такого расщепления прав наглядно проявляется, например, при подписании коллективных договоров или в случае забастовки.

Сегодня вместе с технологическим прогрессом на место «синих» и «белых» воротничков приходят роботы и искусственный интеллект. Что происходит с отношениями собственности, когда ряд функций переходит от людей к технетическим существам? Как, например, быть с ответственностью пользова-

¹⁰ Название этой книги – «Новый курс» – было использовано Ф. Рузвельтом для своей предвыборной программы.

теля в случае, если аварию совершил робот-водитель? Ответственность за ущерб может быть возложена на владельца. А ответственность за нарушение правил дорожного движения?

Функции пользования и даже распоряжения уже начинают понемногу «уплывать» от человека. Дальше эволюция в этом направлении лишь ускорится.

Эти процессы, вместе с отмеченной выше тенденцией к снижению ценности обладания собственностью, ведут как к изменениям в системе собственности, так и к изменениям во всем общественном устройстве. Теория ноономики с большей долей уверенности прогнозирует, что *на стадии НИО.2 будет господствовать экономика совместного пользования, экономика расщепленных и размытых прав собственности.*

Таким образом, система отношений собственности при переходе к НИО.2 существенно изменится, что влечет за собой изменение всей системы экономических отношений. Меняется характер рынка – на нем все большее место начинают занимать не спонтанные колебания рыночной конъюнктуры, а результаты сложных согласованных действий между лицами, обладающими различными и переплетающимися элементами прав собственности. Недаром сейчас бизнесмены и экономические эксперты все активнее обсуждают концепцию «stakeholder capitalism» (капитализм заинтересованных сторон), которая отражает возросшую зависимость функционирования компаний от интересов разнообразных общественных групп – работников компании, жителей близлежащих населенных пунктов, потребителей, защитников окружающей сре-

ды и т.д.¹¹ Изменяется и характер государственного регулирования, которое начнет ориентироваться на приведение к консенсусу сложного баланса экономических интересов, вытекающего из новой природы отношений собственности и новой модификации рыночных отношений.

Роль человека в ноопроизводстве

Какова же будет на этом, ноообщественном этапе развития, связь человека со сферой производства (ноопроизводства)?

На нооэтапе ноопроизводство, будучи отделено от человека, от общества, по своим целям и задачам останется подчиненным обществу. Именно сфера целеполагания, формулировка целей и задач, контроль над допустимыми средствами их реализации в техносфере – все это останется в сфере отношений человеческого общества. Автономные техносущности, функционирующие в сфере ноопроизводства и способные к саморазвитию, тем не менее, будут зависимы от человеческого общества, которое будет определять ограничения их саморазвития, блокируя те направления, которые не несут пользу обществу, и ориентируя функционирование и развитие ноопроизводства в направлениях, необходимых человеку для его собственного развития.

¹¹ В рамках Всемирного Экономического Форума в Давосе представителями 120 крупных корпораций разработана даже концепция измерения участия фирм в удовлетворении интересов таких заинтересованных сторон. См. сайт Всемирного Форума. URL: <https://www.weforum.org/reports/measuring-stakeholder-capitalism-towards-common-metrics-and-consistent-reporting-of-sustainable-value-creation>

Отношения людей по поводу регулирования функционирования техносферы уже по большей части перестанут быть производственными отношениями – в той мере, в какой человек выходит из процесса непосредственного производства. В этом смысле резко сокращается время труда, как деятельности, определяемой нуждой и внешней целесообразностью, и его место занимает свободная творческая деятельность, в значительной своей части направленная на процесс познания.

Но на чем, на каких критериях будут основываться те решения, которые будут принимать люди относительно развития относительно автономной техносферы? На какие потребности они будут ориентироваться, какие цели преследовать, какие средства сочтут допустимым использовать?

Здесь самое время изложить важную позицию теории ноономики, на которую стоит обратить более пристальное внимание. Необходимо особо сказать, что вся эта конструкция, предусмотренная в теории ноономики, может развиваться только тогда, когда человек параллельно одним знаниям (в частности, технологическим знаниям и прочим научно-естественным) будет усваивать и другие знания, осваивать другие знания. Что именно? Именно – знание и познание мира как мира культуры, как мира самоограничения, разумного самоограничения потребностей. В свое время человек вышел из природы, и можно привести примеры как бы естественного «зоо»-подхода человека к удовлетворению своих потребностей. Говорят, что очень сложно человеку преодолеть себя, невозможно отказаться от своих установок: я хочу больше сегодня, сейчас, и так далее, и тому подобное. Отсюда этот «зоо»-подход. От-

сюда, на базе такого подхода, возникли основные общественные институты, к примеру, одной из причин появления феномена государства.

Но ведь существует еще, кроме «зоо», наш разум, существует «ноо». Человек может и в состоянии научить себя не требовать того, что наносит ему самому вред. Наркотики. Обжорство для диабетика. Миллионы людей каждодневно демонстрируют такой подход, если можно так выразиться, на микроуровне. Нужно человеку осознать этот вред, нужно понять, что плохо, а что хорошо и для него, и для общества, каковы интересы других людей, и что плохо, и что хорошо и для них, и что для этого надо делать. Есть очень много примеров, когда люди идут на самопожертвование, отказываются от многого, вплоть до своей собственной жизни, по гуманистическим соображениям, потребностям иного свойства, базирующихся на ноо-ценностях. И, конечно, существуют, к примеру, духовные ценности и культурные потребности, и с развитием человека (и человека-индивида, и человеческого общества) они всё более возрастают. Никто не может отрицать, что феномен культуры стал важнейшим фактором прогресса современного человека.

Говорить о том, что человек по своей сущности зверь, абсолютно неправильно. Чем дальше он развивается, тем больше он «ноочеловек», а не зоочеловек, не биочеловек. Более того, это и естественный ход развития человека, и – в то же время – его истинная насущная потребность: если мы будем идти преимущественно зоо-путем, мы приведем в упадок планету, среду обитания, ухудшим для своих детей будущее. Это – важное знание. Сакральное для массового осознания вследствие всеохватывающего давления капитала и рыночной «рациональности»,

но приоткрывающееся для всех, кто более-менее продвинул в понимании истинных целей развития и потребностей общества.

Характер человеческой деятельности и характер потребностей

Теория ноономики предполагает, что человек в обозримой перспективе приобретет осознание этой непреходящей глобальной необходимости смены тренда своего развития.

Почему? И почему именно сейчас это становится всё более актуальным?

Уже Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2) способно в значительной мере освободить человека от труда и обеспечить существенное приращение свободного времени, но аналогичного «приращения счастья» это немедленно не даст – надо еще научиться направлять свободное время на саморазвитие (возвышение духовных потребностей, культуру и т.п.).

Понятен скептицизм Ханны Арендт, сомневающейся, что расширение свободного времени обеспечит развитие человека, ибо, по ее мнению, в реальности человек склонен использовать это время лишь для бездумного потребления: «...animal laborans никогда не тратит свое избыточное время ни на что, кроме потребления, и чем больше ему будет оставлено времени, тем ненасытнее и опаснее станут его желания и его аппетит. Конечно, виды похоти изощряются, так что потребление уже не ограничивается жизненно необходимым, захватывая, наоборот, излишнее; но это не меняет характер нового общества,

а хуже того, таит в себе ту тяжкую угрозу, что в итоге все предметы мира, так называемые предметы культуры наравне с объектами потребления, падут жертвой пожирания и уничтожения» – писала она (Арендт. 2000, с. 171).

Да – при том типе общественного устройства, в котором мы сейчас живем, т.н. капитализме и рынке, дело обстоит именно так, потому что они, собственно, оставляют человеку свободное время только для того, чтобы он потребил то, что произвел в рабочее время, а потом снова заработал и снова потребил, одинаково сильно побуждая его как к потреблению (и все более – симулятивному), так и к производству ради этого потребления.

Общество может найти выход из этого порочного круга вовсе не за счет идеологии аскетизма, принудительного рационирования или сокращения потребления, либо за счет чисто словесной пропаганды более высоких идеалов. Нет, этот выход возможен только в случае и за счет развития необходимых объективных предпосылок. И воспитание, и понимание необходимости самоограничения могут сыграть свою роль только при наличии этих предпосылок.

Каковы они?

Во-первых, это изменение характера человеческой деятельности: переход к преимущественно творческой деятельности меняет структуру потребностей человека, смещая приоритеты от поглощения все большего объема материальных благ к средствам развития человеческой личности, ее творческого потенциала.

Во-вторых, с расширением участия людей в творческой деятельности расширяется и их вовле-

чение в процесс познания мира, углубляется их знание о том, где лежат границы разумного в производственной деятельности и в потреблении.

В-третьих, это рост возможностей удовлетворения жизненных потребностей человека, насыщение этих потребностей до такого уровня, когда борьба за их удовлетворение, страх перед угрозой недопотребления, уже перестают быть первостепенной проблемой.

Все эти три фактора, «работающие» вместе, и делают самоограничение не только желаемым, но и возможным.

Мы, используя понятие самоограничения, подчеркиваем, что это не самое точное определение. Речь идет о более широком понятии – скорее, о самоопределении человека как человека разумного. И, определяя себя таким образом, человек сам для себя проводит границу – что разумно здесь и сейчас, а что лежит уже за гранью разумного. И тем более речь при этом идет не о навязывании людям каких-то стереотипов поведения, не о принуждении (духовном или физическом) к некоему аскетизму. Речь идет о создании условий, при которых сам человек смещает свои критерии рациональности в сторону более разумного отношения к потреблению, к окружающей природной среде, к самому себе.

Принцип солидаризма

К сожалению, сейчас наблюдается разрыв: технологии идут вперед гораздо быстрее, чем то, что называется повышением уровня культуры, понимания человеком, «что можно, а что нельзя», поворотом

к решению насущных проблем, обозначенных в целях развития, принятых ООН. Однако объективные силы и вызовы бытия взывают к их решению, и есть объективные реальные события истории цивилизации, подтверждающие возможность их решения. Великие ученые и инженеры, которые создали атомную бомбу, осознали, что применять ее нельзя, и сделали некоторые шаги, о которых мы все знаем, чтобы этого не произошло и не случилось. Это – показательный пример осознания человеком необходимости ограничений применения достигнутых технологических возможностей. В этом же ряду – карибский кризис середины прошлого века, когда политики смогли договориться и найти способы устранения возникающих угроз и опасностей.

Развитие современных технологий, в силу возрастающих вместе с этим рисков, не только повышает потребность в общественном согласовании действий людей, но и создает предпосылки для этого. Такие предпосылки, разумеется, не реализуются автоматически, ибо натываются на барьеры сложившихся интересов и социальных стереотипов. Тем важнее разобраться с идеологической основой перехода к обществу, освобождающемуся от экономической рациональности.

Важнейшим принципом такой идеологии видится принцип солидаризма, на основе которого возможно формирование социально-институциональных рамок, обеспечивающих неконфликтное взаимодействие индивидов и социальных групп.

Мы не рассматриваем здесь изучаемые экономической наукой явления так называемой «экономики солидарности» (например, кооперативы, или сети обществ взаимопомощи), хотя эти явления имеют

определенную связь с феноменом солидаризма. Речь тут идет о гораздо более широком феномене, охватывающем взаимодействие всех социальных субъектов на качественно новом уровне. Принципиальным моментом здесь является отход от социальных конфликтов, столкновений, вражды и конкуренции. На их место заступают иные основы взаимодействия людей: нахождение общей платформы ценностей и целей развития, выработка взаимоприемлемых путей решения проблем и организация для этого совместной деятельности, и даже при различии интересов – поиск компромиссов.

Солида́ризм (solidarisme на французском) – это сформулированная еще в середине и второй половине XIX века идейная концепция, которая нацелена на достижение взаимного доверия, сотрудничества и солидарности различных слоев общества, объединения усилий различных классов, партий, и различных общественных объединений, выражающих те или иные интересы. Реализация идей солидаризма осуществляется через добровольные объединения, а также систему договорных отношений, определяющих обеспечение общих интересов.

Основоположниками разработки концепций солидаризма выступили философ и экономист Пьер Леру (Leroux, 1840) и юрист Леон Буржуа (Bourgeois, 1896). Они желали прекращения социальной вражды и перехода к сотрудничеству, смягчения социальных антагонизмов, чего хотели добиться через налоговую систему и различные программы социальной поддержки. Необходимым условием для этого они считали приверженность идеалам демократии, равенства прав граждан и стремления к взаимопониманию различных социальных групп и слоев.

В XX веке идеи солидаризма нашли применение в политической и идеологической практике различных политических партий и общественных движений в качестве инструмента сплочения общества, организации сотрудничества социальных групп и слоев в достижении общих целей и т.д. Солидаризм использовался Народно-трудовым союзом, организованным одним из течений антибольшевистской эмиграции (с 1943 года он стал официальной идеологией НТС), итальянской и германской Христианско-демократическими партиями после второй мировой войны, польским движением «Солидарность» в 80-е годы XX века. К эксплуатации идей солидаризма прибегали также праворадикальные движения и даже тоталитарные режимы, но у них он выступал скорее идеологическим прикрытием стремления навязать обществу систему жесткого иерархического контроля сверху.

Стоит заметить, что и у тех политических сил, которые были далеки от тоталитарных устремлений, идеи солидаризма не получили последовательного практического воплощения. Вероятно, это неизбежно в обществе, пронизанном объективно обусловленной рознью социально-экономических интересов, вызывающей острые конфликты между различными социальными слоями и группами. Однако изменение условий производства, создающее материальные основы для более высокого уровня удовлетворения жизненных потребностей человека, и тем самым – для преодоления ожесточенной борьбы за средства существования, создает и новые, более благоприятные условия для реализации идей солидаризма.

Мы уже наблюдаем отдельные ростки практического воплощения идей солидаризма в получив-

ших уже заметное развитие форм «экономики солидарности» (о которых упоминалось выше). Можно прогнозировать дальнейшее расширение их применения, что станет частью процесса формирования переходных ступеней движения человеческой цивилизации в направлении ноо-общества.

Понятно, что современное общество все еще остается рыночно-капиталистическим, экономическим в своей основе. В таком обществе реальные отношения и институты, основанные на солидаризме, могут в большинстве случаев вести лишь латентное (скрытое) существование в рамках господствующей системы отношений. Солидаризм тесно связан с социализацией общества и экономики, которая создает основы и для экономического прогресса, и для смягчения социальных противоречий. Поскольку общество остается экономическим, то следует использовать имеющиеся экономические средства для такого развития. И тут стоит обратить внимание на те возможности, которые заложены в использовании инструментов стратегического планирования и подкрепляющей его активной промышленной политики. Наряду с этим надо использовать и тот потенциал, который заложен в социальной ориентации экономики, в развитии различных форм совместного производства, обмена, присвоения, использования, потребления.

Стратегия развития нашей страны должна включать использование всех этих инструментов, позволяющих сформировать такую модель экономики и общества, которая отвергает отношения господства и подчинения одного социального субъекта по отношению к другому, борьбу за получение односторонних выгод и преференций только для себя. Сложившиеся социально-экономические институты

(в том числе институт собственности) по-прежнему консервируют такой подход. Но дальнейшее развитие и поиски выхода из назревающего цивилизационного кризиса уже настоятельно требуют взаимного учета интересов различных субъектов, поиска компромисса этих интересов, и, в конечном счете – организации солидарного преодоления всех тех противоречий, которые обостряются и в производственной, и в экологической, и в социальной сферах.

Осознание этой необходимости нашло свое отражение в таких концепциях, как «капитализм заинтересованных сторон» (англ. *stakeholders capitalism*) (Measuring..., 2020) или в концепции со-конкуренции, подразумевающей соединение сотрудничества и конкуренции (англ. *co-competition* или *coopetition*) (Brandenburger, 1996).

Происходящий поворот к исследованию возрастания значения отношений сотрудничества и взаимного учета интересов является еще одним аргументом в пользу признания концепции солидаризма в качестве перспективной идейной основы движения к ноо-обществу.

Ценность общественных связей, основанных на солидарности, получает признание и в России. Совсем недавно были приняты поправки к Конституции России, согласно которым статья 75.1 была сформулирована следующим образом: «В Российской Федерации ... обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».¹²

¹² Сайт Consultant.ru. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/844d980197f23461acb5a6699db6e34227150003/

Резюмируя, как мы можем определить траекторию перехода к формированию ноо-общества, к качественно новому состоянию общественного бытия?

Четыре вектора перемен («квадрига ноономики»)

Этот процесс движения, генезис ноономики, складывается как своего рода равнодействующая четырех основных векторов перемен.

Первый вектор определяет создание материальных основ движения к ноономике. Даже при достигнутом уровне технологического развития, когда лидирующим выступает пятый технологический уклад, но лицо экономики в большей мере определяется третьим и четвертым укладами, и в материальном производстве занято 20-25% работающих, они производят машин и оборудования, продукции сельского хозяйства, добывают природных ресурсов и обеспечивают перевозки всего произведенного в достаточных объемах для внутреннего потребления и для экспорта. А переход к шестому технологическому укладу в состоянии удовлетворение всех жизненных (несимулятивных) потребностей.

Человек сейчас стоит на пороге технологического перехода к качественно новой индустрии, позволяющей создать безлюдные производства, оставляющие за человеком функции целеполагания, научных исследований и разработок, организации производства. Новое производство становится чрезвычайно знаниеинтенсивным, и знания человека тем самым окончательно превращаются в важнейший производственный ресурс.

Второй вектор определяет новые основы формирования человеческих потребностей, опирающиеся на новые возможности их удовлетворения. Человечество будет переходить к неэкономическим критериям формирования и удовлетворения потребностей, уходя от экономической рациональности.

Один из важнейших сдвигов в этом направлении, который мы можем наблюдать уже давно – это диффузия собственности. Новейшие тренды здесь, которые мы наблюдаем сегодня – это феномен «отказа от собственности», развитие различных форм временного пользования и совместного потребления.

Такие тенденции свидетельствуют о том, что отношения собственности, в основе которых лежат отношения экономические, постепенно «расплываются», «испаряются», «растворяются» (что соответствует буквальному прочтению термина «диффузия»). А это означает и отмирание самих экономических отношений, переход к производству, обмену и потреблению, и соответствующему им типу присвоения по неэкономическим критериям. Разумеется, этот переход не может и не должен быть навязан волевым порядком – он будет созревать по мере накопления объективных оснований для него, по мере движения по всем векторам перехода к ноономике.

Третий вектор такого перехода формирует общественные условия движения к ноономике – социализацию человека в направлении обретения ноо-качеств, и социализацию общества. Этот процесс подразумевает активную роль субъекта, усваивающего из социальной среды наиболее прогрессивные нормы, стереотипы, нравственные и культурные ценности, и в свою очередь воздействующего на фор-

мирование социальных институтов, содействующих эволюции общества в том же направлении, в направлении ноо-общества. Не погоня за индивидуальной выгодой становится критерием вхождения человека в общество, а развитие творческих способностей человека, самореализация человеческой личности. В свою очередь, социальные институты создают платформу для такой самореализации, поддерживая условия человеческого развития, и формируя неприятие «войны всех против всех» в погоне за частным материальным успехом.

Четвертый вектор нацелен на создание идеологических условий движения к ноо-обществу.

Такие условия закладываются в идеологии солидаризма. Именно через нее реализуется постепенный отказ от ориентации на соперничество в борьбе за частное присвоение материальных благ, и переход к сотрудничеству и солидарности, помогающим как общему, так и индивидуальному прогрессу. Это требует осознания коренного единства интересов и ценностей, равно как и осознания общих для всех рисков и опасностей, заключенных в бездумной гонке за экономическим успехом и в безудержном потреблении.

Реализация всех этих четырех векторов (автор называет эту четверку «квадригой ноономики» – по аналогии с квадригой прекрасного Аполлона) способна вывести человечество на качественно новую ступень общественного бытия, а также, что становится экзистенциально важно для человечества, преодолеть назревающий цивилизационный кризис.

При этом мы, безусловно, понимаем, что проблем много, они проистекают, в том числе, и от той реальной экономической политики, которая сегодня

проводится мировыми державами и которая далеко не во всём и не всегда, в нашем понимании, содержит верные меры по развитию. И также очевидно, что траектория продвижения к ноономике и ноообщественному устройству не будет прямой, она будет претерпевать многие «побочные» и попятные движения.

Теория ноономики призвана внести вклад в решение этих проблем, задавая целевые ориентиры, указывая на то будущее, к которому надо стремиться; движение к нему будет означать преодоление тех проблем, с которыми мы сталкиваемся сейчас.

Ноономика подсказывает тот путь, который предстоит пройти, и приоритетные вехи на этом пути.

Список литературы

- Агаев В.* (2017) Мужчина, женщина, интерсекс // Огонек, № 49, 11.12.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3486805>.
- Арендт Х.* (2000) Vita Activa или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя.
- Блауг М.* (2008) Й.А. Шумпетер // 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономикс.
- Бодрунов С.Д.* (2017) Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации // Экономическое возрождение России, № 2.
- Бодрунов С.Д.* (2016) Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция.
- Бодрунов С.Д.* (2013) Концепция нового индустриального развития России. СПб.: ИНИР им. С.Ю.Витте.
- Бодрунов С.Д.* (2018а) Ноономика. М.: Культурная революция.
- Бодрунов С.Д.* (2018b) От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии, № 7.
- Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Резолюция 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml.
- Корогодин В. И. Корогодина В. Л.* (2000) Информация как основа жизни. Дубна: Издательский центр «Феникс».
- Львов Д. С. Глазьев С. Ю.* (1986) Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы, № 5.
- Маркс К.* (1954) Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс, К. Энгельс, Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. М.: Политиздат.
- Медведев Ю.* (2017) Жизнь из шести букв. Создана первая бактерия с синтетической ДНК // Российская газета - Федеральный выпуск №7448 (282), 12.12.2017.
- Меньшиков С. М. Клименко Л. А.* (2014) Длинные волны в экономике: Когда общество меняет кожу. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД.
- Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. III-й том. (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) (2019) / Под общ. ред. С.Д.Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю.Витте.
- Перес К.* (2011) Технологические революции и финансовый капитал: Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело.
- Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года Резолюция 70/1 Генеральной Ассамблеи от 25 сентября 2015 года. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>.
- Просвиринов А.* (2012) Новая технологическая революция проносится мимо нас // Агентство ПроАтом. 11.12.2012. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4189>; The Construction Of Europe's First 3d Printed Building Has Begun. URL: <https://3dprinthuset.dk/europes-first>

3d-printed-building/; Биопечать органов на 3D принтере, как это работает? URL: <https://make-3d.ru/articles/биопечат-органов-на-3d-принтере/>.

Рубинштейн А. (2011) К теории опекаемых благ. Неэффективные и эффективные равновесия // Вопросы экономики, № 3, 2011. URL: doi.org/10.32609/0042-8736-2011-3-65-87.

Сайт Consultant.ru. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/844d980197f23461acb5a6699db6e34227150003/.

Сайт Всемирного Форума URL: <https://www.weforum.org/reports/measuring-stakeholder-capitalism-towards-common-metrics-and-consistent-reporting-of-sustainable-value-creation>.

Сайт компании Local Motors. URL: <https://localmotors.com/meet-olli/>.

Скобеева В. (2016) Шестое великое вымирание // Вокруг света, 29 октября 2016 года. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/233607/>.

Слово о Законе и Благодати (2011) / предисл. Митрополита Иоанна (Снычева); сост. вступ. ст. пер. В. Я. Дерягина; реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской; коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации.

Создан организм, ДНК которого содержит 6 «букв» (2017) // XXII Век. Открытия, ожидания, угрозы. Научно-популярный портал. Январь. URL: <https://22century.ru/biology-and-biotechnology/42655>.

Шмит К. (2008) Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль.

Шумпетер Й. А. (1983) Теория экономического развития. М.

Энциклика *Laudato Si'* Святейшего Отца Франциска (24 мая 2015), 57. URL: http://www.vatican.va/content/francesco/ru/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si.html.

Adams S. (2018) Half Million 3D Printers Sold in 2017 – on Track for 100m Sold in 2030 // 3D Printing Industry, April 06th. URL: <https://3dprintingindustry.com/news/half-million-3d-printers-sold-2017-track-100m-sold-2030-131642/>.

Berle A.A. Gardiner C. (1932) Means. The Modern Corporation and Private Property. New York, The Macmillan Company. URL: <http://www.unz.org/Pub/BerleAdolf-1932>.

Bourgeois L. (1896) *Solidarité*. P.: Colin.

Boyes H. Hallaq B. Cunningham J. Watson T. (2018) The Industrial Internet of Things (IIoT): An Analysis Framework // Computers in Industry. Vol. 101. URL: [doi:10.1016/j.compind.2018.04.015](https://doi.org/10.1016/j.compind.2018.04.015).

Brandenburger A.M. Nalebuff B.J. (1996) *Co-opetition*. New York, Doubleday.

Burnham J. (1941) *The Managerial Revolution. What is Happening in the World*. –New York, A John Day Book.

Chase S. (1932) *A New Deal*. New York, The Macmillan company.

China Sharing Economy Market to Exceed 9 trln yuan: report (2019) // Xinhua, 2019-11-02. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-11/02/c_138523206.htm.

Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science (2005) / Edited by Mihail C. Roco and William Sims Bainbridge, National Science Foundation. June 2002. Arlington, Virginia; Managing Nano-Bio-Infocogno Innovations: Converging Technologies in Society / edited by William Sims

Bainbridge and Mihail C. Roco. National Science Foundation, National Science and Technology Council's Subcommittee on Nanoscale Science, Engineering, and Technology. Dordrecht: Springer.

Desai R. (2013) *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London, Pluto Press.

Encyclical Letter Fratelli Tutti of The Holy Father Francis On Fraternity and Social Friendship, (3 October, 2020), 17. URL: http://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20201003_encyclica-fratelli-tutti.html.

Encyclical Letter Fratelli Tutti of The Holy Father Francis On Fraternity and Social Friendship, (3 October, 2020), 35. URL: http://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20201003_encyclica-fratelli-tutti.html.

Germany Trade&Invest. Industrie 4.0 – Germany Market Report and Outlook. (2018) URL: https://www.gtai.de/GTAI/Content/EN/Invest/_SharedDocs/Downloads/GTAI/Industry-overviews/industrie4.0-germany-market-outlook-progress-report-en.pdf.

Giddings F.H. (1897) *The Theory of Socialization*. New York, The Macmillan Company.

Greenwood M. (2019) 2018 Was a Strong Year for the Global 3D Printer Market // engineering.com, January 21. URL: <https://www.engineering.com/AdvancedManufacturing/ArticleID/18279/2018-Was-a-Strong-Year-for-the-Global-3D-Printer-Market.aspx>.

Kenneth J. Lennon L. Lennon J.T. (2016) Scaling Laws Predict Global Microbial Diversity // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* (PNAS). May 24, 113(21). URL: <https://www.pnas.org/content/113/21/5970>.

Leroux P. (1840) *De L'humanité de son Principe, et de son Avenir ou se Trouve Exposée, la Vraie Définition de la Religion et où l'on Explique le Sens, la Suite, et L'enchaînement du Mosaisme et du Christianisme*. Tome 1. Paris: Perrotin, Éditeur-Libraire.

Local Motors Debuts “Olli”, the First Self-driving Vehicle to Tap the Power of IBM Watson (2016) // IBM, 16 Jun. URL: <https://www-03.ibm.com/press/us/en/pressrelease/49957.wss>.

Measuring Stakeholder Capitalism: Towards Common Metrics and Consistent Reporting of Sustainable Value Creation. 22 September 2020. (2020) URL: <https://www.weforum.org/reports/measuring-stakeholder-capitalism-towards-common-metrics-and-consistent-reporting-of-sustainable-value-creation>.

Mensch G. (1975) *Das technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression*. Frankfurt a.M.: Umschau Verlag Breidenstein.

Number of Car Sharing Users Worldwide from 2006 to 2025 (2016) // Statista Research Department, August. URL: <https://www.statista.com/statistics/415636/car-sharing-number-of-users-worldwide/>.

Number of car sharing users worldwide from 2006 to 2025 (2016) // Statista Research Department, August. URL: <https://www.statista.com/statistics/415636/car-sharing-number-of-users-worldwide/>.

Richter Felix. The Rise of the Sharing Economy // Statista. Jun 3, 2014. URL: <https://www.statista.com/chart/2323/the-rise-of-the-sharing-economy/>.

Shaheen S. Cohen A. Jaffee M. (2018) Innovative Mobility: Carsharing Outlook // Berkley University of California. Institute of Transportation Studies at UC Berkeley, UC Berkeley Transportation Sustainability Research Center. URL: <https://escholarship.org/uc/item/49j961wb>.

Spohrer J. (2004) NBICS (Na;no-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges // Roco, M. Bainbridge, W. (eds). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. Arlington. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf.

Svegander M. (2019) *The Carsharing Telematics Market – 3rd Edition*. Product Sheet // Berg Insight. M2M Research Series. URL: <http://www.berginsight.com/ReportPDF/ProductSheet/bi-carsharing3-ps.pdf>.

Taleb N.N. (2007) *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. New York, Random House.

Tarde J.-G. (1890) *Les Lois de l'imitation: étude sociologique*. Paris, Félix Alcan.

Tess. Local Motors' Self-driving 'Olli' Shuttle Helped along by Makerbot 3D Printers (2017) // 3D Printer and 3D Printing News Aug 30. URL: <http://www.3ders.org/articles/20170830-local-motors-self-driving-olli-shuttle-helped-along-by-makerbot-3d-printers.html>.

The Carsharing Telematics Market – 2d Edition. Summary (2018) // Berg Insight. M2M Research Series. URL: <http://www.berginsight.com/ReportPDF/Summary/bi-carsharing2-sum.pdf>.

Tsvetkova M. Yasseri T. Meyer E.T. Brian Pickering J. Engen V. Walland P. Luders M. Følstad A. Bravos G. (2015) *Understanding Human-Machine Networks: A Cross-Disciplinary Survey*. // E-Print. Cornell University Library. URL: <https://arxiv.org/pdf/1511.05324v1.pdf>.

Veblen T. (2001) *The Engineers and the Price System, 1921*. Kitchener, Batoche Books. URL: <http://socserv2.mcmaster.ca/~econ/ugcm/3ll3/veblen/Engineers.pdf>.

Wallenstein J. Shelat U. (2017) *Hopping Aboard the Sharing Economy* // Boston Consulting Group, Henderson Institute. August 22. URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Hopping-Aboard-the-Sharing-Economy-Aug-2017_tcm104-168558.pdf.

Zalasiewicz J. Williams M. (2016) Colin N Waters and Others. *Scale and Diversity of the Physical Technosphere: A Geological Perspective* // *Anthropocene Review*, 4(1). URL: <https://doi.org/10.1177/2053019616677743>.

Zalasiewicz J. Williams M. Waters C.N. etc. (2017) *Scale and Diversity of the Physical Technosphere: A Geological Perspective* // *The Anthropocene Review*, Vol. 4(1).

Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов

Сергей Глазьев

Министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН, доктор экономических наук, профессор (Россия)

Происходящие в мире революционные технологические и институциональные изменения создают ощущение уже не конца истории, а конца света. Православные фундаменталисты усматривают в широко внедряемых в рамках карантинных мер цифровых пропусках признаки Апокалипсиса, в Израиле раввины заявляют о пришествии Мессии (Машиаха)¹, в Лондоне – о формировании мирового правительства². Капиталисты после очередного краха финансового рынка рассуждают о новой реальности, вымогая у государства деньги на спасение бизнесов, а социалисты объявляют о конце капитализма.

В настоящей статье суть происходящего анализируется с точки зрения теории больших циклов: технологические сдвиги в экономике – с позиций теории длинных волн и лежащих в их основе технологических укладов; институциональные измене-

¹ В интервью Chamal News об этом заявил министр здравоохранения Израиля Яков Лицман.

² Об этом заявил бывший премьер-министр Великобритании Г. Браун (Спаситель..., 2020).

ния – с позиций теории вековых циклов накопления капитала и лежащих в их основе мирохозяйственных укладов. Исходя из этого формируется концептуальный взгляд на происходящий переход к новому мировому порядку как формационный – от экономики товарного производства к экономике знаний, составляющей основу ноономики.

Основные определения

Поскольку темой настоящего доклада является формирование новых технологических, управленческих и социальных структур, для точной интерпретации используемых понятий целесообразно дать их авторские определения.

Под технологическим укладом понимаются группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в технологической структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности. Каждый такой уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления (Глазьев, 2018).

Под мирохозяйственным укладом – система взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство экономики и определяющих механизм глобальных экономических отношений. Ведущее

значение имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные институты, регулирующие мировой рынок и международные торгово-экономические и финансовые отношения (Глазьев, 2016а, с. 3-29) (Глазьев, 2016с, с. 3-21).

Согласно определению С.Д. Бодрунова, создавшего теорию ноономики, под последней понимается неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. В отличие от всех предыдущих этапов, суть нооэтапа цивилизационного развития заключается в том, что не индивиды вступают в отношения друг с другом в процессе материального производства, а в отношения между собой вступают две разные сферы цивилизационной конструкции – производство (ноопроизводство, сводящееся к техносфере) и человеческое общество (Бодрунов, 2018, с. 171).

Переход к ноономике, доказывает С.Д. Бодрунов, «будет основан на естественной, знаниевой и технологической революции. Такой переход будет осуществляться через прогресс знаний, интеллекта, ума, направляемых на все более полное удовлетворение растущих потребностей людей. Как раз возможность такого, все более полного, удовлетворения потребностей будет служить важнейшей предпосылкой снятия конфликтности перехода. И в то же время в структуре самих потребностей на первый план будут во все возрастающей степени выходить потребности истинно человеческие – образовании, изучении мироздания, духовном развитии, культуре. На началах культуры будут преобразованы все

стороны образа жизни человека – культуры физической, культуры отношений, культуры потребления... Ускоренное развитие человеческого знания будет вынуждать общество приноравливать скорость своего духовно-общественного развития к темпам развития технологического... Поэтому должно произойти сначала естественное «выравнивание долей» материальных и духовных потребностей, а затем и опережение роста потребностей духовных. Именно на такой – и только такой! – основе взойдет нооцивилизация. И ноономика, а не экономика, станет знаниеемким и «умным» способом удовлетворения потребностей и индивидов-членов ноообщества, и ноообщества в целом» (Бодрунов, 2018, с. 432).

Теория ноономики уточняет появившееся еще в 1917 г. понятие постиндустриального общества³, в котором подчеркивается роль НТП и интеллектуализации экономики. К этому понятийному ряду следует добавить еще определение экономики знаний как «модели развития постиндустриального общества или ступени развития постиндустриальной экономики в связи с совершенствованием ИКТ, активным применением инновационных технологий в промышленности, глобализацией рынков» (Кузнецов, 2009, с. 27).

В отличие от концепций постиндустриального общества и экономики знаний, которые просто

³ Термин «постиндустриальное общество» впервые был применен в 1917 году теоретиком английского либерального социализма А. Пенти. В 1958 году это понятие появилось в статье американского социолога Д. Рисмена «Отдых и труд в постиндустриальном обществе» (Рисмен, 1958). Но основоположником комплексной теории постиндустриального общества считается Д. Белл, который описал основные элементы этой теории в книгах «Грядущее постиндустриальное общество» (1973 г.) (Белл, 2004) и «Культурные противоречия капитализма» (Bell, 1978).

отражают изменения, происходящие в структуре и факторах производства, не затрагивая производственные отношения, теория ноономики говорит о таком качественном скачке в развитии производительных сил, который вообще лишает содержания производственные отношения. Логика этого скачка исходит из предположения о том, что прогресс в автоматизации производства сделает ненужным участие в нем людей, которые смогут, наконец, избавиться от адамова проклятия⁴. Совершится, наконец, долгожданный «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»⁵.

Действительно, уровень производительных сил уже сейчас позволяет прокормить более 20 млрд. человек (Клюкин, Гутников, 2018, с. 482-497). Доля работающих в сфере материального производства составляет в настоящее время менее четверти занятых и имеет тенденцию к дальнейшему снижению (Зиновьев, 2000, с. 97-98). Одновременно сокращается доля занятых рутинным трудом в сфере управления, социального обслуживания, строительстве, инфраструктуре. Они замещаются роботами, алгоритмами, автоматизированными процессами. Можно предположить, что эта тенденция в обозримое время приведет к полному вытеснению всех нетворческих видов деятельности. И в этом царстве свобо-

⁴ «Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Ветхий Завет, Бытие, Глава 3).

⁵ Из книги (отд. 3, гл. 2) «Анти-Дюринг» (1878 г.) Фридриха Энгельса (Энгельс, 2019).

ды от тяжелого труда производственные отношения будут замещены социальными. Однако это не означает еще всеобщего благополучия и гармонии. Неравенство в обладании собственностью, деньгами, властью создает сложные противоречивые отношения между людьми, которые могут оказаться антагонистическими.

Возможно, в будущем закономерности воспроизводства экономики как единой системы технико- и социально-экономических отношений прекратят свое действие. Но это прекращение может произойти только вследствие этого самого действия. Ниже закономерности долгосрочного экономического развития экстраполируются в будущее с целью выявления признаков ноономики в формирующихся новых технологических, социальных и экономических структурах.

Мировой кризис как процесс смены технологических и мирохозяйственных укладов

Охвативший мир кризис носит структурный характер, обусловленный кардинальными технологическими и институциональными изменениями.

В настоящее время происходит переход от пятого к шестому технологическому укладу, в основу которого входит комплекс нано-, биоинженерных и аддитивных технологий, которые, наряду с информационно-коммуникационными и когнитивными составляют ключевой фактор роста нового технологического уклада. Его ядро расширяется с темпом около 35% в год, формируя технологические траек-

тории новой длинной волны экономического роста (Нанотехнологии..., 2009).

Переход к шестому технологическому укладу совершается через очередную технологическую революцию, кардинально повышающую эффективность основных направлений развития экономики. Стоимость производства и эксплуатации средств вычислительной техники на нанотехнологической основе снизится еще на порядок, многократно возрастут объемы ее применения в связи с миниатюризацией и приспособлением к конкретным потребительским нуждам. Наноматериалы обладают уникальными потребительскими свойствами, создаваемыми целевым образом, в том числе в целях многократного повышения прочности, износостойкости, надежности создаваемых из них изделий. В машиностроении на основе системы «нанокomпьютер – наноманипулятор» создаются сборочные автоматизированные комплексы и 3D принтеры, способные собирать любые макроскопические объекты по заранее снятой либо разработанной трехмерной сетке расположения атомов. С развитием наномедицинских роботов, методов адресной доставки лекарств к пораженным участкам организма, клеточных технологий в медицине кардинально расширяются возможности профилактического лечения и продление человеческой жизни⁶. Медицина получит в свое распоряжение технологии борьбы с болезнями на клеточном уровне,

⁶ Автором настоящей статьи в 2016 г. зарегистрировано научное открытие «Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик» (свидетельство о регистрации № 65-S выдано Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством Российской академии естественных наук).

предполагающие точную доставку лекарственных средств в минимальных объемах и с максимальным использованием способностей организма к регенерации. Трансгенные культуры многократно снижают издержки, повышают эффективность и улучшают потребительские качества фармацевтического и сельскохозяйственного производства. Генетически модифицированные микроорганизмы будут использоваться для извлечения металлов и чистых материалов из горнорудного сырья, революционизируя химико-металлургическую промышленность.

Одновременно с технологической революцией развивается социально-политическая. Происходит переход от имперского к интегральному мирохозяйственному укладу, американский вековой цикл накопления капитала сменяется азиатским⁷. Система институтов, задававшая ход американскому циклу накопления, не обеспечивает более поступательного развития производительных сил. Спустя всего четверть века после установления глобального доминирования США мировой рынок уже не обеспечивает расширенного воспроизводства институтов американского цикла накопления. На периферии американского цикла накопления возник новый центр быстро расширяющегося воспроизводства, который в сфере производства товаров превзошел США. Провал попытки последних усилить свои конкурентные преимущества путем организации трансокеанических зон свободной торговли свидетельствует о переходе нынешнего

⁷ Научная гипотеза С. Глазьева «Гипотеза о периодической смене мирохозяйственных укладов (свидетельство №41-Н о регистрации Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством РАЕН, 2016 г.

мирохозяйственного уклада к фазе упадка. По мере нарастания американской агрессивности, восходящей от торговой войны к применению биологического оружия у стран ядра формирующегося нового мирохозяйственного уклада исчезают основания для дальнейшего поддержания финансовой пирамиды американских обязательств, составляющей основу американского цикла накопления капитала. Решение Китая о прекращении наращивания своих долларовых резервов обозначило предел бесконфликтного разрешения противоречия между расширенным воспроизводством американских долговых обязательств и глобальными инвестиционными возможностями. Этот процесс неизбежно приобретет в скором времени лавинообразный характер, что повлечет разрушение нынешнего мирохозяйственного уклада.

Современное развитие производительных сил требует новых производственных отношений и институтов организации глобальной экономики, которые позволили бы обеспечить устойчивое развитие и отражение планетарных угроз, включая экологические и космические.

На основе возвышения Китая и Индии формируется ядро нового мирохозяйственного уклада, что влечет реформирование мирового экономического порядка и международных отношений. Об этом же свидетельствует возрождение отвергнутых Вашингтонским консенсусом институтов планирования социально-экономического развития и государственного регулирования основных параметров воспроизводства капитала, промышленной политики, контроля за трансграничными потоками капитала и валютных ограничений.

Сочетая государственное планирование и рыночную самоорганизацию, государственный контроль за движением денег и частное предпринимательство, интегрируя интересы всех социальных групп вокруг цели повышения общественного благосостояния, КНР демонстрирует рекордные темпы роста инвестиционной и инновационной активности, более тридцати лет лидируя в мире по темпам экономического роста. Если в США, несмотря на пятикратное увеличение объема долларов за последнее десятилетие, экономика продолжает стагнировать, то КНР сочетает максимальные уровни монетизации экономики, нормы накопления и темпы ее роста. Ориентирующаяся на максимизацию текущей прибыли американская финансовая олигархия явно уступает по эффективности управления развитием экономики китайским коммунистам, которые используют рыночные механизмы для повышения народного благосостояния за счет роста производства и инвестиций. А также индийским националистами, создавшим свой вариант интегральной системы управления развитием экономики с демократической политической системой.

Все страны – от Вьетнама до Эфиопии – идущие по пути формирования конвергентной модели, сочетающей социалистическую идеологию и государственное планирование с рыночными механизмами и частным предпринимательством, а также регулируя последнее в целях повышения производства материальных благ, демонстрируют сегодня опережающее устойчивое развитие на фоне стагнации ведущих капиталистических стран. Американский вековой цикл накопления капитала сменяется Азиатским, а центр мировой экономики смещается в Юго-Восточную Азию.

Новый мирохозяйственный уклад основан на принципах недискриминации, взаимного уважения суверенитета и национальных интересов сотрудничающих государств, ориентируя их не на обслуживание международного капитала, а на подъем народного благосостояния. Характерный для стран ядра интегрального мирохозяйственного уклада подход к международной политике (отказ от вмешательства во внутренние дела, от военной интервенции, от торговых эмбарго) дает развивающимся странам реальную альтернативу выстраивания равноправных и взаимовыгодных отношений с другими государствами. Он принципиально отвергает применение силы, а также использование санкций во внешней политике.

Формируется новая, более эффективная по сравнению с предыдущими, система институтов воспроизводства экономики, центр мирового развития перемещается в Юго-Восточную Азию, что позволяет говорить о начале нового – Азиатского – векового цикла накопления капитала. Наряду с Китаем в формирование ядра нового мирохозяйственного уклада вовлечены Вьетнам, Япония, Сингапур, Индия и Южная Корея, принципиально отличающиеся от него политическим устройством и доминирующей формой собственности. Общим для них является сочетание институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы, а также приоритет общенародных интересов над частными, который выражается в жестких механизмах личной ответственности граждан

за добросовестное поведение, четкое исполнение своих обязанностей, соблюдение законов, служение общенациональным целям. Система управления социально-экономическим развитием строится на механизмах личной ответственности за повышение благополучия общества.

Смена мирохозяйственных укладов до сих пор всегда сопровождалась мировыми войнами. Они провоцировались теряющим влияние глобальным лидером в целях удержания контроля за своей периферией в завершающей фазе жизненного цикла соответствующего мирохозяйственного уклада. И всегда заканчивались появлением нового глобального лидера, превосходство которого обеспечивалось институциональными преимуществами нового мирохозяйственного уклада. Так, две мировых войны прошлого столетия опосредовали переход от мирохозяйственного уклада колониальных империй к имперскому укладу, который в завершающей фазе своего жизненного цикла приобрел форму либеральной глобализации. Движущей силой этого перехода было противоречие между быстрым расширением производства на американской и европейской периферии доминировавшей в системе мирохозяйственных связей Великобритании и возможностями последней по удержанию глобального контроля.

Происходящая в настоящее время эскалация мировой гибридной войны лишь отражает стремление США любыми средствами и инструментами максимально оттянуть момент краха своей финансовой системы и перескочить на новую длинную волну роста до его наступления. Для этого они пытаются переложить бремя обслуживания своих обязательств на другие страны или вовсе их списать.

Удержать контроль над нефтедолларами помогают войны на Среднем и Ближнем Востоке. Контроль над наркოდолларами предполагает контроль над Афганистаном. Госпереворот на Украине и установление в ней антироссийского нацистского режима направлен на стравливание европейских стран НАТО с Россией и ослабление всех сторон конфликта ради усиления над ними контроля со стороны американской властвующей элиты с целью усиления возможностей последней по ослаблению Китая. При этом контроль над Россией американские геополитики рассматривают как ключ к удержанию глобального лидерства.

Современная ситуация характеризуется наложением процессов смены технологических и мирохозяйственных укладов, следствием чего становится резонансное усиление кризисных явлений. Типичная для смены технологических укладов гонка вооружений с обострением военно-политической напряженности переходит в мировую войну, которая является закономерной фазой смены мирохозяйственных укладов.

С точки зрения исторических аналогий, нынешнее десятилетие аналогично предшествовавшей Второй мировой войне Великой депрессии. Хотя благодаря колоссальной денежной накачке эмитенты мировых валют смогли смягчить структурный кризис и избежать резкого падения производства, экономики ведущих стран мира пребывают в состоянии длительной стагнации. Накопленные за десятилетие потери потенциального ВВП вполне сопоставимы с ущербом от падения производства в 30-е годы, которое было сравнительно быстро преодолено.

Разворачивающийся в настоящее время мировой кризис усугубляет экономическую ситуацию и счет потерь ВВП в современный период, видимо, превысит провал в соответствующий период прошлого века. Если тогда выход из Великой депрессии произошел быстро и резко благодаря колоссальному увеличению государственного спроса вследствие милитаризации экономики в преддверии и в ходе мировой войны, то происходящая сегодня гибридная война ведется, главным образом, в сфере гуманитарных технологий и не нуждается в производстве большого количества оружия и военной техники. И, к счастью, она не сопровождается гигантскими потерями населения и материального богатства, что избавляет от роста расходов на его восстановление. Вместе с тем возникающие в связи с глубокими структурными изменениями мировой экономики угрозы человечеству не стоит недооценивать. Тем более в ситуации, когда агрессор преступил красную черту, открыв биологический фронт войны за свою гегемонию ценой угрозы самому существованию человечества.

В прошлом столетии властвующая элита Великобритании пыталась сохранить свою глобальную гегемонию за счет провоцирования войн между своими главными конкурентами: Японии против России; Германии с Австро-Венгрией против России и СССР; Японии против США. Чтобы сдержать развитие последних Британская империя даже ввела в 30-е годы эмбарго на импорт американских товаров. Сегодня то же самое пытается делать руководство США в отношении китайских товаров. Подобным же образом американские спецслужбы провоцируют конфликты между своими главными

конкурентами, подталкивая Вьетнам и Японию на конфликт с Китаем и выращивая русофобские режимы на постсоветском пространстве с целью разрушения исторической России.

В силу неумолимых законов мирового социально-экономического развития США обречены на поражение в развязанной ими торговой войне с КНР. Но американская властвующая элита будет пытаться бороться за глобальное лидерство всеми доступными ей методами, не взирая на международное право. Впрочем, последнее она уже разрушила: игнорируя нормы ВТО при торговой войне с Китаем; нарушая Устав ООН вооруженной агрессией на Балканах и на Ближнем Востоке, а также организацией госпереворотов в ряде стран Европы и Южной Америки; Устав МВФ - финансовыми санкциями против России; занимаясь разработкой биологического оружия, кибертерроризмом и наращиванием военного присутствия в других странах и в Космосе вопреки международным конвенциям; спонсируя религиозный экстремизм и неонацизм с целью организации и манипулирования террористическими организациями; арестовывая имущество и похищая неугодных граждан других стран. В полном соответствии с теорией (Глазьев, 2016b) эта война инициируется властвующей элитой США с целью удержания своей глобальной гегемонии в условиях появления на порядок более эффективной системы управления развитием экономики в КНР. Остается открытым вопрос, до каких пределов могут пойти американские лидеры в преступлениях против человечества в стремлении удержать свое господство?

Мировые войны существенно отличаются друг от друга применяемыми технологиями. Вторая ми-

ровая война была войной моторов, давшей мощный импульс развитию автомобилестроения и промышленности органического синтеза, составивших ядро нового для того времени технологического уклада. К середине 70-х годов прошлого века он достиг пределов своего роста и начался процесс его замещения следующим технологическим укладом, ядро которого составили микроэлектронная промышленность и информационно-коммуникационные технологии. Доктрина «звездных войн» и развернутая США гонка вооружений в ракетно-космической сфере дала мощный импульс его росту, который продолжался вплоть до начала нынешнего столетия. Сегодня происходит процесс замещения этого технологического уклада следующим, ядро которого составляют цифровые, нано- и биоинженерные технологии. Как и раньше, он стимулируется гонкой вооружений. Однако базисные технологии формирующегося сегодня нового технологического уклада существенно отличаются от предшествующих. Для стимулирования их разработки хорошо подходят высокоточное ракетное, целевое биологическое, кибернетическое и информационное когнитивное оружие, поражающее стратегические объекты, системы управления, население и сознание противника.

Нетрудно заметить применение этих видов оружия в настоящее время: высокоточного оружия – в боевых действиях; биологического – в форме пандемии коронавируса; кибернетического – в кибератаках против объектов финансовой и энергетической инфраструктуры; когнитивного – в социальных сетях. При невозможности применения ядерного и химического оружия современная мировая война приобретает гибридный характер, включая широкое

использование финансовых, торговых, дипломатических приемов сокрушения противника. США используют свое превосходство во всех перечисленных сферах, стремясь усилить свои преимущества в мировой экономике за счет ослабления противника.

Мировые войны прошлого столетия шли за обладание территорией. Во всяком случае со стороны главных агрессоров – Германии и Японии, провозгласивших цели расширения жизненного пространства для своих наций, которым хотелось поработить все остальное человечество. Нынешняя мировая гибридная война разворачивается властвующей элитой США за контроль над мировой экономикой, прежде всего, ее финансовой системой. Благодаря приватизации функции эмиссии мировой валюты американская властвующая олигархия имеет возможности эксплуатации всего человечества посредством обмена создаваемых ею фиатных денег на реальные материальные блага и активы. Целью ее агрессии является завершение процесса либеральной глобализации, в рамках которой всеми странами должно обеспечиваться свободное обращение доллара в качестве мировой валюты и обмен на нее всех национальных товарно-материальных ценностей и активов. Поэтому боевые действия в нынешней гибридной войне происходят не посредством применения танков, кораблей и самолетов, как это было в прошлом веке, а путем целевого использования финансовых инструментов, торговых ограничений, кибератак и манипулирования общественным сознанием. Вооруженные силы применяются на завершающей фазе боевых действий в карательных целях для окончательной деморализации уже поверженного противника. А биологическое оружие – для

создания паники населения в целях дезорганизации управления и остановки экономической деятельности. В конечном счете – для обесценения активов миллионов инвесторов и граждан с целью их последующей скупки глобальным олигархатом.

Началом современного перехода к смене мирохозяйственных укладов следует считать крах мировой системы социализма (Швейцер, 1995). Сегодня он вступает в завершающую фазу, в ходе которой должно произойти окончательное разрушение перешедшего после распада СССР под контроль США имперского мирохозяйственного уклада и переход к новому. Контуры последнего уже сформированы в Китае и других странах Юго-Восточной Азии, осваивающих институты и создающих системы управления воспроизводством экономики интегрального мирохозяйственного уклада. Они доказывают свою эффективность не только в динамике макроэкономических показателей, но и в успешном отражении американской агрессии в ходе гибридной мировой войны.

Нет сомнений в том, что китайская система регулирования воспроизводства экономики выйдет из этого кризиса еще более окрепшей. Ее денежные власти воспользовались декапитализацией финансового рынка, чтобы консолидировать национальный контроль над зависимыми от иностранных акционеров сегментами китайской экономики. Она несомненно станет еще более эффективной вследствие падения цен на энергоносители и сырьевые товары, а также более привлекательной для иностранных инвестиций. Хотя падение производства вследствие остановки предприятий в течение эпидемии оценивается в 50-70 млрд долл., оно быстро восстановится,

в то время как США и ЕС только предстоит его пережить. При этом КНР удалось избежать банкротств системообразующих банков и предприятий, принадлежащих и поддерживаемых государством, которое полностью контролирует банковскую систему страны, ее транспортную, энергетическую и социальную инфраструктуру.

Дальнейшее развертывание мирового финансового кризиса объективно будет сопровождаться усилением КНР и ослаблением США. Существенно пострадают также находящиеся на периферии американоцентричной финансовой системы страны, включая ЕС и Россию. Вопрос заключается только в масштабе этих изменений. При благоприятном стечении обстоятельств продолжающаяся уже более десятилетия Великая стагнация экономики западных стран продолжится еще несколько лет до тех пор, пока оставшиеся после схлопывания финансовых пузырей капиталы не будут инвестированы в производства нового технологического уклада, и они смогут «оседлать» новую длинную волну Кондратьева. При неблагоприятном ходе событий, денежная накачка финансовой системы выльется в галопирующую инфляцию, что повлечет дезорганизацию воспроизводства экономики, падение уровня жизни населения и политический кризис. У властвующей элиты США останется две возможности: смириться с утратой глобального доминирования и принять участие в формировании нового мирохозяйственного уклада или перейти к эскалации уже ведущейся ими мировой гибридной войны. И, хотя объективно победить в этой войне они не смогут, ущерб для человечества могут нанести катастрофический, вплоть до летального.

Новый мировой порядок: сценарии перехода к нооэкономике

В прошлом веке в аналогичный период одновременной смены технологических и мирохозяйственных укладов развивался по трем глобальным политическим траекториям. После социалистической революции в России возникает прообраз нового мирохозяйственного уклада с коммунистической идеологией и тотальным государственным планированием. Спустя полтора десятилетия в целях преодоления Великой депрессии в США реализуется Новый курс, формирующий другой тип нового мирохозяйственного уклада с идеологией государства всеобщего благосостояния и государственно-монополистическим регулированием экономики. Чуть позже в Германии формируется его третий тип – с нацистской идеологией и частно-государственной корпоративной экономикой.

Все эти изменения происходят в завершающий период Британского цикла накопления капитала и лежащего в его основе колониального мирохозяйственного уклада. Занимая центральное место в мировой экономической системе, властвующая элита Великобритании пытается противостоять изменениям, подрывающим ее глобальное доминирование. Против СССР вводится экономическая блокада, для провоцирования массового голода разрешается импортировать из России только зерно. Против США вводится торговое эмбарго. В Германии поощряется антикоммунистический нацистский переворот и, в целях противостояния влиянию СССР, английские спецслужбы защищают и продвигают к власти Гитлера. С теми же намерениями и в ожидании

больших дивидендов американские корпорации инвестируют большие средства в модернизацию германской промышленности (Higham, 1983).

Англичане применяют традиционную для себя геополитику по принципу «разделяй и властвуй», провоцируя войну между Германией и СССР. Они надеются повторить свой успех в развязывании Первой мировой войны, в результате которой произошло самоистребление всех основных конкурентов Великобритании в Евразии: Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской и, окончательно, Китайской империй. Но сразу же после начала войны выясняется качественное превосходство Третьего Рейха над всеми европейскими странами, включая Великобританию, в эффективности управления экономикой и мобилизации всех имеющихся ресурсов для военных целей. И, хотя Великобритания, благодаря союзническим отношениям с СССР, оказалась в числе Победителей, после Второй мировой войны она лишилась всей своей колониальной империи – более 90% территории и населения.

Самой эффективной на тот момент оказалась советская система управления народнохозяйственным комплексом, которая совершила сразу три экономических чуда: эвакуацию промышленных предприятий с европейской части на Урал и в Сибирь, за полгода отстроив новые промышленные районы; выход на запредельные для других стран параметры производительности труда и фондоотдачи, на порядок превзошедшие показатели объединенной фашистами Европы; стремительное восстановление полностью разрушенных оккупантами городов и производственных мощностей после войны.

Новый курс Рузвельта существенно поднял мобилизационные возможности американской экономики, что позволило США нанести поражение Японии в Тихоокеанском бассейне. В послевоенной Западной Европе у США не было конкурентов: бывшие колонии европейских государств стали зоной соперничества американских корпораций и советских министерств. Дальнейшее мировое развитие происходило в формате холодной войны двух мировых империй – советской и американской – имевших схожие технократические и диаметрально противоположные политические модели управления социально-экономическим развитием. Каждая из них имела свои преимущества и недостатки, но при этом кардинально превосходила по эффективности организации массового производства и возможностям мобилизации ресурсов систему семейного капитализма с беспощадной эксплуатацией наемных работников и рабов.

Аналогичная картина складывается в настоящее время. Формирующийся новый мирохозяйственный уклад имеет также три возможных разновидности. Первая из них уже сформирована в КНР под руководством Компартии Китая. Она характеризуется сочетанием институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы и демонстрирует потрясающую эффективность управления развитием экономики, на порядок превосходящую американскую систему. Это наглядно проявилось в многократно более высоких темпах развития передовых секто-

ров промышленности за последние три десятилетия и вновь было подтверждено показателями результативности борьбы с эпидемией.

Вторая разновидность интегрального мирохозяйственного уклада формируется в Индии, являющейся самой большой реальной функционирующей демократией в мире. Основы индийской разновидности интегрального строя были заложены еще махатмой Ганди и Джевахарлалом Неру на фундаменте индийской культуры. Национализация банковской системы, проведенная правительством Индиры Ганди позволила поставить управление финансовыми потоками в соответствие с индикативными планами развития экономики. Правильно выбранные приоритеты дали толчок развитию ключевых направлений формирования нового технологического уклада и сегодня Индия выходит на первое место в мире по темпам экономического роста. Как и в Китае, государство регулирует рыночные процессы в целях повышения народного благосостояния, стимулируя инвестиции в развитие производства и освоение новых технологий. При этом валютно-финансовые ограничения удерживают капитал внутри страны, а государственное планирование направляет предпринимательскую активность на производство материальных благ.

Третью разновидность нового мирохозяйственного уклада можно разглядеть в тумане нарастающей пандемии массового психоза. Из недр глубинного государства США инициируются заявки на формирование нового мирового порядка. На волне пандемии создаются институты, претендующие на управление человечеством. Фонд Б. Гейтса устанавливает контроль над деятельностью ВОЗ в части вакцинации населения. При этом вакцинация используется для

продвижения давно разрабатываемой им технологии биологического программирования в целях сокращения рождаемости и тотального контроля над поведением прививаемых людей. В этой технологии сочетаются достижения биоинженерии и информатики: вакцинация сопровождается чипизацией, позволяя создавать любые ограничения жизнедеятельности людей.

Видимо, неслучайно Билл Гейтс, приближая нужный ему образ будущего человечества, неоднократно возвещал о приближающейся пандемии (Bill..., 2020): в своем выступлении в 2015 г. он алармистски провозгласил, что мир «не готов к следующей эпидемии». В дискуссии об эпидемиях в 2018 г., организованной Массачусетским медицинским обществом и журналом *New England Journal of Medicine*, Гейтс предупредил, что пандемия может произойти в течение ближайшего десятилетия. 18 октября 2019 г. Центр безопасности в области здравоохранения при университете имени Джона Хопкинса (именно по его ресурсу сейчас весь мир отслеживает эпидемию коронавируса) в партнерстве с Всемирным экономическим форумом и Фондом Билла и Мелинды Гейтс провел мероприятие «Событие 201» (Центр..., 2019) о реагировании на пандемию высокого уровня. Встреча была проведена как стратегическая игра, в ходе которой моделировался процесс распространения пандемии устойчивого вируса, передаваемого воздушно-капельным путем, а также при рукопожатиях и других тактильных контактах. Особенностью вируса, по сценарию стратегической игры, было отсутствие эффективной вакцины и избирательная смертность населения, в основном связанная с лицами, у которых ослаблен иммунитет.

Еще одним известным спонсором идеи мирового правительства как необходимого инструмента спасения человечества от угроз перенаселения и загрязнения Земли является Д.Рокфеллер. На предыдущем переломном этапе технико-экономического развития, когда мировая экономика погрузилась в кризис в связи с завершением жизненного цикла 4-го технологического уклада, он инициировал создание Римского клуба, выступившего с докладов «Пределы роста»⁸. Сегодня тема самоограничения потребления ресурсов развивающимися странами вновь актуализируется мировыми СМИ. На этот раз она дополняется угрозой самоуничтожения человечества вырывающимися из остатков дикой природы и оттаивающей вечной мерзлоты невиданными ранее вирусами.

Прогноз Фонда Рокфеллера о вирусной пандемии, подготовленный десять лет назад, поражает точностью совпадения с нынешней ситуацией. В 2010 г. был обнародован доклад Фонда Рокфеллера и Глобальной сети бизнеса «Сценарии для будущего технологии и международного развития» (Scenarios, 2010). В одном из сценариев доклада с названием в духе спецопераций секретных служб США из голливудских блокбастеров – Lock Step («Замыкающий шаг») – по сути, представлено моделирование глобальной дестабилизации посредством пандемии вируса. В упомянутом докладе говорится: «Во время пандемии национальные лидеры во всем мире уси-

⁸ «Пределы роста» (англ. The Limits to Growth) — доклад Римскому клубу, опубликованный в 1972 году. Содержит результаты моделирования роста человеческой популяции и исчерпания природных ресурсов. В написании доклада принимали участие Донелла Медоуз, Деннис Медоуз, Йорген Рандерс и Уильям Беренс III.

лили свои полномочия и установили строжайшие правила и ограничения...Даже после того как пандемия прошла, этот более авторитарный контроль и надзор за гражданами и их деятельностью остались и даже усилились. Чтобы защитить себя от распространения все более глобальных проблем – от пандемий и транснационального терроризма до экологических кризисов и растущей нищеты, – лидеры во всем мире стали править более жестко». Поскольку вирусы не знают государственных границ напрашивается вывод о необходимости создания глобальных институтов регулирования человеческой жизнедеятельности.

Иными словами, третья разновидность нового мирохозяйственного уклада предполагает, по сути, формирование мирового правительства под руководством американской властвующей элиты в интересах финансового олигархата, контролирующего эмиссию мировой валюты, транснациональные банки и корпорации, глобальный финансовый рынок. Это продолжение тенденции либеральной глобализации, дополненной авторитарными технологиями контроля за населением лишенных национального суверенитета стран. В представлении традиционных конфессий – это сценарий «электронного концлагеря», предвещающего конец Света, описанный во многих антиутопиях.

Каждая из охарактеризованных выше разновидностей нового мирохозяйственного уклада предполагает использование передовых информационных технологий, составляющих ключевой фактор нового технологического уклада и материальную основу ноономики. Все они используют методы обработки больших данных и системы искусственного

интеллекта, необходимые для управления не только безлюдными производственными процессами, но и людьми в системах регулирования экономики и социального поведения. Цели этого регулирования задает властвующая элита, способ формирования которой предопределяет сущностные характеристики каждой из разновидностей нового мирохозяйственного уклада.

В Китае власть принадлежит руководству Коммунистической партии, которая организует регулирование экономики в целях повышения народного благосостояния и направляет социальное поведение в русло достижения политических целей построения социализма с китайской спецификой. Рыночные механизмы регулируются таким образом, чтобы в конкуренции побеждали наиболее эффективные производственно-технологические структуры, а прибыль была пропорциональна их вкладу в прирост общественного благосостояния. При этом в средних и крупных корпорациях, в том числе негосударственных, действуют партийные организации, контролирующие соответствие мотивов экономической деятельности моральным ценностям коммунистической идеологии. Поощряется повышение производительности труда и эффективности производства, скромность и продуктивность руководителей и собственников, с одной стороны, и наказываются злоупотребления доминирующим положением на рынке и спекулятивное манипулирование им, расточительность и паразитическое потребление, с другой стороны. Для регулирования социального поведения личности разрабатывается система социального кредита. Согласно заложенному в ней замыслу, социальные возможности каждого гражданина будут

зависеть от его рейтинга, который постоянно корректируется на основе баланса хороших и плохих поступков. Чем выше рейтинг, тем больше доверия к человеку при устройстве на работу, продвижении по службе, получении кредита, делегировании полномочий. Эта своеобразная модернизация знакомой советским людям системы ведения личных дел, которые сопровождали человека всю его трудовую жизнь, имеет свои положительные и отрицательные стороны, оценка которых выходит за пределы настоящей статьи. Ее главная проблемная зона – зависимость механизма формирования продуктивной элиты общества от искусственного интеллекта.

Вторая разновидность нового мирохозяйственного уклада определяется демократической политической системой, которая может существенно различаться в разных странах. Наиболее развита она в Швейцарии, где основные политические решения принимаются на всенародных референдумах. В большинстве стран она серьезно поражена коррупцией и подвержена манипулированию со стороны крупного бизнеса, который может быть патриотическим или компрадорским. Внедрение современных информационных технологий в систему выборов народных представителей может существенно повысить эффективность этой политической системы, исключив подтасовки результатов голосования и обеспечив равный доступ кандидатов к средствам массовой информации. Распределенность последних в блогосфере создает конкуренцию источников информации, повышающую степень их достоверности и объективности. При должном правовом обеспечении использования современных информационных технологий в избирательном процессе формирует-

ся автоматический механизм ответственности органов государственной власти за результаты своей деятельности в интересах общества. Чем более образованы и активны граждане, тем эффективнее работает демократическая политическая система. Ее главная проблемная зона – зависимость формирования властвующей элиты от кланово-корпоративных структур, не заинтересованных в прозрачности и честности выборов.

Наконец, третья разновидность нового мирохозяйственного уклада определяется интересами финансовой олигархии, претендующей на мировое господство. Достигается оно посредством либеральной глобализации, заключающейся в размывании национальных институтов регулирования экономики и подчинении ее воспроизводства интересам международного капитала. Доминирующее положение в структуре последнего занимает несколько десятков переплетенных друг с другом американско-европейских семейных кланов, контролирующих крупнейшие финансовые холдинги, силовые структуры, спецслужбы, СМИ, политические партии и формирующих так называемой «глубинное государство» (Коулман, 2005). Это ядро властвующей элиты США ведет гибридную войну со всеми неконтролируемыми им странами, используя широкий арсенал финансовых, информационных, когнитивных и уже биологических технологий для их дестабилизации и хаотизации. Целью этой войны является формирование подконтрольной ему глобальной системы институтов, регулирующих воспроизводство не только мировой экономики, но и всего человечества посредством современных информационных, финансовых и биоинженерных технологий. Главной

проблемой такой политической системы является ее полная безответственность и аморальность, приверженность ее наследственной властвующей элиты мальтузианским, расистским и человеконенавистническим воззрениям.

Формирование нового мирового порядка будет идти в конкуренции между этими тремя разновидностями нового мирохозяйственного уклада. При этом последняя из них исключает две первых, которые могут мирно сосуществовать. Также как победа фашистской Германии и Японии в войне против СССР и США исключала бы как советскую, так и американскую модель нового для того времени мирохозяйственного уклада. После общей победы СССР и США создали конкурирующие друг с другом политические системы, разделившие мир на зоны влияния и избегавшие прямой конфронтации.

Итак, существует три прогнозных сценария перехода к ноономике. Общей для них материальной основой является новый технологический уклад, ядро которого составляет совокупность цифровых, информационных, биоинженерных, когнитивных, аддитивных и нанотехнологий. С их помощью сегодня создаются безлюдные полностью автоматизированные производства, управляющие безграничными базами данных системы искусственного интеллекта, трансгенные микроорганизмы, растения и животные, клонируются живые существа и регенерируются ткани человека. На этой технологической основе формируются институты интегрального мирохозяйственного уклада, обеспечивающие сознательное управление социально-экономическим развитием как суверенных государств, так и, потенциально, человечеством в целом. Достигается это путем сочетания государ-

ственного стратегического планирования и рыночной конкуренции на основе государственно-частного партнерства. В зависимости от того, в чьих интересах осуществляется регулирование деятельности автономных хозяйствующих субъектов формируется одна из охарактеризованных выше разновидностей нового мирохозяйственного уклада. Первые две – коммунистическая и демократическая – могут мирно сосуществовать, конкурируя и сотрудничая на основе норм международного права. Третья – олигархическая – является антагонистической по отношению к первым двум, так как предполагает установление наследуемого мирового господства нескольких десятков американо-европейских семейных кланов, несовместимого ни с демократическими, ни с коммунистическими ценностями.

По какому из трех прогнозных сценариев пойдет эволюция человечества, зависит от исхода гибридной войны, развернутой американской властвующей элитой против суверенных государств. Главными целями американской агрессии являются Китай, ставший мировым лидером формирующегося нового мирохозяйственного уклада и Россия, нивелирующая своим ракетно-ядерным щитом преимущества США в военно-политической области. Стратегическое партнерство России и Китая является для американской властвующей элиты непреодолимым препятствием для установления мирового господства финансового олигархата. Мощь последнего опирается на эмиссию мировых денег, возможности которой ограничены политической волей суверенных государств, способных создавать и использовать в международном сотрудничестве свои национальные валюты. Если Китай и Россия смогут

сформировать независимую от доллара валютно-финансовую систему хотя бы для ШОС, исход мировой гибридной войны будет предрешен. Без подпитки своего платежного баланса бесконечной эмиссией мировой валюты американская империя быстро лишится своей военно-политической мощи.

Особенностью ноономики является ведущая роль знаний в управлении социально-экономическим развитием на национальном и глобальном уровне. Как только механизм эмиссии мировых денег перестанет быть тайной для национальных денежных властей суверенных государств, доминирующему положению американско-европейских олигархических кланов на мировом финансовом рынке придет конец. Слабость их положения заключается в фиатной (фидуциарной) природе современных денег, покупательная способность которых основывается на доверии, формируемом государственной властью. Доверие к доллару основывается на военно-политической и экономической мощи США, которая быстро размывается по мере развертывания гибридной войны. Каждый акт американской агрессии, хоть и приносит краткосрочные политические дивиденды, но ухудшает положение США в долгосрочном и даже среднесрочном плане. Так, благодаря на порядок более высокой эффективности сформированной в КНР системы управления развитием экономики, США обречены на поражение в инициированной Трампом торговой войне. Финансовые санкции против России подрывают доверие к доллару как мировой валюте. Очередной крах финансового рынка США разрушает американский центр накопления капитала. Вброшенный против КНР коронавирус наносит США куда больший ущерб, чем Китаю.

Возможно, в стремлении удержать глобальное доминирование, властвующая в США олигархия решилась на применение когнитивно-биологического оружия. В точном соответствии со сценарием пандемии Фонда Рокфеллера, написанным еще в 2009 году, государства в панике блокируют передвижение людей и парализуют деловую активность. Паралич экономики вызывает резкое падение уровня жизни населения и расстройство государственных финансовых систем по всему миру. Обладающие монополией на эмиссию мировых денег связанные с ФРС США олигархические кланы предлагают послушным национальным правительствам финансовую помощь, а испуганному населению – спасительную вакцину. В дальнейшем, в соответствии с планом Фонда Б. и М. Гейтсов, поголовная вакцинация будет использована как инструмент биoprogramмирования населения, соглашающегося с контролем глобальных институтов над рождаемостью и доступом к ресурсам обеспечения жизнедеятельности.

Вероятно, именно таков был замысел коронавирусной диверсии против Китая. Об этом говорят цепочка «странных» событий, начиная от сценария Фонда Рокфеллера и заканчивая частичной приватизацией ВОЗ Фондом Б. и М. Гейтсов, а также расследования деятельности глобальной сети американских секретных биоинженерных лабораторий. Однако китайская система мобилизации населения и здравоохранения оказалась намного более эффективней на порядок более дорогостоящей американской. Провалилась попытка американских властей и СМИ обвинить в пандемии КНР. Наоборот, китайское руководство перехватило глобальную инициативу и оказывает всем странам помощь на фоне

социального бедствия в США. В этом проявились преимущества создаваемого КНР интегрального мирохозяйственного уклада над системой глобального доминирования американско-европейской финансовой олигархии.

Ноономика будущего мирохозяйственного уклада

Из трех охарактеризованных выше сценариев формирования нового мирохозяйственного уклада вариант мирового правительства выглядит наименее вероятным. Хотя именно в его русле разворачивается сегодня мировая гибридная война, властвующая элита США в ней обречена на поражение в силу качественно более высокой эффективности мобилизационных возможностей КНР и незаинтересованности всех стран мира в этой войне. Ее можно остановить формированием широкой антивоенной коалиции на основе создания автономной от доллара валютно-финансовой системы, заключения конвенции против кибертерроризма, формирования механизма контроля за исполнением вступившей в силу в 1975 году Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия.

Если исходить из наиболее вероятного исхода развязанной властвующей элитой США мировой гибридной войны не в ее пользу, новый мирохозяйственный уклад будет формироваться в конкуренции коммунистической и демократической разновидностей, результаты которой будут определяться их сравнительной эффективностью в освоении возмож-

ностей и нейтрализации угроз нового технологического уклада. Эта конкуренция будет носить мирный характер и регулироваться нормами международного права. Все аспекты этого регулирования, начиная от контроля за глобальной безопасностью и заканчивая эмиссией мировых валют, будут основываться на международных договорах. Отказывающиеся от принятия обязательств и международного контроля за их соблюдением страны будут изолироваться в соответствующих сферах международного сотрудничества. Мировая экономика станет более сложной, восстановление значения национального суверенитета и разнообразие национальных систем регулирования хозяйственной деятельности будет сочетаться с фундаментальным значением международных организаций с наднациональными полномочиями.

Конкуренция коммунистической и демократической разновидностей интегрального мирохозяйственного уклада не будет антагонистической. К примеру, в китайской инициативе «Один пояс – один путь» с идеологией «единой судьбы человечества» участвует множество стран с различным политическим устройством. Демократические страны ЕС создают зоны свободной торговли с коммунистическим Вьетнамом. Ландшафт конкурентной борьбы будет определяться сравнительной эффективностью национальных систем управления. Все они столкнутся со следующими вызовами нового технологического уклада.

Первое. Массовое высвобождение занятых рутинным трудом, который будет замещен автоматическими системами управления как в материальном производстве, так и в сфере услуг. Этим людям нужно будет либо освоить новые творческие профессии,

либо дать им возможность досрочного выхода на пенсию.

Второе. Раскол общества на креативный класс занятых творческой самореализацией людей и прекариат, довольствующийся ролью обслуживающего персонала и потребителей. Для социальной гармонии между этими двумя группами должны работать социальные лифты и системы социального обеспечения, позволяющие малоимущим получать хорошее образование, а малознающим – нормальный уровень жизни.

Третье. Фрагментация общества по социальным сетям, дифференцированным по мировоззренческим представлениям, моральным ценностям, потребностям. Интеграция этих сетевых сообществ государством должна вестись путем гармонизации их интересов в достижении общих целей повышения общественного благосостояния.

Четвертое. Концентрация власти у ноократии, знания которой создают неограниченные возможности использования потенциально опасных для общества технологий. Эти люди должны согласиться на ограничение свободы творчества в сферах, представляющих опасность для человечества, включая биоинженерию, ядерную физику, системное программирование, тонкую химию и т.п.

Пятое. Размывание социальных групп, основанных на физическом ощущении солидарности вследствие аутизма и социопатии растущей части населения, замыкающейся в виртуальном пространстве. Этим людям необходимы особые условия выживания и самореализации, требующие соответствующих механизмов социальной адаптации. Их интеграция в социум становится важной задачей национальной безопасности.

Шестое. Растущая доля свободного времени вследствие высвобождения людей из трудоемких сфер деятельности. Для его использования в созидательных целях необходимо развитие сфер творческой самореализации, не связанных с работой ради потребления. За порогом этого вызова открывается дверь в ноономику.

Вызовы современной технологической революции можно продолжать дальше. Способные их принять и конструктивно использовать институты формируются в рамках интегрального мирохозяйственного уклада. Общим знаменателем его двух базовых разновидностей является ноономика, определяющая способность системы управления создавать и регулировать автоматически воспроизводящиеся процессы социально-экономического развития. Эффективность как демократической, так и коммунистической ипостасей интегрального мирохозяйственного уклада будет зависеть от нивелирования негативного влияния субъективных факторов управления и стимулирования их позитивной роли. Позитивный отбор этих факторов достигается посредством автоматически действующего механизма ответственности принимающих решения лиц перед обществом. В КНР экспериментируют с системой социального кредита, накладываемой на традиционную для Китая конфуцианскую этику. В Швейцарии развивают автоматические механизмы прямой демократии, заставляющие власть подчиняться постоянному народному контролю и волеизъявлению посредством референдумов.

Вероятно, что основная конкуренция между коммунистической и демократической разновидностями нового мирохозяйственного уклада раз-

вернется между Китаем и Индией, лидирующих сегодня по темпам экономического развития и претендующими в совокупности со своими сателлитами на добрую половину мировой экономики. Институты нового мирохозяйственного уклада на основе ноономики успешно формируются в Японии, Корее, странах АСЕАН. Остается открытым вопрос о будущем других стран, включая Россию, властвующая элита которых противодействует принципам ноономики. Без создания автоматически действующих механизмов ответственности власти перед обществом и положительного кадрового отбора институты нового мирохозяйственного уклада в его как демократической, так и коммунистической ипостаси создать невозможно. А без них нельзя будет освоить производства нового технологического уклада, требующие высокого профессионализма и социальной гармонии.

Ноономика снимает ресурсные ограничения в обеспечении материальных потребностей человечества. Современные аграрные технологии позволяют прокормить вдвое больше людей, чем сегодня проживают на планете. Энергетические технологии, особенно гелиоэнергетика, снимают проблемы с ограниченностью невозпроизводимых сырьевых ресурсов. Информационные технологии снимают ограничения человеческого ума по количеству обрабатываемых данных. Ограничения социально-экономическому развитию создают сегодня, прежде всего, субъективные факторы управления – коррупция, некомпетентность, кумовство, жадность и жажда власти – несовместимые с принципами ноономики и институтами нового мирохозяйственного уклада.

Список литературы

Белл Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. М.: Academia.

Бодрунов С.Д. (2018) Ноономика. М.: Культурная революция.

Ветхий Завет, Бытие, Глава 3.

Глазьев С.Ю. (2016а) Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы, №2.

Глазьев С.Ю. (2016б) Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир.

Глазьев С.Ю. (2016с) Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов // Экономика и математические методы, №3.

Глазьев С.Ю. (2018) Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир.

Зиновьев А. (2000) Запад. М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф».

Клюкин Н.Ю., Гутников В.А. (2018) Оценка биологической емкости агросферы с целью определения предельной численности населения земли // Государственное управление. Электронный вестник, № 69.

Коулман Д. (2005) Комитет 300. Тайны мирового правительства. М.: ИД «Витязь».

Кузнецов А.В. (2009) Новая экономика и постиндустриальное общество: сопоставление понятий // Вестник Челябинского государственного университета, №2(140). Экономика, вып. 18.

Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике (2009) / Под ред. С. Глазьева и В. Харитоновна. М.: «Товант».

Рисмен Д. (1958) Отдых и труд в постиндустриальном обществе.

Спаситель Великобритании предлагает мировое временное правительство // РИА «Новости», 28.03.2020. URL: <https://ria.ru/20200328/1569257083.html>.

Центр безопасности в области здравоохранения при Университете имени Джона Хопкинса. URL: <http://www.centerforhealthsecurity.org/event201/>.

Швейцер П. (1995) Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск.

Энгельс Ф. (2019) Анти-Дюринг. М.: «Издательство АСТ».

Bill Gates has been Warning of a Global Health Threat for Years. URL: <https://www.businessinsider.com/people-who-seemingly-predicted-the-coronavirus-pandemic-2020-3>.

Daniel B. (1978) The cultural contradictions of capitalism. New York: Basic books.

Higham Ch. (1983) Trading with the Enemy: an Expose of the Nazi-American Money Plot 1933-1949. New York.

Scenarios for the Future of Technology and International Development. (2010) The Rockefeller Foundation, Global Business Network.

Ноономика, глобализация и пандемия

Джеймс Гэлбрейт

Профессор Школы по связям с общественностью Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США)

Введение

«Ноономика» в интерпретации профессора Бодрунова (Бодрунов, 2018) используется для описания потенциального развития индустриальной системы, которая соответствует назначению в плане удовлетворения основных требований справедливого и цивилизованного общества с учетом возможностей технологий и в пределах, обусловленных окружающей средой. В этой системе производственные процессы не будут настолько зависеть от прямых затрат на труд, а структура общества будет строиться в основном на принципах, отличающихся от ограниченных экономических критериев, используемых до сих пор.

В некотором смысле общество в целом уже двигалось в сторону ноономики путем реструктуризации промышленности и автоматизации, развития цифровых технологий и технологий твердотельных элементов и схем, а также с помощью корпоративных стратегий контроля затрат. Многие работники уже уволены. Однако данный процесс, в том виде, в котором он существует сейчас, не способствует ни достижению справедливости, ни развитию ци-

визации, ни сохранению окружающей среды; напротив, данный процесс проходит в неравноправных условиях, является грубым в основных чертах и оказывает разрушающее воздействие на окружающую среду. И хотя подавляющее большинство уволенных работников нашли работу в сфере услуг, и лишь относительно немногие были вынуждены долгое время пользоваться скудной поддержкой, предоставляемой государством, пандемия Covid-19 выявила хрупкость такой трудовой занятости и неспособность современной системы противостоять радикальным изменениям в поведении, вызванным серьезной угрозой здоровью населения. Таким образом, данный процесс приводит к тем шагам, которые необходимо предпринять для реализации потенциала экологически безопасной ноономики.

Система планирования

Экономика, независимо от ее вида: национальная, континентальная или мировая экономика, в которой промышленный сектор основан на базе знаний, непременно будет основываться на принципах промышленной организации и контроля, изложенных в работе Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое индустриальное государство» (Galbraith, 1967). Существует система планирования, разработанная с учетом потребностей промышленного предприятия, которая включает исследования рынка, проектирование изделий, технические разработки, финансирование и контроль качества и затрат по процессу производства. Компания взаимодействует со своими клиентами, сотрудниками, государственным сектором

и финансовым сектором и работает, чтобы координировать и контролировать поведение каждого сотрудника, наиболее эффективно достигать целей и задач компании, поставленных руководством и директорами. Поскольку система планирования на уровне предприятия остается решающим фактором процесса производства, определение его целей и задач становится ключевым вопросом.

Цели и задачи крупного промышленного предприятия частично определяются политической, правовой и идеологической средой, в которой оно ведет деятельность. Разница заключается в том, что цели и задачи долгосрочно действующих предприятий заключаются в удовлетворении потребностей общества, тогда как цели и задачи других организаций заключаются в получении максимальной прибыли для акционеров в краткосрочной перспективе и выплате вознаграждения руководству компании. Общеизвестно, что в Соединенных Штатах и Великобритании принятие стоимости акционерного капитала в качестве основного критерия эффективности, начиная с конца 1970-х годов под влиянием экономической политики неолиберализма, привело к постепенному ослаблению долгосрочной жизнеспособности крупных компаний, подобно тому, как приватизация, организованная номенклатурой, привела к грабежам при распаде СССР. Однако в других странах, и в первую очередь в Германии, Японии, Корее и Китае, система планирования продолжала функционировать для поддержки долгосрочной жизнеспособности промышленных предприятий в качестве действующих предприятий; и эти страны постепенно поддерживали и развивали свой технологический потенциал в кумулятивном про-

цессе деятельности. Стоит отметить, что всякий раз корпоративная система планирования существует в структуре с уравнивающей силой (например, профсоюзы и другие социальные партнеры в Германии), или в партнерстве с государственными учреждениями (Япония и Корея), или даже, на примере Китая, в форме государственной собственности для многих основных предприятий. В какой-то степени эти предприятия реагируют на социальное и экологическое давление, однако, согласно постулату Гэлбрейта, их основная цель заключается в обеспечении стабильности и роста для себя.

Действительно, даже само поддержание стабильности промышленной системы требует творческого подхода, реализация которого не всегда была успешной. Построение экономики, базирующейся на новых производственных технологиях, неизбежно влечет за собой создание мира, в котором лишь небольшая часть трудоспособного населения будет задействована в производственной деятельности; в то время как гораздо большая часть должна будет искать работу в других сферах или искать другие средства к существованию, не предполагающие работу по найму. Этот факт относится ко всем странам, где существует производство, однако, больше всего это касается тех стран с высоким уровнем заработной платы, которые активно вытесняют производителей и заменяют их торговыми партнерами с низким уровнем заработной платы, и агрессивно внедряют трудосберегающие технологические изменения. В этих странах существенно сократилась доля рабочей силы, занятой на производственных предприятиях с высоким уровнем заработной платы. Задача системы планирования, даже если она иным обра-

зом не ограничена необходимостью достижения общественных целей, состоит в том, чтобы обеспечить как спрос, так и предложение на услуги, которые обеспечивают получение дохода большинству трудящихся, не производящих материальные товары, для того, чтобы мог существовать достаточный спрос на материальные товары, предусмотренные системой планирования. В силу социальных и политических причин, за исключением важной, но ограниченной по составу, группы пожилых людей, которым предоставляется поддержка по программе социального обеспечения и другим государственным пенсионным программам, эту систему невозможно широко применить, чтобы гарантировать получения дохода всем, кто нуждается в нем. Таким образом, система планирования должна была способствовать развитию экономики, в которой наемный труд был бы широко востребован не только в секторах, связанных с производством товаров.

Симулякры, излишества и предметы роскоши

Создание дополнительных рабочих мест в постиндустриальной протаноэкономике возможно благодаря стимулированию спроса и предложения товаров и услуг, которые являются несущественными или излишними, в том смысле, что от них можно отказаться без серьезного ущерба для благосостояния; товары и услуги, соответствующие этому описанию, можно охарактеризовать как «симулякры», поскольку они удовлетворяют потребности, которые не являются реальными потребностями, а надуманными желаниями.

Изначальные идеи различия между существенным и несущественным, утраченные в неоклассической экономической теории, берут свое начало в классической дихотомии на производительный и непроизводительный труд, а также в концепциях материального соперничества и показных трат, которые продвигались Торстейном Вебленом (Veblen, 1899), и в его теории разделения на промышленный рабочий класс и праздный класс. Таким образом, для Адама Смита, который адаптировал более раннюю концепцию физиократов, служащие, солдаты, духовенство и большинство государственных чиновников относились к «непроизводительному» классу и, по его мнению, существовали за счет излишков, произведенных трудом фермеров, ремесленников и торговцев, которые являлись основой экономической жизни Британии XVIII века. В то время как у Веблена праздный класс был нацелен на активное потребление предметов роскоши и демонстрацию своего благосостояния, что включало в себя дорогостоящее содержание многочисленной челяди и слуг, которые потребляли продукты, созданные промышленными классами.

В послевоенную эпоху рост производительности труда означал необходимость борьбы с потенциальной возможностью марксистского «кризиса реализации». Чтобы поддерживать спрос на свой выпуск продукции, система планирования предусматривала разработку и продвижение симулякров во множестве форм. Первоначально такая поддержка состояла в основном из растущего разнообразия потребительских товаров, а также их активного продвижения при помощи рекламы. Эта тема была хорошо изучена Гэлбрейтом (Galbraith, 1958). Однако

в последнее время симулякры все больше создаются в сфере услуг. Таким образом, мы наблюдаем за процессом трансформации простых и ранее обычных действий, таких как занятие спортом, поход в кафе или покупка продуктов питания и одежды, получение высшего образования, а также отдельные медицинские процедуры, в дорогостоящие формы дискреционного потребления, некоторые из которых могут усилить фундамент экономической жизни наряду с ее другими существенными элементами. Таким образом, симулякры в последнее время получили наибольшее развитие именно в секторе услуг, а не в секторе производства товаров, и именно в этом секторе большинство людей в странах с развитой экономикой до недавнего времени находили работу.

Мировая экономика, разделенная на три части

Таким образом, процесс глобализации привел к возникновению мировой экономики, разделенной на три части, что впервые было проанализировано в работе Гэлбрейта (Galbraith, 1989, с. 14). На самом низком уровне находятся те страны, функции которых в значительной степени ограничены поставками товаров на мировые рынки («страны с преобладанием экспорта сырья»), от хлопка и какао до меди и кобальта и, конечно же, нефти. Такие страны имеют давно устоявшуюся традиционную структуру экономики; они зависят от внешнего мира в плане производства, товаров производственного назначения и базового медицинского обеспечения; их платежеспособность ограничена ценой, которую они могут

получить за производимые товары. Дефицит покрывается за счет долга, и периодические долговые кризисы являются обычным явлением для стран, находящихся в таком положении. В этих странах также существует вопиющее неравенство, разделение на землевладельцев и арендаторов, или, в более широком смысле, на тех, кто контролирует поток ресурсов, и тех, кто не контролирует. Существуют исключения – можно вспомнить Кубу и Норвегию, однако эти исключения редки.

На верхнем уровне находятся страны («ведущие технологические державы»), которые поставляют остальным странам высокотехнологичные товары, средства производства и финансовые услуги. В этих странах обычно высокий уровень жизни и фактической заработной платы благодаря устойчивой валюте и способности импортировать как товары, так и предметы народного потребления по ценам, которые может позволить себе большинство их домохозяйств. Однако их экономика характеризуется отчетливыми экономическими циклами, обусловленными цикличностью глобального спроса на высокотехнологичные средства производства и очень высоким уровнем неравенства из-за оценки стоимости капитала, имеющегося в распоряжении у передовых технологических компаний с распределением, доступным лишь очень небольшому количеству людей, а также потенциала для получения прибыли и вытеснения конкурентов в финансовом секторе. Поскольку трудоемкое производство в значительной степени перемещается в другие места, большая часть рабочих мест в этих странах создается в сфере услуг. Причина, как указывалось выше, заключается в стимулировании новых желаний и превращении

обычных видов деятельности в дорогостоящие формы проведения досуга.

На среднем уровне находятся те страны («промежуточные производственные мощности»), которые поставляют продукцию потребляющим домохозяйствам стран мира, в основном импортируя как средства производства, так и товары массового потребления. В этих обществах наблюдается тенденция к эгалитаризму, а также относительной стабильности – их основная уязвимость заключается в колебаниях спроса на экспорт и цен на сырьевые материалы. Уровень жизни сравнительно невелик, но имеет тенденцию к повышению со временем по мере улучшения качества товаров и снижения производственных затрат. Такие страны также могут импортировать технологии, приобретая их у своих более прогрессивных партнеров, а также улучшать свои собственные мощности. Таким образом, они представляют собой явную или неявную угрозу для доминирующего положения игроков на верхнем уровне.

Covid-19, экономическая структура и экономические модели

Кризис Covid-19 сфокусировал наше внимание на этих различиях. Выявилось различие между странами со сбалансированными и устойчивыми промышленными системами и странами с несбалансированными и хрупкими системами. Элементы избыточности, которые являются источниками экономической хрупкости, стали очевидными. Были выявлены последствия нестабильности и неравенства в предоставлении тех товаров и услуг, включая элементы

благоустройства, которые необходимы для цивилизованной, безопасной и удовлетворяющей основные потребности жизни. Кризис продемонстрировал, что страны с наиболее глобализированной экономикой, которые в большей степени ориентированы на глобальное разделение труда и, следовательно, больше всего зависят от симулякров и элементов избыточности для поддержания занятости в своей стране, являются наиболее уязвимыми в условиях глобального кризиса в области здравоохранения.

Основное направление экономической теории уделяет мало внимания таким вопросам структуры. В нем все потребительские расходы рассматриваются как побуждаемые одинаково обоснованными желаниями и, следовательно, являющиеся одинаково необходимыми; «существенные» потребности не отличаются от «избыточных». Бремя долгов в целом не принимается во внимание, и недостаточное внимание уделяется роли глобальных источников спроса на средства производства, в отличие от местных источников. Таким образом, для многих последователей основного направления экономической теории пандемия была шоком – как землетрясение или теракты 11 сентября – для экономики, обладающей исключительно внутренними основными характеристиками, и которую можно моделировать способом, в целом аналогичным тому, который используется в любой макроэкономике. С этой точки зрения, кризис Covid-19 препятствовал процессу стабильного развития и повышению благосостояния, который давно вошел в фазу «восстановления» после предыдущего сокрушительного удара во время финансового кризиса 2007-2009 годов. Это стало неожиданностью, что предполагает отсутствие существующей

ранее базовой проблемы. Следовательно, можно ожидать, что последствия будут напоминать процесс экономического восстановления прошлого периода.

Таким образом, согласно мнению последователей основного направления экономической теории, для того, чтобы экономика «снова начала двигаться», чтобы потребители снова начали тратить, использовать свой «отложенный спрос», необходимо вернуть им «уверенность», возможно, с помощью распределения долларов из государственного бюджета. В Соединенных Штатах Бюджетное управление Конгресса¹ недвусмысленно заявляет о том, что для восстановления, которое, как ожидается, начнется в ближайшее время, нужно полагаться на потребителя, а не на компании или правительство. Бюджетное управление Конгресса ожидает, что полного восстановления с течением времени можно добиться благодаря поддержке доходов, что приведет к увеличению потребления, и в конечном итоге – к увеличению производственных инвестиций. Мы можем назвать это мышлением в стиле «шок-стимул». Это похоже на то, как последователи основного направления экономической теории и левоцентристские политики размышляли о рецессии и восстановлении после снижения налогов Кеннеди и Джонсоном в начале 1960-х годов. За основу берется идея о том, что желания потребителей безграничны, что потребление домашних хозяйств ограничено в основном доходом, и что траектория роста экономики в целом является предсказуемой функцией населения и их доходов.

¹ Congressional Budget Office (2020). CBO's Current Projections of Output, Employment, and Interest Rates and a Preliminary Look at Federal Deficits for 2020 and 2021, Washington, April 24, 2020. URL: <https://www.cbo.gov/publication/56335> Accessed June 1, 2020.

Кризис в США, связанный с Covid-19

Согласно прогнозам Бюджетного управления Конгресса (2020 г.), ожидается, что реальный ВВП в Соединенных Штатах упадет на 12 процентных пунктов в квартале апрель-июнь 2020 года, или годовой показатель составит 40 процентов. Учитывая роль оценочной стоимости в расчете ВВП, составляющий около 15 процентов от общей суммы, это является сокращением фактических операций с денежными средствами примерно наполовину. Более того, большая часть остатка – это постоянные затраты, такие как аренда, коммунальные услуги и бюджетные расходы; если принять во внимание темпы спада во втором квартале, при их сохранении в течение всего года, экономическая активность частного сектора в стране практически была бы сведена к нулю. В настоящее время количество посещений действующих предприятий сократилось более чем наполовину. Спад, по всей видимости, был остановлен в третьем квартале за счет комбинации «стимулирования» и «повторного открытия», и, когда эти данные будут опубликованы, вероятен частичный возврат к прежней ситуации. Но, даже при реализации самых лучших сценариев, через год ВВП США останется значительно ниже уровня начала 2020 года, а показатель безработицы ожидается на уровне от десяти до двадцати миллионов человек.

В описанной выше модели «шок-стимул» содержится прогноз устойчивого восстановления после этого сокрушительного удара в течение четырех или пяти лет. Однако при этом не принимаются во внимание три отличительных признака экономики США, которые изменились за последние полвека по

мере превращения Соединенных Штатов в ведущую технологическую державу с полностью глобализированной экономикой. Это глобализация самой промышленности, рост предложения симулякров в основном в сфере услуг (относительное снижение в секторе потребительских товаров) в сфере потребления и занятости внутри страны, а также растущее бремя личной и корпоративной задолженности.

В 1960-х годах промышленная экономика США являлась сбалансированной. В США было налажено производство товаров, как для бизнеса, так и для домашних хозяйств, с применением технологий на всех уровнях, а финансовый сектор являлся относительно небольшим (и жестко регулируемым). Товары производились в основном для удовлетворения потребностей внутри страны, осуществлялся импорт в основном товаров широкого потребления, однако, также производилось большое количество собственных товаров широкого потребления. Этот баланс больше не сохраняется.

Соединенные Штаты и Великобритания сегодня являются основными примерами стран, построивших глобализированную экономику, сосредоточенную на таких сферах как финансы и отрасли с передовыми технологиями, например аэрокосмическая промышленность, вооружение, информационные технологии, энергетические услуги, высокотехнологичная фармацевтическая промышленность и т. д. Соответственно, они импортируют значительную часть своих обычных товаров широкого потребления, включая одежду, бытовую электронику, бытовую технику, автомобили и автомобильные запчасти, из Азии, а также из Германии и ближайших соседних стран в Европе, а если это Соединен-

ные Штаты, то из Мексики. Специализация – это характерная черта глобализации, а доминирующее положение сферы финансов и технологий также свидетельствует о высоких доходах и благосостоянии, однако, только в обществах, где реальный уровень жизни многих людей поддерживается за счет устойчивости национальных валют, позволяющей производить крупномасштабный импорт недорогих товаров народного потребления из развивающихся стран.

Во-вторых, с ростом доходов и появлением новых технологий изменилась структура расходов домашних хозяйств. В 1960-х годах американский потребитель (и, в меньшей степени, аналогичный потребитель в Великобритании) все еще расширял свой запас предметов домашнего обихода. Автомобили, телевизоры, кухонные приборы и стиральные машины являлись движущими силами спроса, поскольку все хотели приобрести то же самое, что покупают остальные. Обладание материальными ценностями хорошего качества и современного дизайна подчеркивало социальный статус; их отсутствие было отличительным признаком неуспешности. В наши дни низкая стоимость товаров длительного пользования, производимых в странах с гораздо более низкой заработной платой, снизила престижность таких покупок. Это высвободило доходы для потребления услуг, от ресторанов и баров до курортов и казино, салонов, тренажерных залов и услуг тренеров, кафе, массажистов и мастеров татуажа. Аналогичным образом, получение высшего образования и даже посещение магазинов следует рассматривать не только как вложение в «человеческий капитал» или (в случае посещения магазинов)

как рутинную работу, но отчасти как досуг и усилия по тому, чтобы добиться положения в обществе. Эти усилия являются симулякрами, видами деятельности, от которых зависит занятость и доход миллионов людей, начиная от профессоров колледжей и заканчивая кассирами в магазине самообслуживания. Проблема заключается в том, что, будучи в значительной степени симулякрами, эти виды деятельности также являются излишествами в том смысле, что от них можно отказаться без серьезного вреда для покупателя. Несомненно, люди получают наслаждение от развлечений в вечернее время, посещения магазинов, маникюра, массажа и татуировок, но эти предметы не являются реальными потребностями; это – предметы роскоши, приносящие удовольствие, и от них можно отказаться.

В-третьих, в 1960-х годах расходы американских домохозяйств определялись ростом заработной платы, а также растущим капиталом, вложенным в дома, поскольку инфляция приводила к росту стоимости домов относительно ипотечных кредитов с фиксированной ставкой. Ни первое, ни второе уже не применимо. Заработная плата в основном осталась на прежнем уровне, по крайней мере, если сравнивать с уровнем 2000 года, в то время как рост расходов обуславливается наличием долга, как личного, так и корпоративного; компании в основном были ориентированы на обратный выкуп акций, что привело к росту оценки стоимости акционерного капитала компании и, следовательно, покупательной способности домохозяйств с высокой чистой стоимостью активов. Кризис 2008 года нанес удар по стоимости жилья, являющейся основным источником покупательной способности среднего класса;

кредитование под залог жилья с тех пор, несомненно, уменьшило размер чистого капитала и повысило зависимость собственных средств среднего класса от снижения стоимости жилья. Между тем дефицит общественных благ, таких как парки, библиотеки, охрана, чистый воздух и питьевая вода, особенно в сообществах с низкими доходами, заставляет задуматься и усугубляет неравенство с точки зрения личных доходов.

Во время кризиса Covid-19 спрос на высокотехнологичные товары производственного назначения, рухнул. При сокращении объема авиаперевозок более чем на 90 процентов половина или более всего парка самолетов простаивает на земле. Спрос на новые самолеты будет небольшим, и основные производители, которые уже испытывают трудности, как например, корпорация Boeing, сокращают производство новых самолетов. Для многих других высокотехнологичных товаров, резкое сокращение спроса является повсеместно распространенным явлением, и с помощью государственной политики невозможно предпринять что-либо, кроме национализации производственных линий, чтобы остановить этот процесс. Тем не менее, существуют тенденции, обусловленные исключительно внутренней ситуацией. Бурение новых нефтяных скважин в Пермском бассейне остановлено, поскольку уже пробуренные нефтяные скважины являются нерентабельными при существующем уровне цен. Коммерческие помещения пустуют, торговые центры закрыты, поэтому нет необходимости строить новые.

Перед лицом нарастающей неопределенности сбережения домашних хозяйств возрастают, а расходы падают. Домохозяйства будут больше отклады-

вать, даже если правительство временно возместит им потерянные доходы. Люди очень хорошо знают, что меры стимулирования являются кратковременными. Они знают, что перспективы трудоустройства являются неясными. Они ожидают, что стоимость их домов снизится и оценка их кредитоспособности также снизится. Они сократят количество ненужных вещей, чтобы подготовиться к обеспечению вещей, которые им действительно необходимы. Учитывая сокращение количества ежедневных поездок на работу из пригорода и обратно, автомобили будут служить дольше, и сократится производство и продажа новых автомобилей. Даже в сфере здравоохранения, составляющей около 18 процентов (стандартного) ВВП США, спрос на услуги снижается, поскольку благодаря свободному времени и отсутствию обычных несчастных случаев здоровье неинфицированного населения улучшилось, и желание оплачивать медицинские услуги, например анализы и диагностику, даже среди тех, кто в них нуждается, сократилось. Некоторые виды деятельности, которые ранее стимулировали развитие экономики, такие как спортивные мероприятия, конгрессы, концерты и другие массовые мероприятия, были отменены, их все еще невозможно провести по причине эпидемиологической ситуации. Разрешается открывать рестораны, бары, клубы, салоны, розничные магазины и аналогичные предприятия, однако, с определенными ограничениями: пятьдесят процентов или менее от обычной вместимости. Авиакомпании функционируют, однако места в середине салона пустуют, а во многих случаях и остальные места тоже.

У людей, управляющих ресторанами и авиакомпаниями, возникли две проблемы. Во-первых, они

не могут покрыть расходы, поскольку их возможности ограничены в связи с эпидемиологической обстановкой; это предприятия с низкой рентабельностью, которые в обычное время выживают благодаря большому потоку людей. Однако вторая проблема более фундаментальная. Она заключается в том, что, опять же, очень немногие люди, по крайней мере, в Америке, нуждаются в этих услугах как условия, обеспечивающем достойный уровень жизни. Американцы среднего и высшего класса, которые несут в себе основной потенциал покупательной способности страны, могут при необходимости есть, пить, общаться и проводить отпуск дома. Соответственно, при таких обстоятельствах спрос упадет, даже если коронавирус исчезнет. Это объясняет, почему многие предприятия сферы обслуживания не открываются повторно, даже если это разрешено законом. Трагедия заключается в том, что без их открытия исчезнут также и миллионы рабочих мест. Анализ мер поддержки бизнеса в Соединенных Штатах, основанный на наблюдении за пешеходным движением, подтверждает результаты данного анализа. Он показывает, что на момент написания данной работы (сентябрь 2020 г.) интенсивность деятельности еще не восстановилась в должной мере, несмотря на очень большую долю компенсации утраченного дохода и время, прошедшее с начала паники, вызванной пандемией.

Наконец, несмотря на потерю доходов и рабочих мест, долги домохозяйств продолжали расти: арендная плата, ипотека, коммунальные услуги, проценты по ссудам на автомобили, образование и обычные расходы. Пока помогает контролирование побудительных мотивов: невыполнение де-

нежных обязательств и задержки выплат являлись незначительными, и многие домовладельцы приспособивались к ситуации. Однако, если люди живут в ситуации с длительными периодами получения низкого дохода, они будут продолжать копить средства, чтобы быть уверенными в том, что смогут погашать свои фиксированные долги. Ко всему этому можно добавить тяжелое положение правительств штатов и местных властей, которые зависят от налогов, взимаемые с продаж и доходов. Если возникнут перебои с их получением, последует ответная реакция в виде сокращения расходов и услуг, что усугубит ситуацию с потерей рабочих мест и доходов. Крупномасштабные меры воздействия Федеральной резервной системы, приостановка инвестиционных проектов и рост сбережений в совокупности объясняют подъем на фондовом рынке после первоначальной паники; и у компаний, и у состоятельных людей были средства, которые они могли вложить, отсутствовало желание тратить. И они также не были заинтересованы в том, чтобы держать их в банке под нулевой процент. Такое развитие событий, хотя и не утешительное для владельцев капитальных активов, не имеет серьезных последствий для восстановления экономики в целом.

Ни одно из вышеперечисленных последствий не является только лишь следствием некомпетентности управления при президенте Дональде Трампе. Это результат системных изменений в экономике США за 50 лет. США построили экономику, основанную на глобальном спросе на высокотехнологичные товары, на внутреннем потребительском спросе на излишества и на постоянно растущей задолженности домашних хозяйств и бизнеса. Этот процесс

не является краткосрочным, и его нельзя обратить вспять и решить ситуацию в течение нескольких месяцев или лет. Эта зависящая от рынка экономика во многих отношениях являлась процветающей и успешной; она была эффективной, она давала людям то, что они хотели, снизила безработицу, не вызывая инфляции, и у миллионов людей были рабочие места и доходы. Но это был картонный домик, и ветер коронавируса разрушил его.

Пандемия в Азии: ситуация с промежуточными производственными мощностями

Между тем, на другом конце света мы видим страны, экономика которых не рухнула под воздействием пандемии. Некоторые из них, например, Китай и Вьетнам, номинально являются социалистическими. Другие, такие как Корея и Тайвань, формально являются капиталистическими. Во всех этих странах было зафиксировано относительно низкое число погибших, с разной степенью народной мобилизации и ограничений, которые были необходимы для достижения этой цели. Во всех этих густонаселенных странах люди проявили солидарность и продемонстрировали большое желание выполнять свою работу. И все они пережили пандемию с управляемым уровнем экономического ущерба.

Если говорить только об экономике, совместно созданные ценности являются более важными, чем идеологические и исторические проблемы, которые их разделяют. Во всех четырех странах действует национальная экономика, основанная на производстве,

продукте согласованной стратегии промышленного развития, сохранилось большинство основных отраслей, производящих основные товары народного потребления. Они достигли этого благодаря сочетанию стабильных передовых промышленных компаний с долгосрочными перспективами и гарантированным финансированием по модели американских промышленных корпораций середины 1960-х годов, а также большого сектора малых предприятий, производящих низкотехнологичные потребительские товары, такие как одежда и бумажные изделия. Соответственно, у них не возникло внезапного дефицита медицинских товаров и защитного оборудования, когда глобальные цепочки поставок были нарушены, или же им удалось быстро покрыть возникший дефицит. Китайское производство защитных масок для лица выросло с 15 миллионов до примерно 110 миллионов в день за три недели в феврале, поскольку 3000 малых и средних предприятий переоборудовали свои производственные линии. Эти страны импортируют высокотехнологичные средства производства, а также товары потребительского спроса, однако они обладают потенциалом для удовлетворения основных потребностей своего населения перед лицом важных эпидемиологических проблем.

Кроме того, очевидно, что затраты сектора услуг в Азии не являются такими же высокими, как на Западе. Обязательства по аренде, выплате процентов и прибыли более гибкие, тогда как спрос со стороны населения не столь гибок. Небольшие азиатские фирмы, как правило, не зависят от коммерческих арендодателей; в Китае и Вьетнаме практически не зависят. Их банки работают, чтобы держать их на плаву даже в периоды с небольшой прибылью

или без нее; это считается необходимым для социальной стабильности. Более того, производимые товары и услуги не считаются «несущественными». Азиатские семьи живут в очень маленьких помещениях, и им нужно выходить на улицу; их кухни меньшего размера, и они не могут так легко отказаться от ресторанов, как на Западе. Их бремя задолженности относительно невелико, сбережения относительно значительны, а их стремление к сбережениям для покрытия постоянных затрат минимизировано за счет финансируемого государством здравоохранения и базового образования, а также за счет прочных семейных связей, которые обеспечивают поддержку при выходе на пенсию и в чрезвычайных ситуациях. Эти факторы объясняют экономическую устойчивость перед лицом потрясений, которые развалили экономику ведущих западных стран. И эта устойчивость позволила правительствам в Азии получить поддержку населения и быстро принять меры для того, чтобы взять вирус под контроль, чтобы относительно быстро вернуть жизнь в «нормальное русло».

Выводы

Изучение нономики относится к сфере институциональной экономики, которая рассматривает вопросы экономической структуры как фундаментальные. Так же обстоит дело и с тесно связанной системой концепций, которая называется биофизической экономикой, принципы которой взяты из законов термодинамики и изложены в трех работах Чен Жина и Гэлбрейта (Chen, Galbraith 2011, 2012a, 2012b). Биофизическая экономика основывается на том посту-

лате, что чем более продвинутой и эффективной является любая система – биологическая, механическая или социальная – тем выше фиксированные затраты и, следовательно, тем меньше запас прочности. Потенциальные последствия применения этого принципа в случае стрессовых ситуаций, вызванных уменьшением доступности ресурсов, ограничениями в связи с изменением климата или пандемией Covid-19, очевидны.

Напрашивается интересный вывод, на основании которого можно выработать общий принцип. Именно те страны, которые находятся на вершине иерархии глобализации, подвергаются наибольшему риску банкротства. И именно те, которые не находятся на вершине глобальной иерархии торговых отношений и не осуществили переход к наиболее продвинутым системам финансовых отношений, и предоставили кредиты домашним хозяйствам, оказались наиболее успешными в борьбе с коронавирусом, как в плане способности победить пандемию, так и в плане способности сохранить жизнеспособность своей экономики и стабильность своего социального строя. Становится ясно, что в отношении Соединенных Штатов этого добиться не удалось.

В кратком докладе невозможно описать весь спектр экономических структур, которые были вынуждены отреагировать на пандемию Covid-19. Я не предпринимал попыток описать варианты развития ситуации на европейском континенте или в России, или ситуацию в более бедных регионах мира, таких как Латинская Америка и Африка. Однако контрастные варианты в отношении США и Великобритании, с одной стороны и КНР, ДРВ, Республики Кореи и Тайваня, с другой стороны, достаточно

убедительно иллюстрируют роль, которую структура и финансы играют для экономических последствий коронавируса.

Можно сформулировать некоторые краткие выводы, поскольку они вытекают из структурного анализа, приведенного выше, и цели истинной ноономики. Во-первых, поскольку частные поставки глобальных товаров производственного назначения, ориентированных на потребности экономики перед пандемией, потерпели крах, весь сектор производства товаров производственного назначения в развитом обществе необходимо будет перестроить, чтобы соответствовать насущным интересам общества, прежде всего, в связи с изменением климата; чтобы создать и поддерживать устойчивую модель приемлемого существования для нашего населения, с учетом потребностей поддержания общественного здоровья, социальной стабильности и ценностей цивилизации. Во-вторых, обеспечение занятости и поддержание доходов должно быть реструктурировано в соответствии с моделями, которые являются жизнеспособными и устойчивыми в мире сниженного потребительского спроса на симулякры. Скорее всего, в основу новой модели должны быть положены совместные структуры контроля и приоритетность индивидуальных творческих достижений и художественных промыслов, наряду с государственной гарантией занятости, первоначально в достаточно широком масштабе. В-третьих, прежняя структура долговых обязательств стала нежизнеспособной, так что реструктуризация обязательств, финансового сектора и распределения благосостояния неизбежна.

Механизмы ноономики свидетельствуют о том, что, продвигаясь вперед, люди, которые разрабаты-

вают и осуществляют планирование экономической системы, должны найти баланс между новыми технологиями и требованиями стабильности, солидарности, справедливости и достижения общественных целей. Если этого не сделать, то лишь на какое-то время можно обеспечить прибыльность и даже процветание. Можно пройти идеологический тест на соответствие модели свободного рынка. Такая модель может стать образцом сокращения затрат и максимизации прибыли, неустанного поиска конкурентного превосходства. Но эффективность рынка и его хрупкость – это две стороны одной медали. Покупая одно, вы неизбежно приобретаете и другое, и со временем вы получите счет. Похоже, что кризис Covid-19 пришел к нам в виде коллектора.

Список литературы

- Бодрунов С.Д.* (2018). Ноономика. М: Культурная революция.
- Chen, J., Galbraith J. K.* (2011). Institutional Structures and Policies in an Environment of Increasingly Scarce and Expensive Resources: a Fixed Cost Perspective // *Journal of Economic Issues*, Volume XLV, Issue 2. Pp. 301-309.
- Chen, J., Galbraith J. K.* (2012a). A Common Framework for Evolutionary and Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*, Volume XLVI, Issue 2. Pp. 419-428.
- Chen, J., Galbraith J. K.* (2012b). Austerity and Fraud under Different Structures of Technology and Resource Abundance // *Cambridge Journal of Economics*, Volume 36, Issue 1. Pp. 335-343.
- Congressional Budget Office (2020). CBO's Current Projections of Output, Employment, and Interest Rates and a Preliminary Look at Federal Deficits for 2020 and 2021, Washington, April 24, 2020. URL: <https://www.cbo.gov/publication/56335> Accessed June 1, 2020.
- Galbraith, J. K.* (1958) *The Affluent Society*. Cambridge: Houghton Mifflin.
- Galbraith, J. K.* (1967). *The New Industrial State*. Cambridge: Houghton Mifflin.
- Galbraith, J. K.* (1989). *Balancing Acts: Technology, Finance and the American Future*. New York: Basic Books.
- Veblen, T.* (1899). *Theory of the Leisure Class*. New York: MacMillan.

Противоречия технологических и социально-экономических трансформаций: новая роль знаний в процессе движения к ноономике

Олег Смолин

Академик Российской академии образования, доктор философских наук, профессор (Россия)

XXI век стал периодом кризисов, которые потрясли мировую экономику и сказались на всех сферах общественных отношений. Охвативший большую часть мира экономический и финансовый кризис 2008–2009 гг. оказался не самой большой проблемой наступившего столетия, ибо зимой 2019–2020 гг. начались новые катаклизмы в мировой экономической и финансовой системе, которые усугубились пандемией, возникшей вследствие всеобщего распространения новой коронавирусной инфекции Covid-19.

В таких условиях стоящие перед человечеством глобальные проблемы перешли из пространства теоретических дискуссий в пространство практических вопросов, требующих немедленного решения на уровне отдельных стран и мирового сообщества в целом. Эти изменения сопряжены с новой технологической революцией в общественном производстве, о которой сегодня говорят не только ученые-теоретики, но и практики мирового бизнеса, ведущие политические лидеры ведущих стран мира.

Еще одним контекстом этих изменений стала трансформация геополитэкономических соотношений в мире, когда Китайская Народная Республика оказалась второй экономической сверхдержавой по объему ВВП в долларовом исчислении, а при пересчете ВВП по паритету покупательной способности – первой.

Принципиальные изменения происходят и в социальной стратификации общества: на месте традиционной классовой структуры капитализма формируется система, в которой вследствие прогресса новых технологий, увеличения творческого содержания труда, развития виртуального пространства жизнедеятельности и т.п. возникают новые общественные группы и слои. С одной стороны, происходит прекаризация работников (Тощенко, 2015, 2018), а с другой стороны, развивается креативный класс, причем эти процессы протекают в единстве, создавая вызовы для понимания типов общественных структур, в т.ч. страт, в новом обществе.

Всё это обуславливает необходимость дать теоретически обоснованный ответ на вопрос о том, перед лицом каких общественных перспектив стоит сегодня человечество, включая Россию.

Один из вариантов ответа на эти вопросы предлагают работы директора Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президента Вольного экономического общества России, доктора экономических наук, профессора Сергея Дмитриевича Бодрунова. На протяжении последних лет им опубликована целая серия книг и статей, посвященных продвижению человечества к качественно новому общественному состоянию, которое он назвал «ноономикой» (Бодрунов, 2016а, 2019а, 2019b, 2020с).

Употребляемый профессором С.Д. Бодруновым термин «ноономика» вызывает ассоциации, с одной стороны, с экономикой, основанной на знаниях, а с другой – с ноосферой, концепция которой, как известно, была разработана В.И. Вернадским. В действительности же речь идет о генезисе качественно новой общественной системы, которую автор характеризует не как особый вид экономики, а как пост-экономическое состояние общества.

Понять, в чем состоит сущность данной концепции, можно, обратившись к серии работ, написанных автором на протяжении последних десятилетий, включая недавно вышедшую книгу профессора С.Д. Бодрунова «Ноономика: траектория глобальной трансформации» (Бодрунов, 2020b, 2018). Последняя из этих работ представляет собой серию из восьми тесно взаимосвязанных очерков, каждый из которых профессор С.Д. Бодрунов назвал шагом к пониманию природы ноономики.

Исходный пункт развертывания теории ноономики – это понимание современного социума как системы, в которой определяющую роль по-прежнему играет общественное производство, однако это стремительно изменяющееся производство, характерное для нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), идущее как на смену новому индустриальному обществу, описанному Дж.К. Гэлбрейтом (Гэлбрейт, 1969, 1976), так и миражам постиндустриализма конца прошлого века.

В НИО.2 производство сохраняет своё значение, несмотря на то, что человек постепенно становится всё менее и менее включён в репродуктивный индустриальный труд (в старом понимании индустрии). Однако именно то, что производство стано-

вится качественно новым, «умным», «безлюдным», базирующимся на использовании НБИКС-технологий (Schummer, 2009; Ефременко, Гиряева, Евсеева, 2012), интернета вещей и т.п., – именно это и предопределяет в совокупности новое состояние социума, о котором говорит далее профессор С. Д. Бодрунов.

Отметим, что С.Д. Бодруновым позитивный анализ продвижения к НИО.2 сопрягается с критикой концепции постиндустриального общества, поскольку в работах Д. Белла (Белл, 2000; Bell, 1996) и других исследователей этой проблемы теория постиндустриализма фактически оказывалась апологией (или была использована в таком качестве) процесса, который привел к деиндустриализации, к приоритетному развитию посреднических видов деятельности и в особенности финансового сектора в США и некоторых других странах. Эта теория была использована для аргументации процессов финансиализации и господства финансового сектора¹, которые захлестнули современный мир, причём не только в экономике, но и в общественном секторе.

Завершает этот первый очерк характеристика знаний как решающего фактора производства в условиях генезиса нового индустриального общества второго поколения. Последнюю категорию профессор Бодрунов вводит как характеристику качественно нового состояния индустрии. Таким образом выстраивается своеобразная спираль отрицания отрицания: новое индустриальное общество первого поколения – критика теории постиндустриализма – воссоздание нового индустриального общества вто-

¹ Подробнее о проблемах финансиализации см., напр.: (Рязанов, 2016; Файн, 2019; Мавродес, 2019; Сифакис-Капитанакис, 2019).

рого поколения (НИО.2), где главную роль играют знания и развивается качественно новое, знаниеинтенсивное производство.

Вопрос о роли знаний в современном производстве профессор С.Д. Бодрунов рассматривает в единстве с процессом новой индустриализации, которая справедливо трактуется им как интеграция науки, образования и производства. При этом и для современной экономики, и для современного общества, и для прогресса человека объективной необходимостью становится образование для всех в течение всей жизни. Такая позиция вполне соответствует задачам, которые поставлены Организацией объединённых наций и ЮНЕСКО, а также позиции автора этих строк (Смолин, 1999, 2010, 2014, 2019) и др. ученых (Яковлева, 2020а, 2020b).

На базе этого анализа профессор Бодрунов характеризует следующий шаг в движении к ноономике как качественно новому состоянию социума. Таким шагом является переход в мир новых технологий. В этой связи автором рецензируемой книги даётся детальная характеристика современной технологической революции, в результате которой возникает шестой технологический уклад и постепенно развивается НБИКС-конвергенция технологий (нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных), прогрессируют гибридные и аддитивные технологии, во многом определяющие описанные выше процессы. Этот раздел книги написан профессором в диалоге с разработками академика С.Ю. Глазьева (Глазьев, 2012, 2015).

Продолжает логику теоретического продвижения к ноономике анализ природы знаниеинтенсивного производства. Именно здесь автором даёт-

ся характеристика процесса выхода человека «по ту сторону собственно материального производства» (С.Д. Бодрунов в этом случае прямо ссылается на предвидение К. Маркса), что, однако не вызывает исчезновения индустриального производства как такового, но приводит к развитию нового качества этого производства, в том числе «безлюдности» и «знаниеинтенсивности».

Такое производство, по мнению профессора С.Д. Бодрунова (и здесь мы полностью поддерживаем его разработки), должно быть, как мы отметили выше, интегрировано с наукой и образованием. Этому посвящён не только третий очерк рецензируемой книги, но и целая серия других статей ее автора (Бодрунов, 2014, 2015, 2016b), а также ряд конгрессов, проводившихся под эгидой Института нового индустриального развития, директором которого является С.Д. Бодрунов (Маслов, Яковлева, 2019).

Результатом этих технологических изменений, согласно Бодрунову, становится генезис НИО.2, что приводит к существенному изменению социально-экономических отношений.

Один из трендов таких изменений – социализация общественной жизни, которую С.Д. Бодрунов рассматривает как переход от зоологической, конкурентной парадигмы к обществу, основанному на сотрудничестве, кооперации и развитии личности (Бодрунов, 2020с). В этой связи позволю себе заметить следующее.

Во-первых, тенденция к социализации действительно существует в современном обществе, подобно тому, как элементы средневековой цивилизации (феодализма) зарождались в рамках классического рабовладения, а индустриальная цивилизация

(капитализм) – в рамках цивилизации средневековой. Сторонники традиционного марксизма, которые утверждали, что социализм не может зародиться в недрах капитализма, как теперь очевидно, ошибались. Более того, новая стадия развития капитализма, именуемая некоторыми исследователями социальным капитализмом и наступившая приблизительно в 50-х годах прошлого века, соединила рыночную экономику и социальное государство, т.е. некоторые элементы, традиционно считавшиеся социалистическими.

Во-вторых, при этом не прекращает действие тенденция классического капитализма к концентрации капитала. В последнее время почти одновременно опубликованы данные, согласно которым в период связанного с пандемией кризиса 2020 года миллиардеры в мире обогатились на 3,9 трлн. долларов (Миллиардеры..., 2021), и данные Международной организации труда (МОТ), по расчетам которой работники потеряли почти столько же – 3,7 трлн. долларов (Рабочие..., 2021).

Подтверждением тому может служить и тот факт, что в указанный выше период продажи в сегментах дешевых товаров и товаров среднего уровня цен во всём мире упали, а в сегменте супердорогих товаров продолжали расти. Другими словами, богатые могли позволить себе увеличить потребление, тогда как скудное потребление бедных ещё более сократилось.

В-третьих, приведенные факты показывают, что границы социализации даже на современной стадии развития социального государства являются достаточно узкими, а тенденция к социализации (по крайней мере в среднесрочной перспективе) вряд ли станет ведущей.

Еще один тренд изменений в социально-экономических отношениях, обусловленных технологическим прогрессом, акцентируемый С.Д. Бодруновым, – это диффузия собственности и постепенный переход человека в сферу, где главные социальные взаимодействия складываются не по поводу решения экономических (в узком смысле слова) задач, а по поводу формирования креативного потенциала человека и развития человека культурного. Впрочем, к этой теме мы вернёмся позже.

В данном же случае следует подчеркнуть, что, характеризуя новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2), С.Д. Бодрунов показывает, как изменяется содержание труда, развивается его творческая компонента. В свою очередь, это становится основой постепенного отказа от симулятивных потребностей и формирования потребностей нового типа.

Этот аспект работы следует подчеркнуть особо, поскольку, на наш взгляд, анализ современного общества потребления как социума, создающего предпосылки для развития симулятивных потребностей, которые удовлетворяются при помощи симулякров. Это важная тема, которую справедливо развивает профессор С.Д. Бодрунов, опираясь на исследования Ж. Бодрийяра (Бодрийяр, 2007), а также на последующие разработки профессоров А.В. Бузгалина и А.И. Колганова (Бузгалин, Колганов, 2012), которые немало писали о товарах-симулякрах в различных публикациях.

Движение к ноономике, как обоснованно показывает С. Д. Бодрунов, связано с глубокими противоречиями, приводящими к возникновению развилки, перед которой в настоящее время оказалось человечество (впрочем, не в первый раз). Дело в том,

что прогресс технологий может вызвать не только движение по направлению к новому индустриальному обществу второго поколения – ноономике, но и формирование новых угроз, которые связаны с давлением на окружающую среду, неравенством и геополитэкономическими конфликтами.

Эту развилку автор теории ноономики во многом характеризует в контексте противоречия между прогрессом технологий и сохраняющимися в настоящее время социальными отношениями, где определяющую роль играют крупные корпоративные структуры и бюрократические институты. Эти социальные отношения и институты, вступающие в противоречие с потенциалом, который создается технологиями, автор книги характеризует, во многом пересекаясь с традиционными марксистскими представлениями о противоречии производительных сил и производственных отношений (Бузгалин, 2018), в том числе в их интерпретации применительно к условиям XXI века.

Вообще-то философы давно установили противоречие между научно-технологическим и социальным прогрессом: первый в индустриальном обществе развивается стремительно, по экспоненте; второй – гораздо медленнее; и «ножницы» между ними все время увеличиваются. Отсюда и так называемый парадокс Ферми, сформулированный знаменитым физиком: по его мнению, мы не можем найти в космосе «братьев по разуму», поскольку в результате таких «ножниц» технические цивилизации, достигнув определенного уровня, самоуничтожаются.

В этом смысле современное человечество в чём-то подобно пассажирам «Титаника»: оно пьет и танцует, смотрит телевизор и играет в компью-

терные игры тогда, когда давно пора менять курс корабля. Общеизвестно: полвека назад на сложных математических моделях специалисты Римского клуба обосновали для человечества альтернативу. По их мнению, глобальная катастрофа угрожает нам уже в третьей четверти XXI века, и если мы хотим ее избежать, необходимо научиться управлять технологическим прогрессом и обеспечить развитие общества в направлении большего социального равенства (Медоуз, Рандерс, Медоуз, 2007).

Интересно, что за пару лет до Римского клуба ту же самую альтернативу в художественной форме описал известный советский фантаст и палеонтолог Иван Ефремов в знаменитом романе «Час быка». В романе представлено далекое будущее, когда на Земле после мучительной борьбы побеждает коммунизм, а земляне приходят на помощь народу планеты Торманс, где после глобальной катастрофы население уменьшается в 10 раз, устанавливается диктатура, а во избежание нового перенаселения созданы «дворцы нежной смерти» для большинства достигших совершеннолетия, за исключением, разумеется, избранных.

Разделяя обеспокоенность профессора Бодрунова нарастающими рисками, позволю себе напомнить: новая волна технологической революции и, в частности, массовое внедрение роботов, уже через несколько десятилетий позволит вывести человека из большинства отраслей материального производства и обеспечить каждому так называемый «базовый доход». Однако без изменения социальной системы это приведёт, скорее, к моделям, описанным Куртом Воннегутом в «Утопии 14» или Олдосом Хаксли в романе «О, дивный новый мир». Так что в данном случае ос-

новой для оптимизма может выступать крайне пессимистический альтернативный сценарий развития. Книга С.Д. Бодрунова в очередной раз обращает на это внимание научной и политической элиты.

Стоит отметить: в статьях, посвящённых анализу пандемии и вышедших одновременно с книгой, профессор С. Д. Бодрунов подчеркнул, что пандемия стала не причиной, но всего лишь триггером того системного кризиса, который назревал уже долгое время (Бодрунов, 2020с). Соответственно, очерк завершается констатацией того, что рост рисков неизбежен в рамках существующего экономического строя.

Как мы уже отметили выше, генезис ноономики профессор С.Д. Бодрунов связывает с развитием нового индустриального производства второго поколения, где главным становится создание и использование знаний и обусловленная этим двойная роль последних в формировании-удовлетворении потребностей. Эта роль состоит в том, что знание выступает не только способом создания новых благ, но и условием потребления этих благ.

Этот аспект заслуживает особого внимания, поскольку именно в сфере образования человек включается в активную деятельность. Подчеркнём – именно в деятельность, а не потребление в привычном смысле этого слова. Благодаря этому человек и оказывается способен к распредмечиванию, причём не только информации, но и культурных благ в целом. Аналогичной позицией много лет руководствуется автор этой рецензии, критикуя т.н. теорию образовательных услуг и доказывая педагогам, что они работники не сферы обслуживания, но сферы производства, причем самой важной – сферы воспроизводства самого человека (Смолин, 2020).

В этой связи видится совершенно обоснованным развиваемый профессором С.Д. Бодруновым вывод о том, что культура становится хозяйственным императивом. В рамках концепции автора книги главным результатом прогресса производства на пути к ноономике становится именно «человек культурный» как продукт воспроизводства, и именно в этом процессе происходит возвышение личности. Данный тезис продолжает традиции отечественной философской и психологической мысли, в частности – традиции разработок таких советских марксистов, как Р.И. Косолапов (С чего..., 1984), Э.В. Ильенков (Ильенков, 2010), а также целого ряда современных ученых (Бузгалин, 2018; Булавка-Бузгалина, 2018). Этим же вопросам посвящены работы и автора этой рецензии (Смолин, 2017а, 2017б).

Согласно профессору Бодрунову, на этой базе происходит переход от экономической рациональности к разумному формированию потребностей – важный сдвиг в прогрессивном развитии человечества. И с этим мы не можем не согласиться.

Одним из важнейших является вывод С.Д. Бодрунова о переходе к ноономике как снятию отношений, характерных для экономической системы в целом. Этот тезис профессора С. Д. Бодрунова является новаторским, хотя базируется на марксистских разработках, ибо ещё Маркс и Энгельс утверждали, что будущее предполагает скачок человечества из «царства необходимости» в «царство свободы»². О будущем обществе как постэкономическом писали и представители крити-

² Подробнее о скачке из «царства необходимости» в «царство свободы» см.: (Энгельс, 1961, с. 294-295; Маркс, 1962, с. 386-387).

ческого марксизма XX века (В.М. Межуев, А.В. Бузгалин), и сторонники неолиберальных идей (Д. Белл, В.Л. Инноземцев), однако у С.Д. Бодрунова этот тезис получил оригинальную интерпретацию и аргументацию. В условиях генезиса ноономики происходит отказ от узко понятой экономической рациональности и возникает неэкономический способ регулирования хозяйственной деятельности. При этом человечество вступает в новые социальные отношения, базирующиеся на автономно функционирующей техносфере, и формирует новый тип человека. Это будущее С.Д. Бодрунов рисует не в деталях (что совершенно справедливо), но лишь как некоторую тенденцию, объективно формирующуюся вследствие прогресса технологий. При этом он вновь и вновь подчёркивает, что противоречия на пути движения к новому обществу глубоки, а победа именно этой траектории отнюдь не задана.

Безусловно, любая новая концепция, прогнозирующая будущее на основе современных тенденций, не может не содержать большого спектра положений, которые вызывают сомнения и требуют специального анализа. Более того, на мой взгляд, прогнозирование будущего по самой своей природе имеет преимущественно сценарный характер. В этой связи отметим лишь две проблемы.

Во-первых, исследуя современные тенденции движения к обществу будущего, С.Д. Бодрунов, на наш взгляд, акцентирует исключительно необходимость постепенного эволюционного движения к этому новому состоянию и не рассматривает возможности революционных изменений.

Однако эмоционально вполне разделяя позицию профессора Бодрунова по поводу предпоч-

тельности эволюционного развития перед революционными потрясениями, нельзя не заметить, что такая позиция вряд ли реалистична. Философы разных веков и направлений давно показали, а современная наука на математических моделях подтвердила, что столь сложные системы, как социум, вряд ли могут развиваться исключительно путём накопления количественных или постепенных качественных (эволюционных) изменений. Напротив, мыслители, которые пропагандировали безальтернативность плавного хода истории или достижение совершенного общества, каждый раз опровергались практикой. Едва ли не последняя попытка в этом роде – идея конца истории Фрэнсиса Фукуямы, который на рубеже 80-90-х годов прошлого века прославился книгами и статьями на эту тему. Он, в частности, утверждал, что история закончилась торжеством либеральной цивилизации и в дальнейшем все страны будут двигаться в этом направлении, благодаря чему новый мир станет сытым, богатым, но довольно скучным.

Выступая в публичной дискуссии со знаменитым философом в июне 2007 года в американском посольстве, автор этой рецензии позволил себе заметить, что работы Фукуямы установили сразу три рекорда:

- рекорд смелости – поскольку после Гегеля ни один из крупных мыслителей не отважился говорить о конце истории;
- рекорд оптимизма. Согласно Фукуяме, будущее человечество станет изнывать от ничегонеделания и избытка выбора товаров, но при этом жизнь окажется до такой степени скучной, что появится соблазн вернуться в историю;

- рекорд скорости провала – даже те, кто на рубеже 1990-х, несмотря на геополитическую катастрофу Советского Союза, продолжал верить Фукуяме, перестали это делать после 1 сентября 2001 года, когда обнаружилась т.н. война цивилизаций.

Очевидно: в последние годы серьезные политические потрясения испытали даже такие идеализируемые отечественными либералами общественные модели, как французская или американская.

Возвращаясь к Ивану Ефремову, замечу: в его концепции будущего новое, более справедливое общество устанавливается после целой эпохи тяжелых потрясений, революций и войн, в т.ч. с попытками применения ядерного оружия. Очень хотелось бы, чтобы Ефремов ошибся, но исключать такой сценарий никак невозможно.

Во-вторых, в книге профессора С.Д. Бодрунова, на наш взгляд, недостаточно полно рассматривается вопрос о тех социальных слоях, которые могут выступить в качестве как главных акторов, так и противников на пути движения к ноономике. Среди таких противников вполне могут оказаться:

- представители государственной бюрократии и властвующих элит, которые получают немалые экономические, социальные и политические преимущества от сохранения существующей системы;
- слои общества, которые в современных условиях традиционно связаны с классическим индустриальным производством, репродуктивным по своему содержанию трудом, и которые в условиях трансформации технологий могут оказаться в положе-

нии отверженных, так сказать, «по ту сторону» новой общественной жизни.

Заметим: переход от современного состояния к позитивно оцениваемому С.Д. Бодруновым статусу прекариев и фрилансеров находится в противоречии с анализом этих вопросов в работах целого ряда социологов, как зарубежных, так и отечественных. В частности, Ж.Т. Тощенко показывает глубокие противоречия и негативные последствия прекаризации.

На наш взгляд, анализ иных возможных сценариев, противоречий и препятствий на пути движения к ноономике мог бы стать важным дополнением к тем разработкам, которые содержит концепция профессора С.Д. Бодрунова. Впрочем, эти соображения указывают не столько на недостатки анализируемых нами идей, сколько на различия наших научных школ и научных парадигм, полемика между которыми необходима и полезна.

Полагаю, найдется аргументация и у сторонников праволиберальных и правоконсервативных теорий, которые найдут в разработках С.Д. Бодрунова немало того, с чем они не смогут согласиться. Весьма вероятно, что жесткую критику с их стороны вызовет в полной мере разделяемая мною характеристика профессором С.Д. Бодруновым будущего как системы, в которой «диффундируют» (термин С.Д. Бодрунова) отношения собственности и где утрачивает свою доминирующую роль финансовый капитал.

Но тем интереснее концепция ноономики С.Д. Бодрунова, провоцирующая научную полемику и раскрывающая горизонты возможного будущего. Причём такого будущего, в котором, на наш взгляд,

совершенно справедливо указывается общая траектория движения к системе, где будут сняты противоречия социального отчуждения. Если, конечно, человечество сумеет предотвратить грозящую ему при пролонгации современных тенденций глобальную катастрофу.

Список литературы

- Белл Д. (2000) Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia.
- Бодрийяр Ж. (2007) К критике политической экономии знака. М.: Академический проект.
- Бодрунов С.Д. (2014) Возрождение производства, науки и образования: проблемы и решения // Проблемы современной экономики, № 4.
- Бодрунов С.Д. (2020а) Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики // Экономическое возрождение России, № 1.
- Бодрунов С.Д. (2016а) Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: НИО.2. 2е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте.
- Бодрунов С.Д. (2015) Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации России // Мировая экономика и международные отношения, № 10.
- Бодрунов С.Д. (2019а) Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России, № 4.
- Бодрунов С.Д. (2020с) Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: Культурная революция.
- Бодрунов С.Д. (2016б) Россия в евразийском пространстве: производство, наука и образование – драйверы прогресса // Экономическая наука современной России, № 2.
- Бодрунов С.Д. (2020б) На пути к ноономике: человек, технологии, общества // «Мир перемен», № 2.
- Бодрунов С.Д. (2019б) Общая теория ноономики. М.: Культурная революция.
- Бодрунов С.Д. (2018) От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // «Вопросы философии», №7.
- Бузгалин А.В. (2018) Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии, № 2.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2012) «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии, №11.
- Булавка-Бузгалина Л.А. (2018) Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии, № 6.
- Глазьев С.Ю. (2015) О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 196.
- Глазьев С.Ю. (2012) Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России, № 2.
- Гэлбрейт Дж.К. (1969) Новое индустриальное общество. М.: Прогресс.
- Гэлбрейт Дж.К. (1976) Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс.
- Ефременко Д.В., Гиравея В.Н., Евсеева Я.В. (2012) NBIC-конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания // Эпистемология и философия науки, т. XXXIV, № 4.

- Ильенков Э.В. (2010) *Философия и культура*. М.: МПСИ.
- Мавродес С. (2019) Гипотеза финансиализации в марксизме: шаг вперед или ложный путь? // *Вопросы политической экономики*, № 1.
- Маркс К. (1962) *Капитал*. Т. III. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 26, ч. II. М.: Госполитиздат.
- Маслов Г.А., Яковлева Н.Г. (2019) Производство. Наука. Образование в России: технологические революции и социально-экономические трансформации // *Экономическое возрождение России*, № 1.
- Медоуз Дон., Рандерс Й., Медоуз Д. (2007) *Пределы роста. 30 лет спустя*. Пер. с англ. М.: ИКЦ «Академкнига».
- Миллиардеры стали богаче на 3,9 трлн долларов, данные благотворительной организации Oxfam. URL: <https://www.deccanherald.com/international/billionaires-39-trillion-richer-as-poor-suffer-in-widening-covid-19-divide-oxfam-943036.html>
- Рабочие потеряли 3,7 триллиона долларов прибыли во время пандемии. URL: <https://www.businessinsider.com/workers-lost-37-trillion-in-earnings-during-the-pandemic-2021-1>
- Рязанов В.Т. (2016) Циклические и системные причины кризиса в России: роль социализации финансов в их преодолении // *Вопросы политической экономики*, № 2.
- С чего начинается личность (1984) / Под общ. Ред. Р.И. Косолапова. М.: Политиздат.
- Сифакис-Капитанакис К. (2019) Новые акторы глобальных финансов и финансиализация капитализма // *Вопросы политической экономики*, № 1.
- Смолин О.Н. (2017а) «Кудриномика минус»? или еще раз о новой модели социально-экономического развития России. Часть I // *Философские науки*, № 2.
- Смолин О.Н. (1999) *Знание - свобода. Российская государственная образовательная политика и федеральное законодательство 90-х годов. Систематизированный сборник*. М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС».
- Смолин О.Н. (2017b) Мир – из «хаоса» или мир – без «хаоса»? В поисках новой модели социально-экономического развития России // *Труды Вольного экономического общества России*. Том 203. М.: ВЭО.
- Смолин О.Н. (2014) *Образование – для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИКЦ «Академкнига».
- Смолин О.Н. (2010) *Образование. политика. закон: Федеральное законодательство как фактор образовательной политики в современной России*. М.: Культурная революция.
- Смолин О.Н. (2020) Услуга или служение? О некоторых философско-экономических основах образовательной политики // *Народное образование*, № 1.
- Смолин О.Н. (2019) Экономический рост и образовательная политика: технологии и идеология // *Экономическое возрождение России*, № 1.
- Тощенко Ж.Т. (2015) Прекариат – новый социальный класс // *Социологические исследования*, № 6.
- Тощенко Ж.Т. (2018) *Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография* / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука.
- Файн Б. (2019) Финансиализация: марксистский взгляд // *Вопросы политической экономики*, № 1.

Энгельс Ф. (1961) Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2 е. Т. 20. М.: Госполитиздат.

Яковлева Н.Г. (2020а) Роль образования в прогрессе человека и общества // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, № 5.

Яковлева Н.Г. (2020б) Технологические и социально-экономические трансформации начала XXI века: роль и место образования // Экономическое возрождение России, № 2.

Bell D. (1996) The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., Harper/Collins.

Schummer J. (2009) From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: "The best way to predict the future is to create it" // Governing Future Technologies. — Springer Netherlands.

Интеллектуальная экономика как форма ноономики и ее социально-экономические последствия

Энфу Чен

Директор Исследовательского центра экономического и социального развития при Китайской Академии общественных наук, ведущий профессор Университета Китайской Академии общественных наук, президент Всемирной ассоциации политической экономики (Китай)

Сиян Гао

Доцент факультета марксизма Ляонинского университета (Китай)

1. Концепция интеллектуальной экономики

Интеллектуальная экономика – это экономическая форма, которая, будучи основанной на концепции цифровой экономики, использует интеллектуально воспринимаемую информацию и оцифрованные знания в качестве ключевых факторов производства, а новое поколение интеллектуальных технологий – как движущую силу (Ху, 2020). В Китае концепция интеллектуальной экономики широко обсуждается учеными, отмечена «Планом развития искусственного интеллекта нового поколения» (далее – «План»), опубликованным Государственным советом в июле 2017 года. В Плане была указана цель развития высокотехнологичной и высококачественной интеллектуальной экономики в стране.

1.1. Определение интеллектуальной экономики

Говоря языком электронных аспектов экономической деятельности, в научных кругах объяснение интеллектуальной экономики сводится к нескольким тезисам. Во-первых, интеллектуальная экономика – это экономическая деятельность, основанная на технологиях искусственного интеллекта (ИИ). Он выступает в качестве стратегической силы, которая управляет данным этапом научно-технической революции и промышленной трансформации. В последние годы охват и масштаб области искусственного интеллекта расширился в связи с появлением нового поколения технологий ИИ – систем восприятия графической информации, глубоких нейронных сетей, машинного обучения и автоматического обучения. По мере расширения данной области становились все более заметны ее стремительность и преобразующий эффект по сравнению с традиционными видами экономической деятельности.

Во-вторых, интеллектуальная экономика – это режим экономики, при котором ИИ-технологии интегрируются в реальную экономику. В «Трехлетнем плане действий по содействию развитию индустрии искусственного интеллекта нового поколения (2018–2020)», опубликованном Министерством промышленности и информатизации КНР в 2017 году, указывалось, что Китай должен «содействовать развитию области ИИ, повышению уровня искусственного интеллекта в производстве и глубокой интеграции искусственного интеллекта

в реальную экономику».¹ В 2019 году Центральная комиссия по всестороннему углублению реформ приняла «Руководящие принципы по содействию глубокой интеграции искусственного интеллекта в реальную экономику», подтвердив необходимость содействия глубокой интеграции искусственного интеллекта в реальную экономику. В 2020 году искусственный интеллект снова вошел в число областей, приоритетных для научно-технических исследований и разработки национальных стратегических технологий, согласно «Рекомендациям ЦК КПК относительно 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития и перспективных целей на 2035 год». В связи с этим интеллектуально-ориентированные разработки в сфере промышленности, инфраструктуры, государственной службы и общественного управления указаны в качестве конкретных задач для развития. Можно заметить, что развитие интеллектуальной экономики зависит от интеграции технологий искусственного интеллекта в реальную экономику для повышения уровня реальной экономики и материалоотдачи.

В-третьих, интеллектуальная экономика должна быть режимом экономики, в основе которого лежат данные, человеко-машинное взаимодействие, межотраслевая интеграция, совместные разработки и совместное использование. Китай – социалистическая страна, а потому развитие интеллектуальной экономики здесь должно иметь четкие особенности.

¹ Ministry of Industry and Information Technology, December 14, 2017: “Notification of the Ministry of Industry and Information Technology for the Release of the “Three-Year Action Plan for Promoting the Development of the New Generation of AI Industry (2018-2020).” URL: https://www.miit.gov.cn/zwgk/zcwj/wjfb/zh/art/2020/art_de90191568e94fb0b358864d-30c67ae9.html.

В Плане 2017 года подчеркивались вышеперечисленные четыре основных фактора, необходимых для развития высокотехнологичной и высококачественной интеллектуальной экономики, которые отличают развитие интеллектуальной экономики в Китае от ее развития в других странах.²

В-четвертых, интеллектуальную экономику можно разделить на две части: промышленный интеллект и интеллектуальное производство. Положительное взаимодействие между ними способствует развитию интеллектуальной экономики. Промышленный интеллект является основной составляющей интеллектуальной экономики, а именно, области ИИ, которая включает в себя такие промышленные секторы как «интернет, большие данные, облачные вычисления, граничные вычисления и базовые технологии развитого искусственного интеллекта» (Liu, Du, 2020). Под интеллектуальным производством понимается внедрение технологий ИИ, ведущих к увеличению производительности и эффективности в той или иной отрасли, включая традиционные отрасли. Вот что входит в интеллектуальную экономику. Промышленный интеллект стимулирует развитие интеллектуального производства, а интеллектуальное производство, в свою очередь, предоставляет необходимое пространство и данные для развития промышленного интеллекта. Все это приведет к глубокой интеграции технологий искусственного интеллекта в реальную экономику.

² The State Council of People's Republic of China, July 8, 2017: "Notification of the State Council for the Release of the Plan for a New Generation of Intelligent Development." URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm.

Подводя итог, отметим, что интеллектуальная экономика является новым режимом экономики, основанным на технологиях искусственного интеллекта нового поколения. Она интегрируется в реальную экономику с помощью технологии ИИ, главным образом представляет собой «систему человеко-машинного взаимодействия, межотраслевой интеграции, совместных разработок и использования на основе данных» и следует по пути положительного взаимодействия между промышленным интеллектом и интеллектуальной промышленностью для своей реализации.

1.2. Основные особенности интеллектуальной экономики

Интеллектуальная экономика изменила традиционный подход к труду, торговле, управлению и потреблению. Будучи совершенно новым экономическим режимом, она обладает несколькими основными особенностями в том, что касается факторов производства, его организации и метода работы.

Во-первых, данные являются ключевым элементом в производстве интеллектуальной экономики. Основу общественного производства составляют труд, земля, капитал и технологии, но в эпоху интеллектуальной экономики данные стали «новой нефтью», стимулирующей развитие экономики. Движущая роль данных в производственном процессе интеллектуальной экономики воплощается в двух аспектах – в объекте труда и в средствах труда. С точки зрения объекта труда данные являются «сырьем» в производстве интеллектуальной экономики

и могут перерабатываться в различные информационные продукты или услуги разного назначения. С точки зрения средств труда данные являются «топливом» для технологий искусственного интеллекта и могут подтолкнуть итеративное развитие технологий ИИ.

Во-вторых, новое поколение технологий ИИ может массово применяться в различных областях промышленности. В последние годы удалось добиться масштабной интеграции нового поколения технологий ИИ, таких как машинное обучение и глубокое обучение, в различные отрасли национальной экономики на основе интернет-платформы и сети мобильной связи. Такая интеграция не только ускоряет процесс производства, обращения и потребления товаров, но и приводит к технологической модернизации традиционных отраслей промышленности и инновациям в интеллектуальном производстве.

В-третьих, организация и функционирование интеллектуальной экономики осуществляются в основном через цифровую платформу. Цифровая платформа – это «всеобщая цифровая инфраструктура для сбора, обработки и передачи информации об экономической деятельности, такой как производство, распределение, обмен и потребление» (Xie, Wu, Wang, 2019). Это пространство для цифровой экономической деятельности, сформированное при поддержке искусственного интеллекта и сетевых коммуникационных технологий. В интеллектуальной экономике цифровые платформы объединяют разрозненные и взаимозависимые группы, формируя двухточечные связи. Таким образом, в эпоху интеллектуальной экономики платформа выступает в качестве основной экономической структуры, которая

координирует и распределяет ресурсы, а также в качестве ядра создания стоимости и конвергенции.

В-четвертых, интеллектуальные технологии будут интегрироваться в традиционные отрасли промышленности. Новое поколение технологий ИИ распространяется на реальную промышленность через интернет и терминальное оборудование с такими технологиями, обеспечивая тем самым интеллектуальную трансформацию и технологическую модернизацию реальной промышленности. Главным образом это отражается во вторжении гигантских корпораций интернет-индустрии в реальную экономику: они освоили основные технологии ИИ, особенно корпорации-единороги мировой индустрии информационных технологий, которые, монополизировав данные и платформы, контролируют различные области в реальной экономике. При этом традиционные отрасли производства и сферы услуг также используют технологии ИИ для расширения традиционных сфер деятельности и перехода к интеллектуальным сетям, тем самым добиваясь модернизации как в своем бизнесе, так и в области НИОКР.

В-пятых, интеллектуальную экономику отличает экономия на масштабе и экономия на охвате, она «знаменита тем, что «победитель получает все» (Zhang, 2020). С массовым развертыванием сетей 5G и созданием информационной инфраструктуры смежные отрасли будущей интеллектуальной экономики еще больше выйдут за рамки физических ограничений на производство и оборот товаров, интеллектуальные технологии будут массово интегрированы в современное сельское хозяйство, производство и сферу услуг, и эффект такого масшта-

ба станет очевидным. В то же время из-за высоких постоянных затрат наряду с низкими предельными издержками в условиях интеллектуально оснащенного производства масштаб интеллектуальной экономики увеличивается, как и объем производства, а себестоимость единицы продукции значительно снижается. Эффект масштаба интеллектуальной экономики ведет к появлению крупных предприятий, в то время как эффект охвата приводит к появлению множества разных компаний и продуктов в определенных отраслях, которые удовлетворяют различные потребности, тем самым формируя ситуацию «победитель получает все».

2. Полемика об интеллектуальной экономике и ее социально-экономических последствиях в западных академических кругах

Поскольку интеллектуальная экономика все еще находится в процессе стремительного развития, «демонстрация ее сущности далека от завершения» (Sun, 2020). Неудивительно, что некоторые западные ученые пользуются этой возможностью, чтобы участвовать в бурной полемике, развернувшейся вокруг интеллектуальной экономики и ее социально-экономических последствий: например, существует ли эксплуатация нематериального труда в интеллектуальной экономике в условиях частной собственности, как реализуется стоимость и исчезает ли пролетариат. Изучение этих вопросов имеет большую академическую ценность и практическое значение.

2.1. Вопрос об эксплуатации нематериального труда, который является движущей силой интеллектуальной экономики

Понятие «нематериальный труд» было предложено Негри и Хартом для обозначения интеллектуального, эмоционального, реляционного и лингвистического труда (Negri, 2016, p. 4). В это понятие входит как интеллектуальная работа, которая непосредственно управляет технологиями ИИ, например, интеллектуальный труд инженеров, кодирование, которым занимаются программисты, и обслуживание программ сетевыми техниками, так и эмоциональный, реляционный и лингвистический труд пользователей, которые косвенно управляют развитием экономики искусственного интеллекта посредством производства данных. Наличие эксплуатации в последнем случае является предметом дискуссий среди ученых.

Ученые-сторонники отсутствия эксплуатации утверждают, что, во-первых, пользователи подписывают с компаниями интеллектуального производства соглашение о передаче полномочий, прежде чем приступить к выполнению эмоциональных, реляционных и лингвистических задач. На основании такого соглашения пользователи предоставляют данные о нематериальном труде в обмен на услуги компании, а между пользователями и компанией существуют свободные и равные отношения обмена, следовательно, эксплуатации нет. Кроме того, эмоциональный, реляционный и лингвистический труд реализуется в основном в непроизводственных областях, например, в процессе общения и игры, и полученные таким образом данные не являются продуктом труда для обмена, поэтому эксплуатации нет.

Эти аргументы подвергались резкой критике со стороны Фукса, Негри и Харта. Фукс и Негри считают, что нематериальный труд подразумевает более масштабную и более скрытую по своей форме эксплуатацию. Во-первых, подписывая соглашение об обслуживании, пользователи обмениваются эмоциональной, реляционной и лингвистической информацией для получения доступа к интеллектуальной платформе. Контроль и право собственности на полученные данные принадлежит капиталу. Значит, даже если источником данных является труд пользователей, при распределении основанных на данных доходов в соответствии с капиталистическим пониманием собственности на средства производства большую часть получают капиталисты, в то время как трудящиеся не получают ничего, отсюда и наличие эксплуатации. Во-вторых, поскольку эмоциональный, реляционный и лингвистический труд в непроизводственных областях, таких как социальное взаимодействие и игры, генерирует труд и его потребительскую стоимость, то есть «человека, который производится и воспроизводится как товар» (Fortunati, 1995, pp. 69–70), он должен относиться к категории «производительного труда» (Fuchs, 2020). В этом случае трудящиеся производят не только самих себя: произведенные ими данные собираются, структурируются и преобразуются в продукты больших данных, а те, в свою очередь, используются капиталистическими интеллектуальными компаниями для получения прибыли. Так формируется логика эксплуатации нематериального труда. В-третьих, Негри и Харт отмечают, что всеобщее развитие современных информационных технологий и искусственного интеллекта сделало возмож-

ным «универсальное интеллектуальное общество» (Sun, 2013), о котором Маркс говорил в своих экономических рукописях 1857–1858 гг. В таком обществе технологии искусственного интеллекта, за которыми стоит капитал, «придают новое значение нашим телам и умам» (Zhang, 2017). Это означает, что труд трансформируется на онтологическом уровне: «Нематериальный труд (интеллектуальный труд, эмоциональный труд, реляционный труд и лингвистический труд) становится центральным элементом создания стоимости... Здесь эксплуатируется сама жизнь» (Negri, 2016, p. 4).

2.2. Вопрос о влиянии интеллектуальной экономики на закон стоимости

В капиталистических обществах интеллектуальная экономика привела к появлению промышленного интеллекта, капитализированных данных и скоординированного производства. Такие изменения привели к дискуссиям среди ученых о формировании и существовании стоимости в интеллектуальной экономике.

Во-первых, согласно исследованиям лаборатории H-UTokyoLab, в интеллектуальной экономике окупаемое развитие технологий ИИ позволило заменить человеческий труд технологиями, что нарушит традиционный закон формирования стоимости. Особенно это относится к общему искусственному интеллекту (см. Cheng, Gao, 2021), который, будучи автоматическим рабочим механизмом, приведет к «широкому распространению автоматизации без участия человека» (H-UTokyoLab, 2020, 25). В товар-

ном производстве «мертвый труд» полностью заменит «живой труд». «Органический состав капитала имеет тенденцию к неисчерпаемости, и прочная основа, на которой формируется товарная стоимость, естественным образом исчезает» (Huang, 2020). Но эта точка зрения была решительно опровергнута учеными левых взглядов. Винсент Моско указывает, что в капиталистических обществах замена человеческого труда автоматизированным происходит в мгновение ока. В ее основе лежит «постулат, что замена «живого труда» «мертвым трудом» всегда ведет к существенной экономии затрат» (Mosco, 2019, p. 261). В то же время данный процесс снижает квалификацию работников, и «подобное возможно только тогда, когда мертвый труд приобрел достаточный искусственный интеллект или способности в области принятия решений для выполнения квалифицированной и полуквалифицированной работы» (Mosco, 2019, p. 261). Кроме того, с точки зрения формирования стоимости товаров в обществе в целом, непостоянный уровень органического состава капитала в разных секторах позволяет капиталу компенсировать влияние на формирование стоимости за счет сокращения живого труда в секторах с высоким органическим составом капитала путем постоянного создания новых отраслей с низким органическим составом капитала. Например, «конвергенция в сфере облачных вычислений, аналитика больших данных и Интернет вещей свидетельствуют, что руководители в сфере финансовых услуг пополняют ряды безработных наряду с телефонными операторами и заводскими рабочими» (Mosco, 2019, p. 261). Это означает, что в капиталистическом обществе применение технологий искусственного интеллекта в про-

изводственной сфере не окажет фундаментального влияния на формирование стоимости товаров. Напротив, активная работа по продвижению интеллектуальной экономики в развитых капиталистических странах, например японская стратегия суперумного общества и немецкая программа «Промышленность 4.0», с одной стороны, а также сдельная экономика и экономика субподрядов – с другой, доказывает правильность закона формирования стоимости товаров в капиталистическом обществе.

Во-вторых, в политической экономии существование товарной стоимости как социальной конструкции предполагает разделение и противопоставление частного и общественного труда в материальном производстве. Следовательно, как только частный труд станет частью общественного труда, не проходя через рыночный обмен, основа стоимости в социальных отношениях исчезнет. В связи с этим Рифкин утверждает, что в интеллектуальной экономике «платформа Интернета вещей является разрозненной, точечной», объединяя несколько миллионов производителей для «формирования глобально скоординированной системы совместного пользования» (Rifkin 2014, р. хxi). В этой системе частная работа каждого производителя имеет возможность стать частью общественной работы, не проходя через рыночный обмен (в качестве примеров можно привести Википедию и бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом), что окажет огромное влияние на стоимость самого товара. Однако эта точка зрения вызвала возражения со стороны других ученых. Как указывает Джозеф Зубов, Интернет вещей, похоже, отменил рыночный обмен частного труда и стал непосредственно частью об-

щественного труда, но на самом деле это лишь новая риторика для свободного присвоения частного труда капитализмом. Фактически цель капитала в процессе активного создания Интернета вещей и разработки модели производства, основанной на совместном использовании, посредством сетевой координации состоит в том, чтобы обладать когнитивной деятельностью, которая должна принадлежать людям, «объединенным в систему стоимости товарного производства и накопления капитала» (Huang, 2020). И правда: в последние годы это демонстрируется за счет участия интеллектуального производства в разработке систем программного обеспечения с открытым исходным кодом, предоставлении услуг по обновлению, продаже производных программных пакетов или коммерциализации пользовательского контента (UGC) (Huang, 2020).

2.3. Вопрос об исчезновении пролетариата

Интеллектуальная экономика изменила традиционный подход к труду и обмену, а также классовые отношения. В ответ на эти перемены ученые развернули полемику о том, исчез ли пролетариат.

В условиях интеллектуальной экономики, утверждает Негри, пролетариат уже исчез, а на смену ему пришла народная масса в рамках политики жизни. Под массой понимают сеть эксплуатируемых мобильных индивидов в микросфере повседневной жизни при капитализме (Negri 2016, с. 46). Для Негри масса представляет собой исторический пово-

рот, вызванный интеллектуальным производством в современном капитализме. Причины заключаются в следующем. Во-первых, интеллектуальная экономика изменяет структуру управления капиталом, поскольку логика распространения интеллектуального капитала пронизывает нематериальный труд и повседневную жизнь людей, что проявляется в контроле над образом жизни и микровластью. Затем капитал начинает системно эксплуатировать общественность. «Когда мы говорим об интеллектуализации, феминизации, натурализации, языке/отношениях/сотрудничестве и, конечно, о пропаганде труда, мы не предлагаем общую концепцию; напротив, мы определяем поворотный момент в истории, который абсолютно точно является решающим» (Negri 2016, p. 96). Во-вторых, «индивидуальный труд сегодня является единственным источником стоимости и производительности капитала» (Negri, 2016, p. 47). Массы нарушают ограничение выражения конкретных интересов пролетариата, а выражаемые ими социальные интересы тесно связаны со всеми людьми. В-третьих, идея народных масс предполагает, что борьба против экономического порядка современного капитализма зависит уже не от классовой революции, как было прежде, а от «демократического пыла и общего политического существования масс» (Negri, 2016, p. xx).

Какой бы новаторской ни была эта точка зрения, она подвергается широкой критике за отказ от основной теории марксистской политической экономии. Как отмечает британский критик цифровых медиа Андреас Виттель, «классовая борьба явно лежит в основе политической экономии Маркса» (Wittel, 2017, p. 492), и в эпоху искусственного ин-

теллекта идея Маркса о пролетариате возвращается в «личной» (Vettel, 2017, p. 493) форме. Однако такая форма отражает политико-экономическую структуру всеобщей эксплуатации и всеобщего подавления. То есть при нынешнем развитии интеллектуальной экономики в капиталистических обществах пролетариат не исчез. Напротив, некоторые ключевые связанные с ним факторы, «особенно идеи труда, стоимости и права собственности, которые являются взаимосвязанными, имеют практическое значение для анализа современной медиаэкологии» (Wittel, 2017, p. 492). Между тем, возникновение революции не может зависеть от одного только демократического пыла масс, который легко может превратиться в слепой импульс, отклоняющийся от объективных условий. Революция всегда зависит от социальных движений пролетариата, поскольку пролетариат представляет собой продукт капиталистической общественной формации, которая является неизбежным следствием сопротивления рабочих при эксплуатации живого труда капиталом.

3. Интеллект по-прежнему остается в сфере политической экономики

Вышеупомянутая полемика свидетельствует, что, только вернувшись к системе политической экономики Маркса, мы сможем понять диалектическую взаимосвязь между нематериальным трудом, интеллектуальными технологиями и капиталом и обеспечить теоретическую основу для качественного и эффективного развития интеллектуальной экономики.

3.1. Нематериальный труд в интеллектуальной экономике обладает материальным атрибутом труда, что соответствует пониманию производительного труда в политической экономии

На самом деле основное внимание в полемике западных ученых о нематериальном труде сосредоточено на том, выходит ли концепция непродуцительного труда за рамки труда в политической экономии? Мы считаем, что нет – по следующим причинам.

Прежде всего, нематериальный труд в интеллектуальной экономике имеет материальный атрибут. Эмоции, социальные отношения и лингвистическая работа в нематериальном труде – это не формы труда, независимые от материального, а проявление жизненной силы человека с определенной целью и в определенной форме. Это виды деятельности, для которых «потребление живого труда становится основным содержанием» (Cheng, Gu, 2007, p. 76) и которые невозможно отделить от такого потребления. Между тем, весь нематериальный труд в определенной степени предполагает преобразование материального и является деятельностью по созданию предметного мира. Кроме того, мы не можем игнорировать интеллектуальные платформы и различные связанные с ними устройства, предназначенные для выполнения нематериального труда в интеллектуальной экономике. К ним относятся различные приложения, которые разжигают желания людей, а также оптико-волоконная сеть, широкополосная связь, базовые приемопередающие станции и смартфоны, которые поддерживают их. Именно беспричинное присвоение и цифровое «ограждение» нема-

териального труда этими «внешними интерфейсами интеллектуальных технологий» отражают полный захват материальной жизни живого труда и делают материальный атрибут труда неотъемлемым для нематериального труда.

Во-вторых, идея нематериального труда согласуется с описанием производительного труда в политической экономии. По Марксу, производительный труд состоит из трех элементов: целенаправленной деятельности или самого труда, объекта труда и средств труда. Нематериальный труд, такой как труд эмоций, языка и социальных отношений, является своего рода целенаправленной когнитивной перерабатывающей деятельностью. Объектом такой нематериальной трудовой операции является реальный мир, а рабочим процессом – преобразование материальных объектов реального мира в нематериальные формы данных, кода, информации и слов. Наконец, как упоминалось выше, материальные «внешние интерфейсы интеллектуальных технологий» становятся средствами труда, используемыми в процессе нематериального труда. Эти три элемента демонстрируют соответствие между идеей нематериального труда и описанием производительного труда Марксом.

В двух словах, нематериальный труд, который обеспечивает огромное количество данных в интеллектуальной экономике, обладает материальными свойствами труда и подходит под определение производительного труда, данное Марксом. Причина, по которой непроизводительный труд в интеллектуальной экономике стал предметом дискуссий среди ученых, заключается в том, что в условиях капиталистической интеллектуальной экономики эта фор-

ма труда демонстрирует тенденцию к расширению масштабов и большей степени эксплуатации в отношении живого труда. Поэтому развитие интеллектуальной экономики в условиях социализма с учетом особенностей Китая требует, с одной стороны, чтобы мы уделяли пристальное внимание нематериальному труду, такому как труд эмоций, языка и социальных отношений, для продвижения положительной роли интеллектуальной экономики, а, с другой стороны, чтобы мы были внимательны к присвоению нематериального труда частным капиталом и главенству частного капитала (особенно это касается частного монопольного капитала). Только так можно предотвратить «формальное поглощение» живого труда капиталом с помощью интеллектуальных машин и не допустить, чтобы жизнеспособность и креативность живого труда стали инструментом роста капитала.

3.2. Интеллектуальная экономика не изменила трудовую теорию стоимости и теорию прибавочной стоимости в марксизме

Причина споров о влиянии интеллектуальной экономики на закон формирования стоимости среди западных ученых заключается в стремлении некоторых ученых оспорить трудовую теорию стоимости Маркса и теорию прибавочной стоимости. Эта попытка основана на базовых элементах интеллектуальной экономики – восприятию данных в качестве движущей силы, взаимодействии человека и компьютера, трансграничной координации, совместном создании и совместном использовании, а цель за-

ключается в том, чтобы изменить основное положение марксистской экономики. Задача эта бесполезна, и на то есть несколько причин.

Во-первых, давайте рассмотрим ошибочный аргумент некоторых ученых о том, что увеличение органического состава капитала, вызванное технологиями искусственного интеллекта, разрушает трудовую теорию стоимости. Мы считаем, что сочетание интеллектуальных технологий и реальной экономики действительно увеличит органический состав капитала в данной области. Однако, если посмотреть на процесс формирования стоимости капитала, как указывал Маркс, можно заметить следующее: «Из-за стремления сократить рабочее время до минимума, при том что, с другой стороны, рабочее время считается единственной мерой и источником богатства, сам капитал становится противоречием» (Marx, 2010, p. 91). Капиталу удалось бы присвоить труд и добиться собственного роста – новыми способами и посредством открытия новых отраслей промышленности. Как отмечают Бриньольфссон и Макафи из Массачусетского технологического института, в последние годы в Соединенных Штатах сочетание искусственного интеллекта и традиционных отраслей промышленности, с одной стороны, увеличило органическую долю капитала в существующих отраслях и вытеснило из старых отраслей работников, которые не могли идти в ногу с технологиями. С другой стороны, затем эти работники переходят на крайне низкоквалифицированный, низкооплачиваемый труд с занятостью на неполный рабочий день. Это ведет к поляризации труда. В процессе слияния искусственного интеллекта с традиционными отраслями промышленности вновь создаваемый труд

представляет собой либо высокотехнологичную, высокооплачиваемую работу, которую могут выполнять лишь немногие, либо работу на неполный рабочий день в тех областях, где автоматизация или затруднительна, или требует неоправданно больших затрат. По состоянию на 2017 год, 36 % рабочей силы США были заняты неполный рабочий день (Brynjolfsson, McAfee 2014, pp. 203–207; Wang, 2018). Данное явление обусловлено не только вытеснением живого труда за счет увеличения органического состава капитала при создании интеллектуальных отраслей промышленности, но и повторным поглощением живого труда интеллектуальными отраслями промышленности за счет еще более низких цен и более жестких требований.

Во-вторых, давайте рассмотрим миф о том, что какой-то частный труд на интеллектуальных платформах и в Интернете вещей может стать частью социального труда без обмена. Мы считаем, что, как уже говорилось выше, интеллектуальные платформы, используемые в этих случаях, основаны на капитале, и стоимость товаров, произведенных таким частным трудом, состоит из трех компонентов, как и в случае с любыми другими товарами. Во-первых, стоимость сырья и амортизация средств и оборудования, используемых при производстве товаров, формируют стоимость производственного капитала товара. Во-вторых, стоимость, создаваемая необходимым трудом производителя товара, представляет собой стоимость средств потребления, необходимых для поддержания воспроизводства рабочей силы. В-третьих, существует стоимость, создаваемая производителем товара сверх необходимого труда. Эти виды стоимости должны компенсироваться или ре-

ализовываться при обмене в денежной форме, но не компенсируются, поскольку в интеллектуальной экономике товары присваиваются капиталистами путем совместного создания и совместного использования, свидетельством чего является рост этих интеллектуальных компаний и повышение их рыночной стоимости.

3.3. Интеллектуальная экономика и ее социально-экономические последствия обусловлены общественным строем, в котором она функционирует

Вышеуказанная полемика свидетельствует о том, что интеллектуальная экономика – это экономическая форма и экономическая эпоха, описанная с точки зрения производительности, науки и техники, но не изолированная форма ноономики, поскольку она ограничена социально-экономической системой, в которой действует, включая собственность на факторы производства. Это означает, что интеллектуальная экономика обладает определенными атрибутами производственных отношений. Она возникает и развивается в определенном социальном контексте и ограничена существующим общественным строем. Этот атрибут указывает, что интеллектуальная экономика должна наилучшим образом обслуживать процесс общественного производства и воспроизводства, особенно воспроизводства общественных отношений. Например, в условиях частной собственности на средства производства интеллектуальная экономика не будет иметь подлинного совместного строительства и совместного использования, а бу-

дет служить только производственному процессу, который носит капиталистический характер, например, производству прибавочной стоимости, воспроизводству частной собственности на средства производства и поддержанию подчинения труда капиталу. В условиях государственной собственности для корректировки производственных отношений интеллектуальная экономика может полагаться на общественный строй так, чтобы ее развитие было «сосредоточено на трудящихся», а не «сфокусировано на монопольной олигополии», таким образом действительно осуществляя профессиональное и качественное развитие интеллектуальной экономики.

Кроме того, социальный атрибут интеллектуальной экономики указывает, что обсуждение интеллектуальной экономики и ее общественного воздействия должно учитывать требования социалистической системы, например, платформу собственности в виде государственного капитала, координацию отношений между капиталом и трудом, свободное и всестороннее развитие людей, непосредственное объединение людей и средств производства и т. д. Когда речь идет об исследованиях в области интеллектуальной экономики, следует избегать тенденции говорить о развитии без учета системы. Только полностью учитывая общественный строй и политику в области развития интеллектуальной экономики, мы можем достичь профессионального, качественного и стремительного развития и добиться положительного эффекта совместного использования, общего благосостояния и всеобщего процветания.

И, наконец, мы считаем, что Китай и Россия разработают разные научные и эффективные наци-

ональные стратегии с учетом различных национальных условий, а также стратегии развития интеллектуальной экономики и укрепят сотрудничество, чтобы качественно и быстро развивать интеллектуальную экономику как ноономику. Мы будем работать сообща на благо наших стран и народов и противостоять попыткам неоимпериализма Соединенных Штатов сдержать нас.

Список литературы

- Brynjolfsson, E., McAfee, A.* (2014) *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. Beijing: China CITIC Press. (In Chinese) Translated by Y. Jiang
- Cheng, E., Gu, Y.* (eds.) (2017) *Cultural Economics*. Tianjin: Nankai University Press.
- Cheng, P., Gao, S.* (2021) *Philosophical Reflections upon the Ethical Status of General AI Entity // Studies in Dialectics of Nature*, no. 7. (In Chinese)
- Fortunati, L.* (1995) *The Arcane of Reproduction: Housework, Prostitution, Labor and Capital*. New York: Autonomedia.
- Huang, Z.* (2020) *Value Crisis, Capital's Responses, and Digital Labor's Resistance in the Age of Artificial Intelligence // Exploration and Free Views*, no. 5. Pp. 124-131.
- H-UTokyoLab (2020) *Society 5.0: Human-Centered Super Intelligent Society*. Beijing: China Machine Press. (in Chinese).
- Liu, G., Du S.* (2020). *The Emergence and Development of Intelligence Economy Related Innovation Zone: The Case of Hangzhou // Humanities*, no. 3. Pp. 40-51. (in Chinese).
- Marx, K.* (2010) *Economic Manuscripts of 1857-1858 / Vol. 29 of Marx/Engels Collected Works*. Lawrence & Wishart Electric Book.
- Ministry of Industry and Information Technology, December 14, 2017: "Notification of the Ministry of Industry and Information Technology for the Release of the "Three-Year Action Plan for Promoting the Development of the New Generation of AI Industry (2018-2020)." URL: https://www.miit.gov.cn/zwgk/zcwj/wjfb/zh/art/2020/art_de90191568e94fb0b358864d30c67ae9.html.
- Mosco, V.* (2019) *Digital Labor and the Next-Generation Internet / In The Collections of the Classical Works of the Political Economy of Communication*, edited by J. Yao. Beijing: The Commercial Press. Pp. 252-264
- Negri, A.* (2016) *Empire and Beyond*. Beijing: Peking University Press. (In Chinese).
- Rifkin, J.* (2014). *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism*. Beijing: China CITIC Press. (In Chinese).
- Sun, L.* (2013) *Popular Philosophy of Autonomy and Subjective Political Science of Ethics—Critical Reflections upon Negri's Contemporary Explication of Marx's 'Idea of Machine // Journal of Nanjing University (philosophy, humanities, and social sciences edition)*, no. 3. Pp. 5-14. (In Chinese).
- Sun, W.* (2020) *Intelligence Society under the Marxist Perspective of Historical Materialism // Philosophical Analysis*, Volume 11, Issue 6. Pp. 4-16. (in Chinese).
- The State Council of People's Republic of China, July 8, 2017: "Notification of the State Council for the Release of the Plan for a New Generation of Intelligent Development." http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm.
- Wang, X.* (2018) *The Ideology of Work and the Future of Post-Work // Marxism and Reality*, no. 6. Pp. 138-146.

Wittel, S. (2017) Digital Marx: Toward a Political Economy of Distributed Media / In Marx Is Back, edited by C. Fuchs and V. Mosco. Shanghai: East China Normal University Press. Pp. 452-499. (in Chinese).

Xie, F., Wu Y, Wang S. (2019) Political Economy of the Globalization of Platform Economy // Social Sciences in China, no. 12. Pp. 62-81. (in Chinese).

Xu, K. (ed.) (2020) The Great Ecological Change in the Era of Intelligence Economy: Winning the Battle of 5G. Beijing: Posts and Telecomm Press. (in Chinese).

Zhang, X. (2020) How Far is Intelligence Economy from Us: Exploration of the Bottleneck and Innovative Development in the Launching of China's Artificial Intelligence // Social Sciences in Ning Xia, no. 6. Pp. 108-117. (in Chinese).

Zhang, Y. (2017) Immaterial Labor and Creative Surplus Value—Reading Negri and Hart's Empire // Foreign Theoretical Trends, no. 7. Pp. 35-48. (in Chinese).

Раздел 2

**Стратегия развития –
ноономика**

Ментальные объекты как производительная сила: к критике ноономики¹

Алан Фриман

Директор Исследовательской группы проблем геополитэкономии Университета Манитобы (Канада)

Введение

Сергей Бодрунов ввел в экономическую науку термин «ноономика», весьма необходимое напоминание о том, что умственная деятельность не может рассматриваться как второстепенный аспект современного производства, который можно не принимать во внимание. В данном сочинении я утверждаю, что для развития этой мысли требуется ввести еще одно понятие, а именно «ментальный объект».

Вопрос достаточно прост: как умственная деятельность, или «умственный процесс», соотносится с производством? И каким образом ее результаты соотносятся с потреблением? Ответ на оба эти во-

¹ Эта работа посвящается Андре Влчеку, который ушел от нас 20 сентября 2020 года. Когда я пишу, я будто слышу его мягкий голос и переносюсь туда, откуда доносятся его и ироничные, и в то же время уважительные замечания в адрес написанного мною. Возможно, в обществе будущего такой диалог будет каким-то образом доступен в реальности. Я бы хотел выразить признательность за множество полезных бесед Гасану Бахши, Александру Бузгалину, Гульельмо Карчеди, Радике Десаи, Гасану Гюраку, Петеру Хиггсу, Клаудии Джефферис и, не в последнюю очередь, ученикам и друзьям Кристофера Фримана. Их слишком много, чтобы назвать здесь всех (что одновременно печально и радостно); особую благодарность выражаю Джеффу Олдхэму, Карлоте Перез и Бенгт-Оке Лундваллу. Все ошибки, разумеется, являются моими собственными.

проса зависит от ответа на вопрос, логически предшествующий этим двум: что производит умственная деятельность? Мой ответ: она производит ментальные объекты.

Возьмем для начала шесть примеров ментальных объектов: компьютерная программа, научная теория, образ, судебное решение, стихотворение и дизайн-проект. Элементы этого разнородного набора обладают общими характеристиками: они существуют в нескольких разных физических формах (письменная, печатная, озвученная, изображенная, представленная в электронном или в мысленном виде); вместе с тем, они не теряют свою самобытность; и их можно преобразовывать из одной формы в другую, без потери этой самобытности.

Прочие объекты обладают этими свойствами в большей или меньшей степени, поэтому также достойны рассмотрения: патенты, инженерные стандарты, танцевальные партитуры, религиозные верования, мода и даже языки. Тем не менее, это утверждение справедливо не для любой умственной деятельности. Например, эмоции не всегда поддаются преобразованию из одной формы в другую: иногда человек может описать свое состояние другому, а иногда нет. И хотя глупость может принимать формы (такие как заблуждения), поддающиеся преобразованию, это происходит не всегда.

Более того, ни эмоции, ни глупость не обладают уникальной самобытностью, которая отличала бы их от всего прочего. Например, мы не можем определить, всегда ли конкретная глупая привычка соответствует конкретному заблуждению, и наоборот. Как не можем легко и просто утверждать, что возбуждение и страх, пережитые на американских горках, – это те же воз-

буждение и страх, которые испытывают в смертельной схватке. С другой стороны, существует множество различных стихотворений, и какую бы конкретную форму ни приняло данное стихотворение, мы всегда можем определить, что это оно. То же самое применимо и к ситуации, когда стихотворение меняет форму, поэтому мы можем сверить, соответствует ли устный текст письменной версии, и наоборот.

Такие размышления приводят к первичному определению ментального объекта: это воспроизводимая сущность, проявляющаяся в различных физических формах, с распознаваемой самобытностью, не зависящей от этих физических форм. Возможно, я что-то упустил, но в общих чертах, по-моему, все верно. Можно еще добавить, что физическая форма ментального объекта может преобразовываться из одного вида в другой (коммуникабельность), но это свойство, пожалуй, выводится из данного выше основного определения.

Следующий вопрос такой: поскольку данный ментальный объект может существовать в различных определенных формах (речь, мысль, запись, трансляция и т. п.), какова связь между ним и каждой из этих форм? Для данной статьи ответ на этот вопрос является критически важным и состоит в том, что ментальный объект становится частью бытия такой формы. Функция книги заключается в воспроизведении, передаче и сохранении того, что в ней напечатано. Таким образом, текст книги является частью того, что есть сама книга, печатное представление ментального объекта, его «содержание». И напротив, книга становится частью бытия ментального объекта, который существует только в идеальной форме всех своих конкретных представлений.

Отсюда следует, ментальные объекты являются существенным элементом того, что мы называем «материальностью». Это понятие часто сводится, особенно экономистами, к простой осязаемости, однако, как отмечает Десаи (Desai, 2013), нации материальны, но невозможно споткнуться о нацию. Деньги в равной степени материальны, но во многих своих нефизических формах, таких как электронные записи, они не менее материальны, чем золото. Действительно, при обращении в кажущейся физической форме банкнот или в реально существующей форме монет, их «бытие» в качестве денег заключается не в физической субстанции, а в том, что она символизирует. Сотрите изображение королевы, короля, президента или масонского знака с монеты или банкноты, и это больше не деньги. В философии понятие «материя» (Inwood 1992, p. 107) далеко от простого естественного существования, поэтому, когда Маркс и Энгельс называли себя материалистами, они не отождествляли «материю» с всего лишь физической субстанцией, что подтверждается даже при поверхностном прочтении их трудов.

По этим причинам мы не можем ограничивать наше представление об объектах, которые производство вводит в действие (как на входе, так и на выходе), природными качествами, которыми они обладают, независимо от того, как они соотносятся с людьми. Следует обратить пристальное внимание на понятие их ментального содержания.

Настойчивые попытки игнорировать ментальное содержание в экономическом мышлении выражают пределы упрощенного взгляда, который вместе с Радикой Десаи я называю «машинокра­тическим» (Freeman 2015), по аналогии с физиократи-

ей. Под этим термином мы подразумеваем, что экономическая деятельность сводится к производству вещей при помощи машин. Эта точка зрения тесно связана с заблуждением, которое Эндрю Климан (Kliman 2007, p. 13) и я обозначили как «физикализм»: товар рассматривается как физическая сущность, не зависящая от социальных отношений, придающих ему ценность.

Современная экономическая наука отреагировала на эти ограничения, представив умственную деятельность как нечто факультативное или внешнее по отношению к производству, например, дополняя идею производства другими «факторами» – знаниями, информацией или технологией, и тем самым усугубляя заблуждения Неоклассической совокупной производственной функции, убедительный анализ которых выполнили Фелипе и Маккомби (Felipe, McCombie, 2013). Таким образом, Бодрунов оказывает экономической науке услугу, настаивая на том, что умственная деятельность является неотъемлемой частью производства.

Тем не менее, в его работах умственная деятельность маняще зависла вне производства, как его «прикладной» или «содействующий» аспект. Рассмотрим следующее утверждение профессора Бодрунова, согласно которому продукт – это объект, полученный путем преобразования природных материалов посредством применения знания и адаптированный для удовлетворения человеческих потребностей.

Данное утверждение было бы принято в большинстве экономических дискуссий, если бы не одна проблема. Материалы не поступают в производство в чисто природной форме, чтобы потом к ним добавили «знания»; они пронизаны человеческим по-

ниманием еще до того, как стали частью производственного процесса, и не могли бы стать такими, если бы их не «оживили».

В частности, в процессе производства материалы рассматриваются в соответствии с человеческими качествами, которые присущи им как результатам производства или потребления людьми. Стул, когда на нем сидят, имеет такую же физическую форму, как и при использовании в качестве дров, но совершенно другое употребление. Благодаря этому употреблению, он становится, по сути, другим предметом. Даже такое простое действие, как изготовление муки, является целенаправленным: мельник, не говоря уже о его заказчиках, прекрасно представляет, для чего будет использоваться эта мука. Поэтому мука является не нейтральным скоплением клейких хлопьев тонкого помола, а средством для изготовления хлеба, белого соуса, макарон, пиццы, блинчиков и даже макетов из папье-маше.

Эта целенаправленность пропитывает пшеницу, что таким образом также воплощает умственные способности. Это не просто зерно, а «средство для изготовления вещества, которое станет хлебом». По словам Маркса, в этом и заключается ее «потребительная стоимость». Она заставляет мельника выбрать пшеницу, а не кукурузу, желуди или какой-нибудь гравий; следовательно, описание пшеницы как нечто «природного» означает совершенно неправильное понимание, чем она является на самом деле.

Можно было бы с помощью некоего физиократического регресса попробовать избежать этой проблемы – проследить эту пшеницу до стебля, стебель до поля, поле до химических элементов, и заявить, что, в конечном счете, все от природы. Но сама при-

рода не является неуязвимой для человечества: фактически, она находится на грани уничтожения людьми. Природа обрабатывается: поля распахиваются, семена засеваются. Даже «найденные» объекты, будь то полевые цветы или самородки в лотке старателя, уже являются умственно обработанными, в том смысле, что нашедший делает различие между тем, что можно сорвать или положить в карман, и тем, что следует выбросить. Без преобразования физической сущности найденных объектов, нашедший наделил их дополнительными качествами путем осуществления суждения – умственного действия, неотъемлемого от концепции цели, и таким образом определил их пользу.

В этом отношении представление Маркса о пользе является дальновидным: «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, – порождаются ли они, например, желудком или фантазией, – ничего не изменяет в деле. Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или окольным путем, как средство производства (Маркс, 1960, с. 43)» [акцентирование смыслов – авт.].»

Но мы не можем, исходя из чисто физических свойств объекта, сделать вывод, удовлетворяет ли он потребность, порожденную воображением (Phantasie), поскольку воображение является умственной деятельностью. «Наслаждение» тоже нельзя свести к всего лишь химическому метаболизму. Только сочетая физический и интенциональный аспект потребности, мы получаем полную и, следо-

вательно, адекватную концепцию объекта, который удовлетворяет ее.

Аналогичное, но более тонкое различие необходимо провести для труда, вовлеченного в производство. Любой труд является в некотором смысле умственным, поскольку рукой управляет мозг. Но каждая технология требует от работника специальных навыков и умственных способностей, а не просто способности мыслить как таковой. Автомеханик не может легко получить должность хирурга, также как медицинское образование вряд ли поможет доктору починить машину. Способности к труду, необходимые для выполнения определенной работы, – это качества, благодаря которым работа расценивается как определенная: они вовлечены в производство вещей с определенной пользой, невозможное без специальных знаний. Таким образом, работник обладает не умственными способностями вообще, а конкретными умственными и телесными навыками, зависящими от выполняемой задачи. Эти навыки определяют «тип» труда работника в той же степени, как и отрасль, в которой он(а) трудится, и материалы, с которыми работает.

В этом заключается слабость популярной концепции «умственного труда»: работа учителя, инженера или врача является абстрактно мыслительной, но конкретно иной, представляя собой труд по обучению, налаживанию систем или лечению пациентов.

Подводя итог, отметим, что знание не «применяется» в качестве внешнего фактора к процессу производства, но еще до начала производства является «встроенным» в материалы, инструменты и объединяющий их труд. Поэтому Бодрунов приближается

к истинному положению дел, когда пишет, что сегодня развитие техносферы обусловлено не орудиями производства и их квалифицированным применением, а силой знания, которое включено в эти инструменты и лежит в основе способности применять их и повышать эффективность производства.

Ему только надо было убрать слово «сегодня». То, что меняется в современной экономике, – это не существование ментального содержания и не «добавление» чего-то, что на самом деле всегда было там, а тот способ, которым это ментальное содержание соотносится с производством.

Арифметика Тревизо: введение в ментальные технологии

Насколько «новым» является ментальное содержание? Для оценки его новизны приведу два примера из истории технологий: внедрение в Европе современной системы счисления и изобретение логарифмов.

Рассмотрим первый пример. В начале эпохи Средневековья, с ростом могущества и влияния торговых городов-государств полуострова, торговцы все больше нуждались в способе быстрого вычисления и счета. До конца XII века они использовали трудоемкие методы на основе римских цифр, счетов и бус. Ситуация изменилась, когда Леонардо да Пиза (1180–1230) начал изучать систему счисления, позднее названную «индо-арабской»; ее он освоил под руководством наставника-араба. Как поясняет Шветц, «Он пришел к убеждению, что новые цифры и методы счета во многом превосходят римские, которые

до этого повсеместно использовались в Европе. Леонардо, также известный как Фибоначчи (сын Боначчи), стал евангелистом нового знания и опубликовал свои впечатления в своем труде «Книга абака» («Liber abaci», 1203). Значительная часть текста представляет собой общее введение в индо-арабскую систему счисления и ее алгоритмы; тем не менее, в ней есть отдельный раздел, описывающий профессиональный опыт Фибоначчи и рассматривающий коммерческое применение арифметики.

Книга и ее основная идея были благосклонно приняты в «фондако» (торговых домах) Пизы, Генуи и Венеции, и вскоре индо-арабские символы заменили римские в бухгалтерских книгах, а на смену счетам пришли вычисления при помощи пера и чернил. Это новое математическое знание также поступало в Европу благодаря переводам арабских книг, выполненных в Испании, но благоприятный итальянский климат вскоре обеспечил итальянцам пальму первенства в этом мастерстве (Swetz, Smith, 1987, pp. 11-12)».

Венеция стала мощным центром инноваций; ее жители создали (в качестве еще одного примера ментального объекта) современную бухгалтерскую систему двойной записи, вошедшую в общее употребление как «венецианская». Эти ментальные инновации распространились очень быстро. Типографии в то время еще не появились в Европе; что интересно – не из-за того, что не была изобретена печатная машина (ксилография по ткани была широко распространена уже к 1300 году), но из-за слаборазвитой бумажной промышленности. Поэтому торговцы сначала нанимали специальных наставников, чтобы перенять необходимые навыки, а затем основали «школы счета», такие как известная на всю Европу

школа Тревизо, издавшая первую печатную Арифметику в 1478 году.

Как пишет Швец, «серьезность этой задачи становится очевидной, если привести в пример совет немецкого отца сыну, получающему образование в Венеции: «вставать рано, часто ходить в церковь, внимательно слушать учителя арифметики (Swetz, Smith 1987, p. 18)».

Удивительная черта этой инновации – фактически, технологии – заключается в том, что она была полностью ментальной. Она не имела абсолютно никакого физического воплощения, помимо пера и чернил – для тех тугодумов, кто не мог считать в уме. Ментальная арифметика фактически вытеснила «физическую» технологию счетов (путем битв, подогреваемых публичными состязаниями, которые бушевали между приверженцами двух методов). Она трансформировала продуктивность торговли и положила начало эпохе монетарного капитализма.

Этот факт опровергает любые утверждения о том, что ментальные способности человека эволюционировали позже, чем физические. Ошибочность таких точек зрения также становится очевидной, если задать вопрос: «Какова функция языка?» Язык не только сопровождает покорение природы человеком, но и предстает ему, потому что без социальной структуры, возникновению которой он способствует, люди не смогли бы ничего сделать с природой, кроме как охотиться на нее, срывать ее плоды, падать с нее или в нее или быть съеденными ею. Следовательно, ментальные объекты – это не «новое» или «постиндустриальное» явление, но неотъемлемая часть технологии, начиная с истоков человеческого общества. Они существовали всегда, но крупномас-

штабное производство машин отправило их в тень, из которой они сейчас выходят на свет.

Эту мысль далее поясняет второй пример – история логарифма, заменившего умственно трудоемкий процесс умножения более легким (и быстрым) процессом сложения. Шотландский изобретатель и религиозный фанатик Джон Непер опубликовал первые таблицы в 1614 году, утверждая, что они, «сокращая труды, удвоят жизнь астронома». Логарифмы в разы увеличили ментальную продуктивность индо-арабской системы. Они приобрели популярность в то время, когда военно-монархический комплекс Англии особенно нуждался в точных таблицах стрельбы и навигационных средствах. К 1624 году эти таблицы были достаточно точными, чтобы заложить основы доминирования военно-морской системы, которая в течение века обеспечила господство Британской империи.

Опять же, это пример ментальной технологии. Она может быть воплощена в физических устройствах, таких как инженерная логарифмическая линейка – универсальный вычислительный прибор, которым пользовались вплоть до появления карманного калькулятора. Но такие физические формы – всего лишь инструменты. Сущность технологии заключается в замене медленного умножения быстрым сложением.

Следовательно, эти ментальные технологии являются краеугольным камнем промышленного капитализма. Неспроста викторианцы вколачивали в своих детей, наряду с ценностями частого посещения церкви и раннего пробуждения, пресловутые азы науки: чтение, письмо и арифметику. Без них современная промышленность была бы немыслима.

Использование ментальных объектов

На основании вышесказанного может сложиться ощущение, что при рассмотрении ментальных объектов их физическую форму можно игнорировать. Эта идея, также встречающаяся в физикалистской экономической науке, является противоположностью ошибочного заключения о том, что физические объекты могут входить в социальный оборот без ментального содержания. Именно потому, что ментальные объекты интегрированы в физические, они никогда полностью не расстаются со своей физической составляющей. Даже ментальная арифметика существует в физическом субстрате: в мозгу тех, кто выполняет вычисления.

Поэтому польза ментальных объектов состоит в том, как они сочетаются с физическими качествами произведенных и потребленных объектов, образуя материальную сущность. Пока ментальные объекты существуют сами по себе, вне производства и потребления, они являются полностью абстрактными. Хотя это и аргумент в пользу их идеальной природы, он ни в коем случае не означает, что они могут материально реализоваться в человеческом обществе в идеальной форме. Стихотворение может существовать в форме звука, текста или песни, и мы можем мыслить его в идеальной форме, абстрагируясь от различий между всеми этими формами. Но для того, чтобы использоваться, оно должно быть произнесено, напечатано или спето, то есть должно воплотиться в реальном мире. Нас не волнует то, существует ли цифра «2» в какой-то неоплатонической абстрактной плоскости: определяя ее свойства в качестве абстрактного объекта, мы лишь описываем

то, как она должна вести себя в любой конкретной форме.

Различие между конкретной физической формой и ее ментальным содержанием порождает все те оттенки неопределенности, о которых мы можем лишь смутно догадываться. Например, если мы говорим, что автор «написал книгу», мы не имеем в виду, что он собственноручно напечатал ее; но без всяких сомнений называем объект на полке «книгой». Таким образом, слово «книга» имеет два абсолютно разных значения даже в контексте повседневного использования.

Идеальное разграничение ментального содержания и объектов, в которых оно проявляется, также порождает дикую путаницу, когда идеальная форма рассматривается так, как если бы это был физический объект. Ментальные объекты не «заканчиваются», потому что их невозможно количественно определить независимо от их включения в исчисляемое вещество или деятельность. Невозможно вложить «в два раза больше» знаний в одну фабрику, чем в другую, или прочесть «в три раза больше» поэзии. Можно лишь привлечь в два раза больше научных экспертов, в два раза больше материальных продуктов их работы (роботов, химических веществ, серверов, синхротронов, университетов, авианосцев) или прочесть в три раза больше стихотворений. В лучшем случае можно потратить в два раза больше денег, чтобы получить знания или прочесть стихотворения. Знание и поэзия не имеют степени выраженности.

Именно поэтому их невозможно использовать полностью. Стихотворение не прекращает существовать после того, как оно прочитано; компьютер-

ная программа не изнашивается, если ее слишком часто использовать; действие научной теории не истощается в результате ее многократного применения. Да, программа может устареть, стихотворение – выйти из моды, а теория – уступить место более прогрессивной. Но невостребованность не следует отождествлять с исчезновением: за исключением случаев, когда не остается ни памяти, ни записей, призраки всех когда-либо сочиненных стихотворений населяют полки библиотек и музеев, ожидая того читателя, который вернет их к жизни одним взглядом.

Вместе с тем, ментальные объекты получают доступ к приземленным сферам производства и потребления только в физическом облачении. Подобно богам Олимпа, они общаются с людьми только в телесном облике, который становится грубым физическим носителем их эфирного существования.² В этом заключается первопричина привлекательной идеи о том, что ментальные объекты доступны свободно и беззатратно. Но именно потому, что они могут использоваться только в конкретной физической форме, их использование не может быть беззатратным. Требуется работа, чтобы прочесть стихотворение или изготовить таблетку. Требуется работа, чтобы воспроизводить ментальные объекты. Образование, воспитание детей, содержание музеев, а также все остальные аспекты сохранения ментального содер-

² В первые годы освобождения Венгрии от коммунистического ига предприимчивый владелец кафе в Будапеште открыл бар, в котором подавались пустые чашки кофе. Его аргумент заключался в том, что люди заходят в кафе не для того, чтобы пить реальный кофе, а для того, чтобы получить опыт кофепития. Поэтому, как подсказали его разгулявшиеся коммерческие инстинкты, следовало отделить опыт от кофе, избавив клиента от наркотических побочных эффектов напитка, а себя – от расходов на их обеспечение. От этого апокрифического филантропа не осталось никаких следов.

жания цивилизованной жизни путем постоянного перенесения их в мозг и компетенции новых людей потребляют поистине невероятное количество общественного труда.

Фактически, ментальные объекты являются беззатратными не только потому, что они ментальные, но и из-за того, что их физическая форма существования часто является «неисключаемой»; тот факт, что один человек слушает песню, не означает, что ее не могут слушать другие. Это, в определенном смысле, вина технологий. В дни Моисея копирование записи было, скорее всего, столь же трудоемким, как и ее написание. Возможно, именно поэтому пророков (которые, по всей видимости, были дешевле каменщиков) так почитают. В любом случае, технологии в целом увеличивают разрыв между затратами на создание и распространение. С этой точки зрения, электронная коммуникация является качественным скачком, который сам по себе достоин называться технологической революцией: музыкальная запись может быть распространена буквально миллионным тиражом без ограничения возможности прослушивания первоначальным владельцем.³

В стандартной экономической терминологии ментальные объекты являются общественным благом; как написано в Википедии, «в экономике обще-

³ Отсюда видна ошибочность одного из двух ошибочных заключений, на которых основан прославленный аргумент теоремы Баумоля (1966, см. также Baumol et al., 1990), постулирующей, что оркестр не может увеличить свою продуктивность из-за своей сервисной природы – например, если музыканты будут играть быстрее. Но очевидно, что оркестр с электронной аудиторией из пятидесяти тысяч слушателей более продуктивен, чем если бы он играл для зала вместимостью в сто человек: он дает больше «пользы». Вторая ошибочная предпосылка заключается в том, что единственным мерилom пользы является количество. Фактически, оркестр может стать более полезным, если будет играть лучше.

ственное благо – это благо, которое является как неисключаемым, так и неконкурентным, в том смысле, что индивиды не могут быть исключены из круга потребителей блага и могут им пользоваться без оплаты, и использование которого одним индивидом не снижает доступность блага для других, или же которое может использоваться одновременно более чем одним человеком (Wikipedia)».

Иллюзия того, что ментальная сущность музыкальной пьесы является беззатратной, исчезает, стоит только задаться вопросом, на что живут музыканты. Труд необходим для производства, использования и воспроизведения ментального объекта, то есть для поддержания его существования. Этот труд является неявным, как подводная часть айсберга, потому что он происходит в человеческом мозге. Воспроизводство человеческого мыслительного процесса, как и воспроизводство физических возможностей, реализуется вне товарных отношений работниками и их семьями, особенно женщинами.

Невероятное количество невидимого и непризнанного труда лежит под поверхностью коммерческого общества. Однако музыка без музыкантов – это абсурд, как и музыка без инструментов, концертных залов, преподавателей, репетиций, занятий и всего того, что делает ее возможной. Каждый раз, когда мать поет своему ребенку, она вдыхает новую жизнь в песню.

Таким образом, ментальные объекты не существуют в какой-то ноосфере, которую мы можем спокойно проигнорировать или добавить в качестве придатка, как внешний по отношению к производству фактор, но являются неотъемлемыми от труда и материалов, в компании которых они становятся

частью производства. В связи с этим возникает необходимость пересмотреть и расширить наше представление о том, чем является производство: если точнее, преодолеть ограничения, обусловленные пониманием производства, унаследованным из стремительно уходящей в прошлое механической эпохи.

Что придет на смену промышленному производству?

Какие уроки можно извлечь из сказанного выше? Я намерен подвергнуть сомнению утверждение профессора Бодрунова, которое я, без намерения обидеть автора, называю полуправдой. Согласно этому утверждению до сих пор человечество не придумало никаких новых методов производства, помимо предпромышленного и промышленного.

Я, напротив, полагаю, что такие новые методы производства или «производительные силы» имеются уже сейчас. Их сдерживает только то, каким образом присваиваются их плоды – то, что Маркс именуется «производственными отношениями».

Фактически, сейчас существует как минимум две быстрорастущие сферы производства, методы которых полностью отличаются от методов промышленного производства, хотя, как показывает пример Тревизо, неожиданно схожи с предпромышленными методами. Это программное обеспечение и креативные индустрии, к которым относится программное обеспечение. Научные исследования, особенно в более современных креативных формах, можно было бы назвать третьей сферой, но первые две в определенном смысле «архетипичны» и задают шаблон,

с помощью которого мы можем понять общий принцип функционирования ментальных объектов в обществе, включая сферу научных исследований.

Проще говоря, если мы хотим найти то место, где зарождается ноономика, то это оно. Точно так же, как фабрика являлась архетипическим местом зарождения промышленной стадии капиталистического производства, так и фирмы по разработке программного обеспечения и студии дизайна на сегодняшний день являются местом, где на стадии эмбриона уже существует его новая стадия. Значительное количество источников, описывающих эти отрасли, уже позволяет заключить, что характерная для них «система производства» в корне отличается от всего, что было ранее. Такое отличие обусловлено решающей ролью, которую ментальные объекты играют в том, что и как делают эти отрасли и каков результат их деятельности.

Начну с функции программного обеспечения. Какова она? Я определяю ее достаточно просто: ментальный объект, который может существовать в машине. В таком упрощенном виде формулировка мало что объясняет; поэтому начну с перечня ключевых характеристик, указывая на те, которые, по моему мнению, определяют принадлежность к ментальным объектам. Уверен, что другие смогут улучшить это определение; но надеюсь, что смогу представить нечто вроде строительных лесов для более полной концепции.

Мои леса опираются на два очень простых утверждения, полностью доказанных методами современной математической логики и вычислительной лингвистики. Первое гласит, что программное обеспечение по своей сути является механической

ментальной системой. Второе – что в целом не существует определенного механического способа достигать целей. В результате мы получаем разделение мира ментальных объектов на механические, или алгоритмические, к которым относится программное обеспечение, и целенаправленные, или предикативные, к которым относится человеческая мысль. Такое разделение может быть временным, но на сегодняшний день характеризует и определяет текущий этап развития современных продуктивных систем.

Математическая основа этих двух утверждений – загадочные теоремы современной математической логики. Я попытаюсь пересказать их суть более простым языком, потому что надеюсь убедить своих читателей в фундаментальности этих положений для новых форм производства, которые рождаются в настоящее время. Начну с более подробного обоснования идеи о том, что производство является целенаправленным.

Бодрунов отмечает, что естественные науки более-менее адекватно описывают объективные природные процессы, а техническое оборудование использует эту информацию для более-менее адекватного управления такими процессами путем их преобразования в целенаправленные, т. е. технологические, процессы.

Утверждение о том, что производство является целенаправленным, фундаментально для любой его адекватной концепции. Без такого утверждения мы обречены на признание любого акта трансформации актом производства. Однако ни медленный рост деревьев, ни их цветение и плодоношение не являются актом производства; также не является им ни термоядерная реакция в недрах солнца с образованием

тепла, ни испарение и осаждение воды под воздействием этого тепла, что в принципе делает возможным плодоношение. Все это трансформации – но они не являются актами производства. «Производить» означает делать что-то полезное с намерением удовлетворить потребность. Иными словами, производство имеет цель.

Маркс говорит об этом в часто цитируемом отрывке, характеризуя разницу между человеком и пчелами: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове (Маркс, 1960, с. 189)».

Сюда следует добавить оговорку о том, что «постройка в голове» состоит не только из намерения выполнить постройку, но и из образа того, как она будет выглядеть. Производство является целенаправленным именно потому, что оно стремится создать некое состояние бытия и не может быть низведено до последовательности инструкций, позволяющих достигнуть такого состояния.

Однако такая же структура в равной степени применима к описанию работы машины. Однажды в разговоре со мной Паоло Джуссани высказал пронизательное наблюдение о том, что полностью автоматизированная фабрика, изготавливающая мороженое без участия человека, является уже не фабрикой, а машиной по производству мороженого. Опустевшая мельница, крыльями которой бесцельно играет ветер; забытый розовый кролик-энерджайзер Duracell; космический спутник, покинув-

ший солнечную систему и утративший радиосвязь, но продолжающий измерять параметры Вселенной – все эти объекты не «производят», а всего лишь функционируют.

Производство, как и объекты, которые поступают в него, является с самого начала и по определению сочетанием физических и ментальных процессов, направляемых желанием, воображением и целеполаганием. Это означает, что необходимо суждение о том, соответствует ли результат цели: мы присваиваем рейтинг поварам не на основании их навыков чтения рецептов, но на основании того, что они ставят перед нами на стол.

Именно по этой причине беспокойство о том, что машины заменят человеческий труд, неоправданно. Беспокоиться следует о появлении у машин способности генерировать намерения. До сих пор не существует такой машины, и ничто из того, что сейчас находится в стадии разработки, даже отдаленно не напоминает ее.⁴

Учитывая вышеизложенное, обратимся к миру программного обеспечения. Что еще можно сказать о нем? Многое. Я дал ему определение «механической ментальной системы». Концепция механизации мыслительного процесса, в сущности, далеко не нова: легенда о Големе относится к раннему средневековью, а первый механический калькулятор – ко времени Лейбница, который в 1673 году изобрел, а в 1694 году изготовил машину, названную им «ша-

⁴ Разумеется, их предостаточно в научной фантастике; например, в провидческой книге Филиппа К. Дика «Снятся ли андроидам электронные овцы», с нашумевшей экранизацией «Бегущий по лезвию», а также в серии Иэна Бэнкса «Культура», в которой дроиды являются полностью разумными существами с юридическими и социальными правами и устремлениями.

говый счислитель». Она представляла собой оригинальное колесо с набором зубьев регулируемой длины, которое использовалось вплоть до 1970 года в популярном карманном арифмометре Curta (сейчас его можно купить на E-bay за две с половиной тысячи долларов). Инженерные техники того времени не позволяли в полной мере заставить прибор работать; подобная проблема знакома пользователям Microsoft. Тем не менее, идея была отличная и легла в основу следующих поколений устройств для механического расчета, включая более известную разностную машину Чарльза Бэббиджа, а также, во многих отношениях, электронный компьютер. Аргумент Лейбница дает интересный ракурс для рассмотрения ранних современных концепций продуктивности и роли труда. Согласно ему, не стоит тратить время высокочтимых джентльменов на вычисления, когда любой простоядин может выполнить ту же работу с такой же точностью при помощи машины.

Часто (и справедливо) говорится о том, что переход от механической калькуляции к автоматической вычислительной машине стал возможен, когда леди Ада Лавлейс, работавшая над усовершенствованием разностной машины Бэббиджа, поняла, что машина может сама выбирать следующее действие. Машина Лейбница, как и ее преемники, включая Curta, требовали от пользователя ввода данных и принятия решения о дальнейших действиях на каждом шаге, пока не будет получен результат. Компьютер был изобретен, когда появилась идея о том, что машина может выполнять «ветвление» – принимать решение о следующем шаге самостоятельно.

Именно так обычно рассказывают эту историю; но меня интересует не этот аспект автоматизации.

Меня не заботит машина – для моих целей подходит любая; меня занимает ее инструкция – ментальный объект, который представляет собой программа. Новизна этого аспекта заключается не только в автоматическом характере его применения, но в том факте, что он существует независимо от машины, которая его применяет. Программа – по крайней мере, хорошо написанная – будет работать на любом компьютере. Следовательно, ключевой характеристикой программного обеспечения является его независимое существование от любой конкретной физической формы. Его можно переносить с одного компьютера на другой; с появлением «высокоуровневых языков» (FORTRAN, Algol, C, C++, Java, Ruby, Python....) возможно также его существование на компьютерах с сильно различающейся физической структурой. Именно это придает программе ее «идеальный» характер. Но точно так же, как и любой ментальный объект, программа может действовать только в сочетании с конкретной физической структурой (на основе которой происходит ее «запуск», создание «экземпляра» или «загрузка»); и тогда она меняет эту структуру – действует трансформационно. Кроме того, как и любой ментальный объект, программа является коммуницируемой: ее можно перенести из одной физической среды в другую. Она обладает идентичностью: при загрузке программы мы можем удостовериться в том, что это именно та «вещь», которую мы заказали, проверив ее сигнатуру.

Все эти характеристики мы уже перечисляли в начале этой главы; они являются общими для всех ментальных объектов, распространенных повсеместно: книг, стихотворений, песен, теорий. Если признать, что идея ментального объекта применима,

то имеет смысл включить в этот ряд программное обеспечение. Более того, вышеуказанные характеристики практически полностью описывают то, что мы называем «мышлением» или «мыслью». Что такое мысль, если не коммуницируемый идеальный объект с трансформационной способностью менять физическую форму при воплощении в ней?

Программное обеспечение имеет и другие характеристики, которые роднят его с некоторыми (пусть и не всеми) ментальными объектами. Во-первых, это язык, или, говоря точнее (поскольку существует множество компьютерных языков), лингвистическая система. Во-вторых, это «грамматическая» система. Под этим я подразумеваю, что компьютерные языки имеют структуру; некоторые предложения или утверждения «имеют смысл» для компилятора, а прочие не имеют, и распознаются как «ошибки». Более того, структура задает смысл. Если я пишу утверждение:

$$x = 2,$$

то на практически любом компьютерном языке я заявляю о том, что существует переменная x , и я хочу, чтобы компьютер сделал ее равной 2. Чтобы предотвратить не относящуюся к делу дискуссию о семиотике и структуре смысловых связей, я не утверждаю, что объекты в программе осмысливаются исключительно за счет синтаксиса; только то, что структура передает часть этого смысла. Следовательно, синтаксис является частью сущности программного обеспечения.

Еще одна характеристика программного обеспечения определяет его особую природу: оно является «алгоритмическим», т. е. состоит из последова-

тельности действий, которые выполняются в течение некоторого периода времени.⁵ Порядок выполнения имеет значение. Это правило не распространяется на образ, который зритель может рассматривать в любом предпочитаемом порядке, либо просто внутренне созерцать полностью, в качестве гештальта.

Также эта логика неприменима к убеждению или суждению. Утверждение «это яблоко вкусное» означает утверждение о яблоке без требования попробовать его. Мы можем подтвердить (или опровергнуть) утверждение, попробовав яблоко, но не обязаны это выполнять, чтобы сделать соответствующее заявление. Заявление является ментальной сущностью, которая существует независимо от любых действий, которые мы можем предпринять, а значит – и от любой последовательности действий.

На самом деле, новички в области компьютерных языков часто неправильно интерпретируют « $x=2$ » как заявление об x . Но оно таковым не является: это инструкция для компьютера «подставить цифру 2 вместо x », то есть сделать предикат «равный 2» истинным для переменной x . Проще говоря, это средство для реализации изменения в состоянии.⁶

Это приводит нас к фундаментальному разграничению между алгоритмическими ментальными объектами, которые описывают последователь-

⁵ Для продвинутых читателей поясню, что ни многозадачность, ни асинхронное программирование не отменяют этот факт. Триггер, который активирует обратный вызов в ответ на событие, все равно является синхронным в том смысле, что ответ происходит после, а не до события. Хотя может одновременно происходить несколько процессов, в каждом из них действия выполняются в определенном порядке.

⁶ В некоторых языках, например в Microsoft DAX, используются особые символы, например «:=» для «присвоения»; в других, таких как Python, специальные символы, такие как «==», указывают на то, что следует выполнить сравнение. Я немного поучаствовал в этих ментальных инновациях.

ность действий, реализующих изменение состояния, и предикативными ментальными объектами, которые заключают в себе суждение о том, каким является состояние. Небольшая схема (на которой объекты слева и справа соотносятся лишь отчасти) может проиллюстрировать мои аргументы:

Алгоритмические ментальные объекты	Предикативные ментальные объекты
Компьютерная программа	Потребительский рейтинг
Дедуктивное доказательство	Математическая теорема
Судебная процедура	Судебное решение
Музыкальная партитура	Эстетическое удовольствие
Лабораторная процедура	Результат эксперимента
Инструкции для работника, производящего автомобиль	Эксплуатационные характеристики автомобиля
Рецепт приготовления блюда	Вкусовые качества блюда

Такое разграничение определяется современной логической теорией, начало которой положила работа Джорджа Буля «Законы мышления», в которой автор фактически попытался описать законы логического доказательства систематическим способом. Многие из этих законов были уже сформулированы; в частности, аристотелевские «силлогизмы» – положения о допустимой логике умозаключений; например, из утверждения «все воры нечестны» и утверждения «Барнабас вор» можно сделать заключение в виде третьего утверждения, а именно – что Барнабас нечестен.

Буль, судя по всему, понял, что в силлогистических рассуждениях участвуют два разных типа ментальной активности. Умозаключение о том, что Барнабас нечестен – это действие, которое сочетает в себе два условия и производит третье; фактически, оно производит новый предикативный ментальный объект из двух существующих предикативных ментальных объектов. При вынесении суждения о том, что Барнабас нечестен, выполняется особое ментальное действие. Приятно, когда умозаключение приводит к суждению – или, как говорят математики, когда суждение не противоречит умозаключению – но эти два действия отличаются друг от друга и, как мы увидим, в целом не совпадают.

С первого взгляда и при рассмотрении простых высказываний может показаться, что связь между этими двумя действиями очевидна и что вынесение суждения и составление умозаключения – это лишь два способа достичь одной и той же цели. Действительно, в пределах ограниченных логических систем, именуемых «исчисление предикатов первого порядка» или иногда «исчисление высказываний», важная теорема, известная как «теорема о полноте», гарантирует, что существует алгоритм, доказывающий любые мыслимые предикативные утверждения, которые могут быть сделаны в отношении объектов системы.

Но – и это очень большое «Но» – эта логика не распространяется на ментальную систему более общего порядка, известную как «исчисление предикатов второго порядка», которая гораздо ближе к реальной жизни. В такой логической системе предикаты считаются объектами, и мы можем делать о них утверждения, такие как «Между Виннипегом и Москвой есть нечто общее». Формально это утверждение означает, что существует

предикат, которому удовлетворяет как Виннипег, так и Москва; например, «там холодно зимой». Это заявление о предикатах, а также заявление о городах. Такие заявления помогают нам выражать большинство идей, используемых в повседневной жизни.

К несчастью – или, возможно, к счастью – исчисление второго порядка является неполным. Совершенно минимальные системы второго порядка содержат заявления, которые невозможно доказать; а именно, заявления, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть логическим дедуктивным методом. Это результат знаменитой «теоремы о неполноте» Гёделя, которая гласит, что такая проблема существует в любой системе, содержащей арифметику.

Пример Гёделя несколько туманен, и хочется проигнорировать его на том основании, что объекты, которые он сконструировал, настолько трудны для понимания, что не стоит бояться встречи с ними в нашей повседневной жизни. Однако более убедительной является теорема, известная как теорема неразрешимости Чёрча, формально идентичная теореме остановки Тьюринга и иногда называемая «теорема Чёрча-Тьюринга». Чёрч ответил на вопрос, поставленный Гилбертом, который может быть описан доступным языком как вопрос о существовании алгоритма, позволяющего решить, доказуемо ли данное утверждение.⁷ Теорема Чёрча-Тьюринга (ЧТ) доказывает, что такого алгоритма не существует.

⁷ То есть алгоритма для принятия решения о том, существует ли другой алгоритм. Это тонкий, но критически важный момент. Проблема не в том, можем ли мы создать алгоритм для решения новой задачи. Вопрос заключается в том, можем ли мы создать «алгоритм-бог», который будет создавать необходимый алгоритм вместо нас, для всех проблем, которые могут быть заявлены предикативно, в системе вычисления, где предикатами являются объекты. Чёрч и Тьюринг доказывают, что это невозможно.

Поэтому мы можем делать вполне разумные заявления, не зная, могут ли они быть доказаны. Иными словами, мы всегда будем сталкиваться с проблемами, которые пока не знаем, как решить. Решение может существовать, но мы не можем построить машину, чтобы найти его заранее, еще до того, как такая проблема возникнет. Если решение существует, то его необходимо будет обнаружить. Простым примером такого затруднения является невозможность написать код переводчика общего назначения. Если взять два конкретных языка, то мы с большой вероятностью сможем перевести текст с одного на другой. Однако не существует способа проинструктировать компьютер создать переводчик до того, как произойдет «знакомство» с этими языками. Точно так же не существует алгоритма, который, имея две компьютерные программы, сможет определить, идентичны ли их результаты.

Проще говоря, не существует механического способа ответить на все вопросы, которые могут быть заданы. Всегда будут возникать проблемы, ответ на который необходимо будет обнаружить; и мы никогда не можем быть уверены в том, что сможем это сделать. Таким образом, поиск ответов на новые вопросы – это особая продуктивная деятельность, отличающаяся от механического вычисления. Имя этой деятельности – созидание. До сих пор она доступна только человеку.

Креативность, культура и пределы механизмов

Установив, что предикативный мыслительный процесс необходимым образом отличается от механического мыслительного процесса, мы наконец можем оценить новые продуктивные технологии. Наше внимание привлекли две основные современные сферы ментальной активности: научное и техническое производство, включая исследования и разработки, и «креативные индустрии», к которым относится создание программного обеспечения. Область пересечения между этими двумя сферами удивительно мала (Bakhshi et al., 2016), и обе являются масштабными, независимо друг от друга. В совокупности эти сферы обеспечили 3,44 миллиона рабочих мест и занятость для 12 % трудовых ресурсов Великобритании в 2011 году. Я не буду оценивать научное производство по уже приведенным выше причинам, а также программное обеспечение (с ним мы уже разобрались). Рассмотрим так называемые «индустрии контента»: музыку, фотографию, перформанс (включая визуальное искусство), ремесла, архитектуру, рекламу, публикации, кинематограф, телевидение и радио.

Их часто в совокупности называют «культурное производство», с чем я готов поспорить: такая ошибка искажает понимание их истинной функции. Понимая, что это дерзкое заявление, далее я его обосную и готов к конструктивной полемике.

Во-первых, существует базовая проблема определения «производства» только через то, что оно производит. Как провести различие между создателями мечей древнего Дамаска, чьи работы испокон

веков славятся поразительным качеством, и рабочими первого литейного завода Бессемера, не говоря уже о современных гигантских заводах пять миль в длину, исключительно на том основании, что все они «производят сталь»?

Во-вторых, в литературе удивительно мало конкретики в отношении того, чем же является этот продукт. Капризная культура упорно не поддается определению. Как пишет Терри Иглтон, цитируя Вильямса, это «второе или третье по сложности слово в английском языке» (Eagleton 2016, p.1), в то время как сам Вильямс (1983, 87) утверждает: «проблема с идеей культуры заключается в том, что мы постоянно вынуждены расширять ее, в конечном итоге почти что до масштабов всей жизни (Williams 1987, p. 76)». Тросби (Throsby, 2001, p. 3) цитирует Борофски (Borofsky 1998, p. 64), который описывает попытки дать определение культуре как «ловлю ветра», в то время как в более ранних работах, например Мамфорда (Mumford, 1938), значение базового понятия «культура» просто принимается по умолчанию: оно употребляется без каких бы то ни было попыток разобраться в том, что же оно означает.

В-третьих, сам факт отсутствия консенсуса о том, что такое культура, должен как минимум вызывать некоторую осторожность при попытках выяснить, что ее производит. Однако это не останавливает поток самоуверенной писанины о «культурном производстве» и отчеты статистических агентств США и Канады о том, сколько культурного продукта было произведено.

Вместе с тем, наиболее фундаментальное затруднение заключается в следующем: те, кто использует термин «культура» чаще всего, являются

законодателями вкусов; пользуясь его неопределимостью, они берут на себя определяющую роль в отношении его значения. Это позволяет им выносить суждения о том, что является «истинной» или «образцовой» культурой, получать поддержку и, конечно же, финансирование; в противоположность «плохой» культуре, которая, судя по всему, всегда идет рука об руку с популярностью. Проще говоря, само отсутствие определения термина «культура» порождает небольшую отрасль, которая занимается объяснением того, кому следует платить за ее создание, и берет за это небольшое вознаграждение – в благодарность за изысканный вкус. Такая система может быть или не быть полезной для структурирования социальных отношений, но никак не может являться основой для рационального описания того, чем занимаются деятели культуры.

Элиас (Elias, 1939) предлагает достойный выход из этой темной аллеи, призывая на помощь историю происхождения термина. Он впервые встречается в период немецкого романтизма XVIII века, когда зарождающийся средний класс Германии должен был противостоять власти знати с ее концепцией «цивилизации» как продукта воспитания, проявляющегося в хороших манерах. Термин «*Kultur*» означал нечто, произведенное художником, который не должен был иметь изысканное воспитание, но, отдавая должное мифологии «превосходства», которая пролизывала аристократическое общество, это могло быть отмечено как достижение, произведение гения, выделяющего талантливого художника как среди знати, так и среди толпы.

Таковы истоки глубоко элитистского подхода, перенесенного в английское общество такими

блюстителем общественной добродетели раннего капитализма, как Томас Карлайл (Carlyle, 1829), утверждавший, что обществу нужна выделенная привилегированная каста людей, которых он назвал «интеллигенция» («clerisy») и которые должны были определять, что будет благом для масс, а что нет.

Интеллигенция и сейчас с нами; она материализуется в той важной роли, которую «культура» играет в поддержании классовых различий. Культура, какое бы определение мы для нее ни выбрали, является несокрушимо всеобщей. Все принимают участие в ее производстве и воспроизводстве, и все несут за нее равную ответственность. На этом можно подвести итог дискуссии; ибо кто может судить о том, была ли съемка Дарнеллой Фрейзер последних моментов жизни Джорджа Флойда более или менее весомым вкладом в американскую культуру, чем речи Роберта Эдварда Ли?

Однако ни в одной из прочих сфер человеческой деятельности не уделяется столько внимания различию между «хорошим» и «плохим». Большинство современных видов творческой деятельности, начиная от джаза, рока, джайва, сальсы, фильмов и фотографии и заканчивая граффити, рэпом, панк-модой и видеоиграми, были вынуждены отстаивать свое право на существование вопреки мнению благонамеренных (и состоятельных) блюстителей культуры. По иронии судьбы, массовая коммерциализация поп-культуры добавляет дополнительное измерение к существовавшему ранее имущественному неравенству, поскольку те, кто может позволить себе социальный обмен культурой в своем круге общения, вежливо усмеваются, когда массы покупают ее за деньги.

Таким образом, то, что знатоки называют «культура», в своей абстрактной основе состоит из производства и воспроизводства социальных различий, как демонстрирует классическое исследование Бурдьё (Bourdieu, 1984). Имеется два типа таких различий. Так называемые «горизонтальные» различия прослеживаются между типами творческой деятельности людей, такими как спорт, музыка, путешествия, перфоманс, кино, игры, учеба и т. п. Далее они подразделяются на виды спорта, виды музыки и так далее, вплоть до уровня фан-клубов и поклонников отдельных исполнителей, команд и т. п. Такое разграничение весьма благоприятно и по сути представляет собой варианты развития талантов человека. Эти возможности позволяют поистине «быть человеком».

Но в классовом обществе различия также бывают «вертикальными»: они делят культуру на «высокую», «низкую», «среднюю» и т. п. и помогают поддерживать социальную иерархию, которая, естественно, подразумевает расистский подход.

Различия начинают определять богатство и статус, функция которых – обозначать и поддерживать принадлежность к классу. Это необходимо потому, что классы должны воспроизводить себя, что, как и в случае любой исключаящей коллективности, означает, что они должны воспроизводить своих членов. Для этого недостаточно воспроизводить богатство, хотя богатство и является хребтом системы, поскольку оно передается по наследству, в связи с чем необходимо определять, кто достоин его унаследовать. В этом помогают семейные и прочие связи, в поддержании которых ключевую роль играет регулирование вкусов. Сложная иерархия статуса

и собственности также определяется тем, с кем дети вступают в брак, в каких школах они учатся, с кем дружат, на каком языке говорят, в какую церковь ходят, какой у них цвет кожи, прическа и форма тела. Культурная индустрия контролирует доступ: фактически она функционирует как западный эквивалент кастовой системы – сеть эксклюзивных агентств по трудоустройству в сговоре с гигантским брачным агентством.

Эти два типа различий имеют область пересечения, но по сути противоречат друг другу. Любой может играть на скрипке, но только привилегированные классы считаются достойными этим заниматься. Вертикальные различия основаны на ограничении доступа и исключении, чтобы обозначить тех, кто достоин места на каждой ступеньке социальной лестницы. Такая исключительность полностью противоречит количеству способностей обычного человека, которому соответствует количество возможностей в горизонтальной классификации.

Тогда каким образом «креативные индустрии» смогли стать отраслью массовой культуры? Это стало возможным, поскольку различия в ней покупаются на свободный остаток личного дохода, что и определило доступность для широкого круга людей. Тот факт, что свободный остаток личного дохода концентрируется на верхних уровнях общественной иерархии, ничего не меняет: каждый новый продукт капитализма – одежда из хлопка, путешествия по железной дороге, автомобиль, телевидение – сначала является предметом роскоши, а затем, по мере снижения затрат и роста экономии на масштабе, становится статьей бюджета все большего количества людей. В 1996 году была достигнута «точка перехода»:

как показал опрос жителей Великобритании, средняя семья тратила больше на «досуг», чем на физическое потребление. С тех пор этот разрыв продолжал расти. Конечно же, при распределении этого общего показателя по группам дохода выясняется, что небазовые категории потребления в основном востребованы среди богатых. Но это неважно; главное то, что теперь это массовый источник спроса. Масштабность этого изменения можно проиллюстрировать следующим примером: совокупная капитализация «семи гномов» медиаиндустрии (Time-Warner, Bertelsmann, Disney и т. д.) к 2016 году превысила доход любого из нефтяных гигантов.

Концепция «культуры» позволяет отчасти пролить свет на этот процесс, но с самого начала подходит к нему с «неправильной» стороны, интересуясь тем, каков его продукт. Вместо этого следовало бы спрашивать, каким образом он производится.

Отсюда, в свою очередь, возникает вопрос о том, почему растет свободный доход населения. Частично это связано с ростом общего уровня доходов, но такое упрощение не оговаривает его причину: падение затрат. Продуктивность труда в отраслях, производящих материальные товары, сейчас настолько высока, что доля труда индустриальных обществ, необходимая для производства таких товаров, снизилась до 15–20 % рабочей силы. В связи с этим все больше отраслей ориентируется на производство не количества, а разнообразия.

В ходе этой мутации возникает новый элемент ментального содержания производимых товаров: стремление выделиться. Покупатель футболки, спортивных брюк, музыкального трека, кинофильма или билетов на хоккейный матч хочет получить

определенный рисунок, модный фасон и т. д. и платит не только за то, чтобы одеться или развлечься, но за то, чтобы сделать это особенным способом, который отличает его или ее от других. Изготовитель удовлетворяет запрос на отличие, которое становится дополнительным компонентом использования продукта. Когда клиент платит в пять раз больше за чашку ручной работы (по сравнению с чашкой серийного производства), то он платит за возможность быть гордым и исключительным владельцем особенной чашки; не за то, чтобы пить из нее больше чая или чай лучшего качества.

Потребность в том, чтобы отличаться от других, по своей природе является предикативной. Конечно же, покупатели всегда выносят примитивное суждение о том, удовлетворяет ли предмет их покупки «базовую» потребность – чашка должна удерживать в себе чай, машина – ездить, туфли – подходить по размеру и так далее. Но при появлении стремления выделиться возникает новый элемент, а вместе с ним – дизайн, который становится универсальной характеристикой производства. Прошли те дни, когда Генри Форд говорил своим клиентам: «Можете выбрать любой цвет, какой хотите, если он черный». Теперь каждая модель должна отличаться: по цвету, стилю, аксессуарам, эксплуатационным характеристикам или гаджетам. Социальный статус покупателя обратно пропорционален количеству людей с таким же автомобилем, что подтверждают многочисленные рекламные стратегии и слоганы – *My Other Car is a Porsche* («...а еще я езжу на Порше»), *The Car In Front is a Toyota* («Машина впереди – это Тойота») и так далее. Наряду с жадностью, зависть становится двигателем экономического прогресса.

Но таким образом мы приходим к истокам новой структуры креативного производства: возможностей механического вычисления недостаточно, чтобы понять, каким образом можно достичь цели, если критерием ее достижения является суждение, которое будет вынесено в будущем. Между вычислением и потребителем втискивается новое действующее лицо: творец. В игру вступает креативный человеческий труд, позволяющий находить способы удовлетворения предикативных потребностей.

Это имеет место на всех этапах креативной цепочки. Продюсер фильма (кинематограф во многих смыслах является архетипичным в этой области) привлекает большую группу людей, от операторов до гримеров, каждый из которых отвечает предикативному требованию. Их функция заключается в том, чтобы решать проблемы и интерпретировать потребности исходя из сложной коллективной задачи создания гигантского продукта – современного кинофильма.

Иными словами, креативный труд занимается такими задачами, которые не могут быть механизированы.

Снова приведем пример, позволяющий судить о масштабе явления. Согласно вычислениям, которые мы выполняли для Администрации Большого Лондона (Greater London Authority, GLA) с использованием методологии, разработанной ими в сотрудничестве с австралийским Квинслендским технологическим университетом и затем усовершенствованной до уровня непротиворечивого и статистически обоснованного метода (Bakhshi et al., 2013) совместно с Национальным фондом науки, технологии и искусств Великобритании (NESTA), каж-

дый шестой житель Лондона к 2008 году занимался креативным трудом. Исследования среди населения США и Канады (Nathan et al. 2016, Freeman, Miles, 2021) показали, что доля работников креативной индустрии составляет как минимум 12 % рабочей силы; сходные результаты получены и для других стран. Доля трудоустроенных в креативной индустрии также растет, и достаточно быстро: к 2016 году в Великобритании она составляла 8 %, обогнав все другие промышленные отрасли. Таким образом, эту область производства характеризует исключительная динамика. Какова ее природа и движущие силы?

Ответ кроется в определяющих характеристиках креативного труда: его польза сконцентрирована в четко очерченном круге отраслей. Это креативные индустрии. Согласно нашим исследованиям, в них трудоустроено в 10–20 раз больше работников креативных специальностей (пропорционально численности персонала), чем в других отраслях. Иными словами, творческий труд стал производительной силой. Это определяющая характеристика целой ветви индустрии.

Творческий труд как производительная сила

Для того чтобы четко сформулировать стоящую перед нами проблему, мы должны ответить на простой вопрос: почему такую работу не могут выполнять машины?

Для этого нужно понять, какой именно аспект механического вычисления не позволяет ему обеспечить решение для предикативных запросов. Дело не

только в его повторяемости, хотя здесь уже есть зацепка. Основное ограничение состоит в том, что повторяемые операции основаны на конечном наборе объектов. Их количество может быть, фактически, очень малым – у Тьюринга есть знаменитое доказательство того, что любая программа может быть разложена на бинарные операции. Современные компьютерные языки менее аскетичны, но их алгоритмы сводятся к фиксированному набору элементов, заданному заранее. В своем руководстве по «языку С» Керниган и Ричи перечислили абсолютно все его возможности. Этот список можно прочитать за пару часов.

Механизация, по сути, состоит в бесконечном повторении конечного числа идентичных действий или их последовательностей. Таким образом, это не что иное, как ментальное воспроизведение физического принципа массового индустриального производства. Невероятный рост продуктивности вслед за появлением прялки «Дженни», кольцепрядильной машины, ткацкого станка Аркрайта, парового двигателя и всей остальной атрибутики викторианского стим-панка произошел просто потому, что эти машины могут повторять одно и то же действие снова и снова; более того, они могут быть реплицированы, то есть такое действие выполняет целая армия машин; еще они могут быть ускорены, то есть результат воспроизводится в сто, тысячу, сто тысяч раз быстрее, чем если бы это делал человек.

Вместе с тем, мы, к сожалению, забываем о том, что предпосылкой механического производства является механический труд; об этом нам напоминает Браверман. Поэтому, когда Бодрунов пишет, что примитивные люди не имели представления о машине, он выражает распространенное убеждение, которое

требует корректировки. С самых ранних дней своего существования трудовая деятельность состояла из повторяемых, то есть механических, действий. Повторение – неотъемлемая характеристика жизни, причем не только человека, но и животного мира: смена времен года, чередование дня и ночи, движение планет, ритмические действия, такие как ходьба, стук, разжевывание и т. д. Даже примитивные боги наделялись ответственностью за поддержание ритмов природы – бог Солнца должен был включать свет утром, прочие боги – отделять друг от друга времена года и управлять погодой; в греко-римском пантеоне существовал бог для каждой планеты. Такова была божественная механика Вселенной.

Такие сооружения, как Стоунхендж, были предназначены для вычисления: само слово «вычисление» (computation) происходит от термина на вульгарной латыни «Computus» (McCarron 2019), который означает расчет даты Пасхи – повторяющееся событие большой важности для примитивных людей из-за его связи с солнцестоянием и странным несопадением между лунными и солнечными годами.

Более того, самые ранние инструменты, такие как каменное зубило, были созданы на основе механического принципа. Вращающиеся механизмы появились достаточно рано; возможно, при появлении боевой колесницы. Таким образом, сорок тысяч лет механической активности подготовили викторианцев к изобретению машин: им оставалось лишь сконструировать устройства, которые сначала имитировали, а затем и заменили ритмические действия людей в процессе производства.

Таким образом, механическая активность всегда была универсальной характеристикой жизни; что

касается индустриальной эпохи, то ее достижение заключалось в переносе субъекта этой активности с небес на фабрику. Пожалуй, можно было бы назвать уходящий этап капитализма «механическим», а не «промышленным», как его принято именовать.

Вычисление – лишь дитя механической эпохи. Нас не должно удивлять то, что способ производства, в котором доминирует механический труд, порождает в качестве своего характерного ментального объекта механическое мышление.

Здесь, однако, мы встречаемся с ограничениями механической эпохи и начинаем осознавать центральное значение креативного труда для новой продуктивной системы. Механические действия состоят в повторении, но повторять можно только то, что может многократно быть идентичным. Предикативные объекты, напротив, характеризуются изменчивостью. Вследствие этого достигается некий абсолютный предел возможностей механизации, что приводит нас к порогу – точнее, порождает необходимость – в ноономике. Результатом становится трансформация труда.

Как уже говорилось выше, за последние семьдесят лет характер трудовых ресурсов в индустриализированных экономических системах радикально трансформировался. Все материальные товары, произведенные в США, поступают из отраслей, в которых занято лишь четырнадцать процентов трудовых ресурсов. Следовательно, восемьдесят шесть процентов трудовых ресурсов США занято не в физическом производстве, а в том, что (ошибочно) называют производством «услуг». Похожее соотношение наблюдается во всех полностью индустриализированных экономических системах. Более того, данное

явление также трансформирует сам процесс индустриализации: в Китае, несмотря на быстрый спад численности рабочей силы в сельскохозяйственной отрасли, наблюдается также спад трудоустройства в производственных отраслях и его рост в сфере «услуг»; не потому, что промышленность Китая находится в упадке, но потому, что рост продуктивности опережает рост производства; иными словами, все меньше работников требуется для производства большего количества продукта. В этой ситуации «стадии» экономического роста Ростоу уже не применяются; ментальное будущее человечества уже стучится в дверь.

Это бросает вызов глубоко укоренившимся предрассудкам традиционной экономики, в частности утверждению о том, что капитал и труд взаимозаменяемы – тезисом, который преподносится новичкам в экономике как аксиома и фундамент для всей доктрины. Студенты изучают неоклассическую совокупную производственную функцию

$$Y = f(K, L),$$

где Y – результат, K – «количество» капитала (что бы это ни значило) и L – количество труда. Их учат, что любое сочетание L и K дает определенный результат, что кривая Y является «выпуклой» (выпирает наружу) и что вследствие этого, с учетом цены труда и цены капитала, существует оптимальный выбор L и K , при котором либо результат доводится до максимума для конкретного бюджета, либо затраты сводятся к минимуму для конкретного результата.

Как экономика, так и популярная журналистика делают вывод о том, что по мере падения цены

К капитал заменяет труд. Та же идея популярна среди масс, которые считают (часто из-за столкновения с жестокой реальностью, вызванной той деструктивной формой, которую эти процессы принимают в рамках капитализма), что индустриализация неизбежно приводит к сокращению рабочих мест.

Но на креативный труд эта формула не распространяется.⁸ Машины могут увеличивать продуктивность человеческого труда, но не могут просто взять и заменить его. Наше лондонское исследование (Freeman, 2002) показало, что креативные индустрии являются частью «доброкачественной революции продуктивности» – они повышают производительность без сокращения трудовых ресурсов, которые фактически быстро растут.

Дело в том, что в новой форме производства капитал ведет себя уже не как замена труду, но как его дополнение. Производство креативных продуктов может быть только увеличено путем найма большего количества работников креативной сферы и больших капиталовложений – особенно в сферу ИКТ, но также и в инфраструктуру, например площадки для проведения мероприятий. Этого невозможно достичь, вытесняя труд, для которого в этой системе нет замены.

В определенном смысле, это логическое следствие механической стадии экономического роста: если машины вытесняют труд, но трудовые ресурсы

⁸ Обозначение понятия, идущего в паре с «трудом», как «капитал» – не очень удачная идея, поскольку фактически невозможно рассчитать «количество» капитала, а также по другим причинам, исчерпывающе раскрытым Фелипе и Маккомби (Felipe and McCombie, 2013). Однако моя цель заключается в том, чтобы показать изъян неоклассического аргумента о взаимозаменяемости, который я представляю в его же собственной терминологии.

остаются, это не может продолжаться бесконечно. Чем занимается незадействованная рабочая сила? Тем, что недоступно машинам.

Вместе с тем, существует социальное ограничение для реализации этого потенциала, подчеркивающее одно из противоречий, о которых мы говорим в итоговом разделе. Людям остаются задачи, которые ставят перед ними масштабные отрасли, где человеческий труд предпочитают машинному: уход и гостеприимство. В настоящее время эта работа обычно неблагодарная, как с точки зрения нагрузки, так и по уровню вознаграждения. Во многих государствах, особенно в «странах третьего мира», работники не могут найти постоянного трудоустройства и скапливаются в трущобных пригородах.

В целом можно заключить, что замена механического труда машинным сама по себе не создает массовую потребность в продуктах креативного труда, но лишь создает условия для ее появления. Поскольку покупка креативных продуктов зависит от уровня дохода, вопиющее неравенство, характерное для современных экономических систем, делает их доступными в основном для обеспеченных социальных групп.

Кроме того, появляется новое ограничение со стороны предложения. Креативный труд, как и любой другой, производится не в рамках капиталистической системы, но «воспроизводит» сам себя в семье и через индивидуальные практики. Однако, в отличие от механического, недифференцированного труда, его креативная составляющая также должна воспроизводиться, что требует гораздо более существенных ресурсов. Для этого требуется образование, доступ к ресурсам (музыкальные ин-

струменты, материалы для занятия искусствами, спортивные залы, компьютеры) и, не в последнюю очередь, время для занятий. Но зарплатная система не финансирует это; еще менее об этом заботится непредсказуемая по своей природе «экономика фриланса», к которой обычно относятся такие сферы производства, за исключением программирования и других отраслей, научившихся стабилизировать производственные процессы или достаточно быстро расширяющихся для того, чтобы работников можно было быстро перевести на следующий проект.

Эти две реалии – ограниченный спрос на креативные продукты, связанный с разрывом в уровне доходов, и ограниченное предложение креативного труда, связанное с неспособностью существующих имущественных отношений обеспечить его производство и воспроизводство, представляют собой основные барьеры для роста и потенциала новой продуктивной системы. Мы утверждаем, что такие ограничения неразрывно связаны с природой капиталистических имущественных отношений.

Капитализм и будущее ментального производства

Анализ в духе подхода Маркса (под влиянием которого написано и данное эссе) традиционно предполагает, что новая производительная сила должна войти в противоречие с существующими производственными отношениями, и это противоречие должно дать импульс для дальнейшей эволюции общества. Но даже в неоклассическом анализе было бы недостаточно просто отметить достижения и потенциал

новой производительной силы; пришлось бы спросить, какие новые проблемы с ней связаны и каковы факторы, ограничивающие ее полное развитие.

Мы уже упоминали две такие проблемы. Вот они:

- Угнетенный характер спроса на товары креативной индустрии из-за имущественного неравенства и ограниченных возможностей использования трудовых ресурсов, вытесненных механизацией.
- Конфликт между общественным характером ментальных благ и частным характером присвоения.

К этим проблемам можно добавить третью, которую можно озаглавить «за пределами количества»:

- Чисто количественный характер механического мыслительного процесса.

Первое затруднение можно переформулировать как неспособность современного общества сделать креативность универсальной характеристикой человеческой жизни, то есть сделать полное и свободное развитие присущей человеку способности создавать и наслаждаться плодами созидания реальным и материальным правом всех граждан.

Мы уже отчасти обсудили первую проблему. В отличие от второй проблемы, можно придумать простые механизмы перераспределения, чтобы ее разрешить: такие как существенное снижение неравенства, значительное увеличение финансирования образования, гарантированный минимальный доход; такие меры будут давать работникам достаточную свободу от угрозы не заработать на жизнь, чтобы уделять время саморазвитию и делать перерывы между рабочими проектами и т. д.

Гораздо более серьезной проблемой является противодействие со стороны института интеллектуальной собственности (ИС), который определяет способ получения дохода креативными работниками и их работодателями. Здесь самое главное уяснить, что именно позволяет креативным компаниям генерировать стабильный источник дохода и как распределяется этот доход.

ИС критикуют как правые, так и левые; при этом у аргументов критики неожиданно много общего. Вместе с тем, обе линии критики, по моему мнению, не учитывают самое существенное: то, что креативным компаниям все же требуется доход для того, чтобы оплачивать труд создателей, а компаниям, занимающимся организацией представлений и распространением, нужен доход, чтобы платить за труд исполнителей и распространителей.

Левая линия критики (Бузгалин, 2017, Buzgalin, Kolganov 2017) сосредоточена на ограничениях, которые ИС устанавливает на свободный доступ к ментальным продуктам. Как мы уже говорили, в их абстрактной форме, независимой от любого физического воплощения, ментальные объекты являются общественными благами, неисключаемыми и неизолируемыми. Более того, затраты на их воспроизведение в этой абстрактной форме, независимо от использования, ниже, чем затраты на их создание. Печать музыкальной партитуры или книги почти ничего не стоит по сравнению с тем трудом, который композитор или научный работник затрачивает на их создание.

Такие товары составляют новый тип общих благ – они бесконечно доступны для использования всеми без ограничений. Институт ИС, в этом кон-

тексте, рассматривается как новый вид огораживания, современный пример преступления, которое фигурирует в колкости Рикардо, направленной против землевладельцев: они «любят пожинать там, где не сеяли». Тогда доход от ИС – это особый вид ренты, который возникает исключительно из права собственности, вне связи с производством.

От правых исходит непопулярная критика со стороны современных австрийцев, для которых ИС составляет препятствие свободной конкуренции и ограничение торговли. Создается искусственная монополия, не позволяющая новым участникам выходить на рынок сразу же после появления новой технологии; это подавляет конкуренцию, которая могла бы способствовать ее максимально эффективному использованию. На самом деле критика либертарианского права достаточно примечательна, чтобы процитировать ее. Хьюберт (Heubert, 2010) дает следующее пояснение на сайте института Мизеса:

«В течение долгого времени либертарианцы высказывали противоречивые мнения об «интеллектуальной собственности» (ИС). С одной стороны, либертарианцы поддерживают права собственности, поэтому ИС, по идее, не должна вызывать у них возражений. С другой стороны, ИС наделяет некоторых людей правом использовать власть для того, чтобы ограничивать слова и действия других людей...

Люди, которые ввели в действие законы об ИС, тем самым ... не признали некое исконное природное право собственности, а просто предоставили временную привилегию. Это очевидно из формулировки пункта 8 раздела 8 Статьи I Конституции США, который дает Конгрессу «полномочия продвигать прогресс науки и полезных искусств путем закре-

пления за авторами и изобретателями исключительного права на их произведения и открытия на ограниченный срок». Формулировка свидетельствует о том, что Конгресс предоставляет положительное право для использования с конкретной целью, а не признает некое исконное, природное право.

Этому можно противопоставить, например, первую и вторую поправки, гласящие, что некоторые права «не должны ущемляться», подразумевая, что такие права уже существуют. Конгрессу не нужно было предоставлять эти права, потому что их источник – право индивида на жизнь и собственность. Следовательно, такие права предстояли формированию правительства...

Современное поколение либертарианских ученых, придерживающееся традиции «природного права», в основном отвергает законность ИС. Наиболее влиятельной фигурой в этой интеллектуальной революции стал юрист и ученый-правовед Стефан Кинселла (Stephan Kinsella), чья статья «Против интеллектуальной собственности» («Against Intellectual Property») появилась в издании *Journal of Libertarian Studies* в 2001 году и была отдельно опубликована в качестве монографии в 2008 году. Согласно Кинселле, проблема ИС заключается в том, что право на нее не основано на правах собственности — а это является обязательным требованием ко всем либертарианским правам — и фактически требует от правительства нарушить права собственности для своей реализации (MisesInstitute).

Оба примера анализа имеют одну и ту же проблему: они полностью игнорируют роль труда, не только в создании ментальных объектов, но и в их использовании, особенно в производстве. В любом

случае, нельзя оставить творцов без компенсации, или же они не смогут зарабатывать себе на жизнь творческим трудом и в связи с этим прекратят создавать.

Хотя на поверхности либертарианское право, по крайней мере, поднимает проблему доходов, оговаривая первоначальную цель патентного права и защиты авторских прав, оно все еще (как и следует ожидать от традиции, в которой собственность задумывается как собственность в отношении труда, а не только вещей) критический момент заключается в том, что основная часть креативного труда состоит не в создании, а в воспроизведении – в частности, но не исключительно, в исполнении и распространении; эти действия составляют значительную часть того, что происходит в креативных индустриях, не говоря уже о научных.

Значительный объем креативного труда состоит в том, чтобы сделать его полезным, реализовав в компании материальных объектов, заряженных ментальным содержанием, за счет которого они работают. Чисто физический аспект такого труда компенсируется заработной платой, как и труд викторианского подручного работника. Но ментальный элемент труда креативного работника формируется вне процесса производства, в его образовании и саморазвитии, в условиях, которые позволяют ему применить ментальную технологию не просто эффективно, то есть в традиционном механическом смысле, с минимизацией времени труда, затраченного на выполнение работы, но в предикативном смысле процесса созидания, в котором должно быть обеспечено соответствие креативного объекта определенной социальной потребности. Это, кстати,

подразумевает включение в процесс созидания социально заданных этических целей: продукт творческого процесса не должен поощрять токсичную деятельность, должен способствовать сохранению окружающей среды и т. д. Потребности генерируются не только индивидами, но и обществами; типичный изъян австрийского мировоззрения заключается в отрицании этого факта.

Хьюберт не признает, что простая эффективность уже не является единственным критерием, применяемым к полному развитию как социально-го, так и экономического потенциала любой новой технологии. Но точно так же левые критики ИС не признают, что такое развитие требует труда и этот труд необходимо материально поддерживать и расширять за счет продукта такой деятельности.

Воспроизведение любого абстрактного ментального объекта требует воспроизведения всех физических форм, в которых он существует, в том числе психики и организма работника, который его выполняет. Следовательно, практический эффект ИС состоит в том, чтобы создать поток дохода, за счет которого, если применять его продуктивно, можно организовать поддержание воспроизведения и использования ментальных объектов. Проблема заключается не в существовании ИС, но в том факте, что она не достигает цели, ради которой была введена в правоприменительную практику. Как и любая другая форма ренты, она живет своей собственной жизнью, отдельной от работника, который создает ее. Не существует механизма, который обеспечивал бы ее применение продуктивным образом, либо таким образом, чтобы кормить и поддерживать труд создателей и креативных пользователей ментальных

объектов, которые они производят; еще в гораздо меньшей степени – обеспечивать социальные условия, необходимые для их полного развития – школы, время на творческое развитие, функционирующие семейные и другие социальные отношения, поддерживающие созревание юношества до креативной стадии, и так далее.

В связи с этим этот институт принимает токсичные формы. Становление зависти в качестве основной детерминанты спроса порождает доминирование необязательных и фривольных потребностей (Panayotakis, 2021). Поддержание ограничивающих высокотехнологичных монополий, неотъемлемых от доминирования стран с высокоразвитой экономикой (Freeman, 2019), приводит к извращенным реакциям: например, таким, как попытки США перекрыть переток своих технических знаний в другие страны вместо того, чтобы наращивать его; об этом свидетельствует стремительная эскалация торговой войны с Китаем. Защита форм ИС, которые сосредоточены только на выжимании ренты, приводит к созданию таких положений, как, например, продление периода всех прав ИС до 70 лет в 1996 году. Такие меры только полностью ограничивают возможность получения дохода для физических лиц и превращают интеллектуальную собственность в частную территорию корпораций.

В то же время практики трудоустройства в креативном секторе, особенно в «экономике фриланса», практически не дают креативным работникам стабильности даже в минимальной степени по сравнению с зарплатной схемой. Представление о том, что креативное производство может быть полностью бесплатным для всех, без каких бы то ни было мер

по обеспечению стабильного дохода для работников креативной сферы, практически неприменимо. Задача здесь заключается в том, чтобы разработать альтернативные правовые механизмы, обеспечивающие такую стабильность, а также удовлетворение социальных и экологических потребностей, путем обеспечения вознаграждения креативной деятельности пропорционально ее реальному вкладу в жизнь общества.

Ключевой вопрос о том, «откуда берется доход креативного работника», приводит нас к проблеме, которая является центральной для будущего креативного производства и которая простирается гораздо дальше, чем «креатосфера» Александра Бугалина или вообще любая воображаемая граница, которую мы можем попытаться воздвигнуть между физическим и ментальным производством: предел для производства и человеческого развития задается частной собственностью как таковой, а не просто частным владением интеллектуальными продуктами. Традиционная экономическая наука руководствуется допущением о том, что владелец продуктивного процесса платит тем, кто собственно занимается производством, используя зарплатную схему.

Ключевой идеологический предрассудок, связанный с этой идеей, заключается в том, что частный владелец как представитель капитала, инвестированного в предприятие, является истинным источником создаваемого богатства, которое он великодушно распределяет между зарплатными работниками. Но в сфере креативного производства этого не происходит, поскольку основной объем труда в ней состоит не в создании, а в креативном

воспроизводстве. Вместе с тем, это разрушает связь между работниками отрасли и «владельцем» интеллектуального продукта, который в идеале мыслится как создатель, но в наши дни чаще всего является безликой корпорацией, которая присвоила все права, относящиеся к «оригинальному» продукту. Владелец патента или авторского права не заинтересован в обеспечении средств к существованию огромной армии работников, занятых в ментальной обработке контента для производства товаров потребления, и не обеспечивает им зарплату. Эта огромная армия, таким образом, лишена настоящего, стабильного источника дохода, подобно безземельному крестьянину средневековых времен, чьей высочайшей целью было найти господина.

На самом же деле требуется система распределения, которая обеспечивает для этой армии средства к существованию на основе принципа права: художники, исполнители и создатели имеют право на доход не потому, что они чем-то владеют, но потому, что они производят, и потому, что производимое ими ценно для общества. Такой принцип преодолевает границы частной собственности и требует признания и внедрения принципа социальной собственности в отношении креативности и социальной ответственности за ее поддержание.

Но это, в свою очередь, не только проблема «ментального» труда в противоположность физическому, или «ментальной» собственности в противоположность физической: это универсальная проблема любого труда и любой собственности, поскольку, как мы показали, ментальная активность и ментальное содержание являются неотделимым компонентом любого человеческого производства. Даже

самый низкоквалифицированный работник использует как руки, так и мозг; это неотъемлемая особенность человека. То, что кажется новой проблемой отчуждения ментального работника от ментальных средств производства, на самом деле просто сдвиг ракурса, ставящий в центр внимания это препятствие для дальнейшего развития производительных сил человечества.

Следовательно, решение заключается в том, чтобы двигаться с максимально возможной скоростью в сторону поистине общественного владения всей собственностью, а также к универсальному признанию того, что любой труд, создающий богатство и основанный на использовании такой собственности, имеет право на достойное вознаграждение из полученной прибыли, так же как и любой другой труд, на основании справедливости, а не привилегии и тем более алчности.

Список литературы

- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М: Культурная революция.
- Бузгалин А.В. (2017) Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Экономическая социология, 7. с. 43-53.
- Маркс К. (1960). Капитал, т. I. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат
- Bakhshi, H., Freeman, A., Higgs, P. (2013). A Dynamic Mapping of the UK's Creative Industries. London: NESTA.
- Bakhshi, H., Davies, J., Freeman, A. (2016). The geography of the UK's creative and high-tech economies. London: NESTA.
- Baumol, W. J., Bowen, W.G. (1966). Performing Arts, The Economic Dilemma: A Study of Problems Common to Theater, Opera, Music, and Dance. Cambridge Mass.: MIT Press.
- Baumol, H., Baumol, W. J., Rubinstein A. (1990). On The Economics Of The Performing Arts In The USSR And The USA: A Preliminary Comparison Of The Data // Working Papers 90-36, C.V. Starr Center for Applied Economics, New York University.
- Borofsky, R. (1998) 'Cultural Possibilities' in UNESCO / World Culture Report
- Bourdieu, P. (1984) Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Harvard University Press.
- Buzgalin, A., Kolganov A. (2013). The Anatomy of Twenty-First Century Exploitation: From Traditional Extraction of Surplus Value to Exploitation of Creative Activity // Science and Society, 77(4). Pp. 486-511.
- Carey, J. (2005). What Good Are The Arts. Faber and Faber.
- Carlyle, T. (1829) Signs of the Times [The Mechanical Age]. Edinburgh Review. Vol. xlix, p.439
- Desai, R. (2013). Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire. London: Pluto Press.
- Eagleton, T. (2016) Culture. New Haven and London: Yale
- Elias, N. (1939/2000). Über den Prozess der Zivilisation. Haus zum Falken / English transl. The Civilizing Process. Oxford: Blackwell.
- Felipe, J., McCombie J. (2013) The Aggregate Production Function and the Measurement of Technical Change: Not Even Wrong. Cheltenham: Edward Elgar
- Freeman, A. (2002). Creativity: London's Core Business. London: GLA
- Freeman, A. (2015). [2015a]High End Labour: the foundation of 21st Century Industrial Strategy / Valдай Discussion Club. URL: https://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai_paper_26_high_end_labour_the_foundation_of_21st_century_industrial_strategy/ (date of access: 15 august, 2015)
- Freeman, A. (2019) Divergence, Bigger Time: The unexplained persistence, growth, and scale of postwar international inequality // Geopolitical Economy Research Group Data Project Working Paper, 2.
- Freeman, A., Miles, G. (2021) Culture in a time of Covid: An Early Warning Reporting System for Canada's cultural and creative economy. Unpublished Manuscript

- Gürak, H.* (2012). *Heterodox Economics, Foundations of Alternative Economics*. Frankfurt: Peter Lang Int. Publ.
- Gürak, H.* (2015). *Economic Growth and Development, Theories, Criticisms and an Alternative Growth Model*. Frankfurt: Peter Lang Int. Publ.
- Heubert, J.H.* (2010). *Libertarianism Today*. Praeger.
- Inwood, M.* (1992). *A Hegel Dictionary*. Oxford: Blackwell.
- Kliman, A. J.* (2007). *Reclaiming Marx's Capital: A Refutation of the Myth of Inconsistency*. Lanham, MD: Lexington.
- McCarron, M.* (2019). *Bede and Time: Computus, Theology and History in the Early Medieval World*. Routledge.
- Mumford, L.* (1938). *The Culture of Cities*. London: Martin Secker and Warburg
- Nathan, M., Kemeny T., Pratt A., Spencer G.* (2016). *Creative Economy Employment in the US, Canada and the UK*. London: NESTA.
- Panayotakis, C.* (2021). *The Capitalist Mode of Destruction: Austerity, Ecological Crisis and the Hollowing out of Democracy*. 1st edition. Manchester University Press.
- Swetz, F., Smith D.* (1987). *Capitalism and Arithmetic: The New Math of the 15th Century, Including the Full Text of the Treviso Arithmetic of 1478, / Transl. by David Smith*. Open Court Publishing.
- Throsby, D.* (2001). *Economics and Culture*. Cambridge: CUP
- Williams, R.* (1987). *Keywords: a Vocabulary of Culture and Society*. London: Fontana
- MisesInstitute. URL: <https://mises.org/library/fight-against-intellectual-property>
- Wikipedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Public_good_\(economics\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Public_good_(economics))

Прогностический потенциал нономики для обоснования стратегии развития

Андрей Колганов

Заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор (Россия)

Построение стратегии социально-экономического развития общества, что касается как выдвижения дальних целей развития, так и выбора средств для достижения этих целей, неэффективно без опоры на теоретические разработки, обладающие прогностическим потенциалом. Между тем сейчас наблюдается явный недостаток научных концепций, которые давали бы нам ориентиры для принятия далеко идущих стратегических решений.

Некогда популярная концепция постиндустриального общества несмотря на то, что некоторые ее прогнозы, сделанные в 60-е – 70-е годы прошлого века, вполне подтвердились, так и не смогла дать обоснованную целостную картину перспектив социально-экономического развития. Ее основная посылка оказалась ложной – мировая экономика так и не стала постиндустриальной¹, несмотря на значительное сокращение удельного веса индустриаль-

¹ С этим оказались согласны и крупнейшие американские экономисты и социологи (Иноземцев, 1998).

ного сектора в развитых странах. Однако в целом в мировой экономике не происходит ни сокращения удельного веса индустриального производства, ни сокращения занятости в индустриальном секторе. Фактически выдвигание концепции «постиндустриализации» является маскировкой реально происходившего в ходе капиталистической глобализации переноса индустриального производства из развитых стран в развивающиеся с целью эксплуатации более дешевой рабочей силы (Smith, 2012).

Итак, несмотря на то, что идеи постиндустриализма приобрели немалую популярность и сам термин «постиндустриальное общество» широко применяется (часто без осмысления его реального содержания), постиндустриализм никак не может претендовать на то, что он открывает нам глаза на будущее человечества.

Тем интереснее представляется научная гипотеза движения современного общества в направлении ноономики (неэкономического способа хозяйственной деятельности), развитая в последних публикациях профессора С.Д. Бодрунова (Бодрунов, 2018b). Ее можно оценить как весьма многообещающий теоретический и методологический отправной пункт для проведения исследований, направленных на изучение перспективных тенденций эволюции хозяйственных систем. Что позволяет рассматривать концепцию ноономики именно как научную методологическую платформу для дальнейших исследований? Тот факт, что она опирается на обобщение целого ряда реальных объективно сложившихся тенденций технологического и социально-экономического развития.

Те технологические тенденции, из которых исходит концепция ноономики, это повышение зна-

ниеинтенсивности современного производства, повышение знаниеемкости производимого продукта, прогрессирующее вытеснение человека из материального производства и повышение роли научных знаний и информации в технологическом развитии, что ведёт, соответственно, к углублению интеграции производства науки и образования. Кроме того, очень важно значение исследования в рамках концепции ноономики таких тенденций, как возрастание в ходе технологического развития ресурсной нагрузки на природную среду, и расширение возможностей прямого вмешательства в природу человека, поскольку эти тенденции задают границы существования нынешнего экономического устройства общества.

Рост значимости знания как фактора экономического развития, с тех пор как Карл Маркс выдвинул тезис о том, что производство превращается в «материально творческую и предметно воплощающую науку» (Маркс, 1969, с. 221), неоднократно подтверждался известными экономистами. Так, Альфред Маршалл, утверждал, что «знания – это наш самый мощный двигатель производства» (Marshall, 1920, р. 115). Йозеф Шумпетер также настаивал на том, что именно новая комбинация знаний лежит в основе инноваций, да и предпринимательской деятельности вообще (Schumpeter, 1911, р. 57), а сами знания являются главным двигателем экономического роста (Schumpeter, 1939). Значение получения и распространения знаний было подчеркнуто затем в 60-е – 70-е годы XX века с разных позиций в трудах Фрица Махлупа (Machlup, 1962), Джона К. Гэлбрейта (Гэлбрейт, 2008, с. 37) и Даниеля Белла (Bell, 1973). С тех пристальное внимание к роли знаний и к «эко-

номике» знаний стало непреходящей составной частью современной экономической науки.

Новое, что вносит в исследование этой тенденции С.Д. Бодрунов – это реконструкция тех последствий роста знаниеинтенсивности производства, которые отражаются в устройстве самой хозяйственной системы. Кроме того, взгляды С.Д. Бодрунова отличаются от популярных некогда прямолинейных интерпретаций данной тенденции в концепциях теоретиков «постиндустриального общества», которые видят в знаниях и информации не просто важнейший ресурс производства, но и важнейший результат человеческой деятельности. Концепция ноономики, также опираясь на факт роста значимости знаний и информации, делает иной вывод: о превращении современного производства в знаниеинтенсивное материальное производство, а его продукта – в знаниеемкий продукт (Бодрунов, 2018а, с. 8, 14). Тем самым подчеркивается значимость именно материального индустриального производства, вне технологического приложения к которому знания и информация не имеют хозяйственной ценности.

Концепция ноономики ставит вопрос не просто о переходе к новой фазе индустриального производства и индустриального общества. Она рассматривает и процесс вытеснения человека из процесса непосредственного производства с точки зрения анализа его влияния на социально-экономическое устройство общества. Подобные вопросы до сих пор были в основном ареной упражнений футурологов и публицистов, но ни экономисты, ни социологи не проводили сколько-нибудь глубокого исследования последствий этой тенденции с точки зрения теоретического категориального аппарата своей науки.

Несомненный рост технологического могущества человека позволяет создать основу для более полного удовлетворения потребностей, но одновременно оборачивается и возрастанием рисков, которые угрожают существованию человека, и угрожают утратой им своей собственной природы. Эти тенденции, которые отмечаются в работах С.Д. Бодрунова, находят полное подтверждение в тех реальных процессах развития пятого и шестого технологического укладов, которые мы наблюдаем сейчас. Все эти новые технологии совершенно очевидно обладают более высокой знаниеемкостью, чем технологии предшествующего этапа. Помимо этого, эти технологии характеризуются синергией различных отраслей научного знания в соответствии с происходящими процессами конвергенции технологий и формированием гибридных технологий (Roco, Bainbridge, 2004, p. 1). Именно этот рост знаниеемкости и эффекта синергии и конвергенции технологий как раз и обеспечивает одновременно понижение материалоемкости и энергоемкости выпуска продуктов и услуг. Мы видим на примере, скажем, аддитивных технологий, которые развиваются на основе использования технологий 3D-принтирования, что эти знаниеемкие технологии позволяют значительно снизить материалоемкость, создать высокую степень безотходности производства (Дресвянников, Страхов, 2018, с. 17) (Сулейманова, Погорелова, Марушко, 2018, с. 73). Подобным же ростом знаниеемкости характеризуются такие новейшие и тесно переплетающиеся между собой тенденции, как создание так называемых умных фабрик (Burke, Mussomeli..., 2017), использование промышленного интернета вещей (The Industrial..., 2016) (Buntz, 2019), применение

технологий искусственного интеллекта, применение способов управления технологическими процессами на основе автоматической обработки больших массивов информации, поступающих от встроенных датчиков. Кроме того, все эти тенденции обеспечивают вытеснение человека из непосредственного производства при возрастании роли творческой деятельности человека и функции целеполагания.

То же самое, что говорилось выше про аддитивные технологии, можно сказать и про новейшие биотехнологии, про нанотехнологии, квантовые технологии так далее. Фактически все современные технологии базируются на росте знаниеемкости производства и обеспечивают снижение, соответственно, материальной ресурсоемкости и вытеснение человека из процессов непосредственного производства.

Технологии шестого технологического уклада, и прежде всего информационно-когнитивные технологии (искусственный интеллект, интернет вещей, обработка больших данных...) дали новый толчок развитию робототехники. Универсальные промышленные роботы стали активно применяться на рубеже 70-х – 80-х годов XX века, ежегодный прирост их количества достиг десятков тысяч, но в 90-е годы этот рост резко замедлился. И лишь с середины 2000-х годов, именно тогда, когда стали практически применяться технологии шестого уклада, начался новый этап бурного роста промышленной робототехники. Если сопоставить число промышленных роботов с числом промышленных рабочих, то в 2017 году в США роботы составляли 2% (Robot..., 2018), в 2018 году в Германии и Японии – 3,3%, в Южной Корее – 7,7%, а в Сингапуре – 8,3% к числу занятых в промышленности. Огромными темпами наращи-

ваит количество промышленных роботов Китай. В 2018 году в КНР было установлено 154 000 промышленных роботов – больше, чем в США и Европе, вместе взятых (Welcome..., 2019, р. 8, 13).

Однако социально-экономические тенденции современной эпохи, развивающиеся на основе этого технологического прогресса, носят весьма противоречивый характер. С одной стороны, мы видим растущие технологические возможности удовлетворения потребностей человека, но с другой стороны мы видим и разбухание фальшивых, иллюзорных, навязанных потребностей при том, что для части человечества даже их насущные витальные потребности толком не удовлетворяются, а социальная поляризация растет. С одной стороны, происходит развитие методов сознательного регулирования социально-экономических процессов, но с другой стороны стихия рыночных процессов по-прежнему способна подрывать, расшатывать эти усилия, ввергая хозяйственную систему человечества в очередной кризис.

Новые возможности, которые создают современные информационные технологии для обработки больших массивов данных, используются не для придания хозяйственному развитию упорядоченного характера, а для манипулирования потребителем с целью навязать ему симулятивные потребности в погоне за расширением сбыта чего угодно, лишь бы это приносило прибыль (Мальцев, 2019, с. 67-68). На это обращают внимание не только критики современного капитализма, но даже и лауреаты Нобелевской премии по экономике, которых никак не причислишь к противникам свободного рынка и предпринимательства (Akerlof, Shiller, 2015). Гигантские затраты на маркетинг и рекламу свиде-

тельствуют о том, что потребителя теперь заставляют оплачивать не только издержки производства товара, но и те усилия, которые затрачены на то, чтобы навязать ему этот товар!

Развиваются процессы глобализации мирового хозяйства, что отражает объективную потребность в интернационализации производства, в росте взаимосвязанности и взаимозависимости мира. Но, с другой стороны, мы видим, что глобализация используется как инструмент борьбы некоторых влиятельных государств и сверхкрупных капиталистических группировок за мировую гегемонию (Stiglitz, 2002). Финансиализация мирового хозяйства, с одной стороны, обеспечивает сверхбыстрое перемещение капитала в максимальной ликвидной форме, тем самым расширяя возможности управления процессами структурной и технологической перестройки производства. Но, с другой стороны, она привела к разбуханию финансовой сферы, оттягивающей с производства реальные ресурсы и способной дестабилизировать реальный сектор экономики (Левина, 2006, с. 83-102).

Вот эти противоречивые процессы нашли отражение в тезисе о том, что сейчас мы вошли в ситуацию новой нормальности, и сам по себе этот тезис на самом-то деле выступает как замаскированная стыдливая констатация происходящего расшатывания основ мирового хозяйства. Возрастает волатильность рынков, ослабевают традиционные рычаги государственного регулирования, снижается уровень инвестирования в производство, падают темпы экономического развития и фактически заморожен рост благосостояния населения. Таким образом, с развитием технологий, с эволюцией современной

экономической институциональной системы мы видим как нарастание новых возможностей развития, так и нарастание угроз.

Среди наиболее серьезных таких угроз – возрастающая нагрузка на окружающую среду. Человечество в целом уже несколько лет, как превысило порог возможностей глобальной экосистемы к самовосстановлению, и сейчас мы движемся по пути усиливающегося разрушения условий собственного существования. Наряду с этим, несмотря на все попытки ограничить такого рода деятельность, нарастает угроза вмешательства в природу самого человека – как прямая, путем различных проектов перестройки его организма, вплоть до вмешательства в генетический аппарат, так и косвенная – путем информационного психологического и прочего воздействия на сознание и образ жизни человека.

Это заставляет нас всерьез относиться к выводу о приближении кризиса современной цивилизации, о приближении точки бифуркации, что настоятельно требует от нас поиска форм разрешения обостряющихся противоречий развития.

Именно на основе констатации этих фактов С.Д. Бодруновым делается вывод о том, что существует необходимость и объективная тенденция перехода к следующему поколению нового индустриального общества, которая бы обеспечило нам потенциал выхода из этих противоречий. И новое индустриальное общество второго поколения реконструируется в концепции ноономики как раз как вывод из анализа и тех возможностей, которые сейчас существуют в развитии, и тех противоречий, которые создаются современным этапом развития человеческой цивилизации. Хотя переход к новому

индустриальному обществу второго поколения открывает возможности существенно смягчить указанные противоречия, однако их полное преодоление требует качественного преобразования всего устройства современного общества и, естественно, способов его хозяйственной деятельности как в силу того, что мы видим новые возможности, создаваемой технологическим развитием, так и в силу того, что эти возможности в рамках современного экономического устройства неизбежно влекут за собой разрушительные тенденции.

Фактически требуется выход не просто за пределы капиталистической общественной системы, а выход за пределы экономического общества вообще. Надо сказать, что прогноз наступления посткапиталистического и постэкономического общества достаточно давно был сделан в марксистской традиции, но надо сказать, что концепция будущего общества у профессора Бодрунова отличается от этого марксистского прогноза по целому ряду направлений. Во-первых, в концепции ноономики даётся развернутая характеристика той технологической основы, которая делает возможным переход к постэкономическому обществу, выход за пределы экономической необходимости и экономической рациональности. Правда, должен сказать, что некоторые современные марксистские разработки в отношении оценки технологических изменений сближаются с данной позицией. Во-вторых, на основе анализа этой технологической основы Сергей Дмитриевич Бодрунов делает вывод, который в классическом марксизме прямо не формулировался, о том, что вместе с выходом человека из непосредственного участия в материальном производстве отмирают

также и отношения людей по поводу участия в этом производстве, то есть производственные отношения. Не будет в ноономике на ноообщественном этапе развития производственных отношений людей.

В-третьих, Сергей Дмитриевич Бодрунов реконструирует тот способ, которым будет регулироваться хозяйственная деятельность после выхода человека из непосредственного производства. В марксизме такой концепции до сих пор нет. А с его точки зрения, это будет система направляющих и целеполагающих воздействий человека по отношению к относительно автономной безлюдной техносфере, функционирующей на основе самоорганизации деятельности технетических существ.

Наконец, в-четвёртых, в концепции ноономики развивается тезис о новой критериальной основе хозяйственной деятельности в условиях ноономики. Эта критериальная основа будет определять цели производства, формирование и удовлетворение потребностей людей, и она будет вырастать из изменений природы деятельности самого человека, которое во все большей степени будет сосредоточено в сфере творчества, в процессе познания и в процессе технологического применения нового знания. Такая творческая природа основной деятельности человека обусловит и изменение структуры его потребностей, которые будут ориентированы не на добычу и поглощение возможно большего объема средств существования, а на обеспечение средств развития самого человека, на возвышение человеческой культуры во всех ее проявлениях.

Соответственно, именно эти культурные императивы и станут основным внутренним критерием, определяющим цели производства, формирование

и удовлетворение потребностей. Насыщение потребностей при этом будет оцениваться не так, как сейчас, не по объемным показателям – насколько большой объем всего мы смогли потратить (с пользой, без пользы – неважно). Насыщение потребностей будет оцениваться по степени удовлетворения конкретных рационально определяемых человеком потребностей, направленных на его собственное развитие. Вот если мы можем эти конкретные потребности удовлетворить, значит мы работаем успешно. Вопрос не в том, сколько мы потребили, а удовлетворили мы свою потребность или нет.

Разумеется, такой прогноз будущего развития человечества не может быть основан только на публикации одной монографии и серии статей. Становится все более очевидным, что научная гипотеза движения общества от экономики к нооэкономике требует значительно более глубокого изучения этой тенденции и тех объективных процессов, которые лежат в ее основании. Тем самым нооэкономика становится не просто выявленным феноменом цивилизационного развития – в рамках более пристального исследования этого феномена постепенно начинает формироваться и нооэкономика, как особое научное направление, нацеленная на углубленное изучение всего комплекса проблем, поставленных в рамках данной концепции. Интерес к нооэкономике как научному направлению растет, и одним из признаков зарождения нового раздела науки является тот факт, что данную научную гипотезу начинают изучать уже и в качестве учебной дисциплины (курс нооэкономки преподается в ряде университетов с 2019 года). Параллельно с экономикой как окружающим нас реальным феноменом, и как наукой, изучающей этот

феномен, формируется ноономика – и как прорастающая через наше сегодняшнее бытие реальность, и как научное направление, изучающее формирование этой реальности.

Прогностический взгляд концепции ноономики на перспективы развития человеческого общества даёт нам методологические и теоретические предпосылки для постановки очень широкого спектра исследовательских задач. В число таких задач входит, скажем, изучение промежуточных этапов движения к новому индустриальному обществу второго поколения и к ноономике, и, соответственно, изучение закономерностей формирования, эволюции и смены таких этапов. Кроме того, актуальной становится оценка и ближайших перспектив социально-экономического развития с точки зрения их соответствия или несоответствия магистральному стратегическому направлению развития на новую ступень существования общества, на новую ступень человеческой цивилизации. Это затрагивает и определенное понимание направления развития технического прогресса, и необходимых для этого изменений социально-экономических институтов, экономической политики и в целом общественного устройства.

С этой точки зрения реиндустриализация России предстаёт не только как необходимость настоящего, но и как императив, вытекающий из понимания будущего. Реиндустриализация в этом смысле нам необходима не только для ускорения темпов развития экономики, не только для усиления ее конкурентных позиций в мировом хозяйстве и для подъема благосостояния населения, она необходима с точки зрения создания необходимых предпосылок

для движения на следующий этап общественного развития. Если мы не собираемся вечно находиться в положении догоняющих более развитые державы, нам надо поставить своё развитие таким образом, чтобы при данных объективных ограничениях выйти на самые передовые рубежи, определяемые как раз стратегическими перспективами эволюции общества.

Это требует и выстроенной определённым образом политики технологической модернизации, которая должна быть нацелена на решение именно тех задач, которые соответствуют важнейшим тенденциям развития, на которых основана возможность прогрессивных перемен не только в настоящем, но и в будущем. Необходимо соответствующее стратегическое планирование и разработанная на его основе активная промышленная политика, которая обеспечит концентрацию усилий на решении задач технологического прорыва, нацеленных как раз на реализацию перспективных долгосрочных тенденций: на увеличение удельного веса знаний в производстве и его продукте, на сокращение удельного веса материальных ресурсов в затратах, и на высвобождение человека из непосредственного производственного процесса.

Решение этих задач, безусловно, потребует подкрепления его со стороны ускоренного развития творческого потенциала самого человека. И последнее предполагает значительное повышение удельного веса инвестиций в образование, в научные исследования и опытно-конструкторские разработки, в здравоохранение, – не только в медицину как таковую, но в развитие всех составляющих здорового образа жизни, включая сюда и состояние окружаю-

щей человека природной среды. Такое увеличение на самом деле требуется не на проценты, если мы оцениваем задачу именно со стратегических позиций, а в разы по сравнению с достигнутым уровнем.

Можно привести достаточно банальное сравнение: мы прекрасно помним, что в свое время, когда Советский Союз первый вышел в космос, то Соединённые Штаты, пытаясь понять, чему Советский Союз обязан тем, что он сумел опередить ведущую мировую державу в освоении космического пространства, сделали вывод, что одним из основных факторов было состояние системы образования в СССР. Но если сейчас мы тратим на развитие образования менее 4% валового внутреннего продукта, то Советский Союз в послевоенные годы в период создания условий для освоения космического пространства тратил 10-12% национального дохода (ВВП тогда не рассчитывался), и даже в период упадка советской системы эти расходы составляли в 1988 году 6,4% ВВП (Народное хозяйство СССР..., 1991).

Если объективно оценивать сложившееся технологическое отставание России не только от наиболее развитых стран, но и от многих развивающихся, то следует сделать недвусмысленный вывод: масштаб и сложность проблем, которые предстоит решать, носят чрезвычайный характер. Достаточно сравнить крошечный Сингапур, установивший в 2018 году 4 300 роботов, и огромную Россию, установившую всего 1007 роботов. В России приходится лишь пять роботов на 10 000 занятых в промышленности, тогда как в Сингапуре – 831. При этом лишь 4% установленных у нас роботов – российского производства. Страна, во времена СССР занимавшая передовые позиции в производстве робототехники,

полностью лишилась серийного производства промышленных роботов. Объяснять столь низкую роботизацию производства в стране дешевой рабочей силы тоже не приходится, потому что Китай, где рабочая сила дешевле, чем в РФ, уже имеет 140 роботов на 10 000 занятых в промышленности, и небывалыми темпами наращивает их число (Скрынникова, 2019) (Welcome..., 2019, р. 8, 13).

Следовательно, раз степень нашего отставания носит столь чрезвычайный характер, то и меры по решению этой и аналогичных проблем тоже должны быть чрезвычайными. Разумеется, тонкая наладка существующих социально-экономических институтов представляется гораздо более безболезненной, но она чревата риском углубления отставания, затягивания решения проблем, что сделает их преодоление гораздо более затратным и связанным с возросшими социальными рисками.

Ни одна страна, успешно преодолевавшая отсталость, не обошлась без мер, чреватых серьезными издержками. Но такова неизбежная цена, которую необходимо заплатить за длительный отказ от проведения политики технологической модернизации. Мобилизация ресурсов для технологического рывка и для резкого подъема творческого потенциала населения, разумеется, нарушит сложившийся баланс экономических интересов (в чем, собственно, и состоит главная причина затягивания соответствующих решений). Но если мы будем щадить интересы тех, кто заинтересован в консервации сложившейся ситуации, мы никогда не сможем сделать серьезные шаги в нашем развитии.

В конце концов, невозможно решать задачу опережающего развития страны путем постоянного

отставания с вложениями и в разработку и применение новейших технологий, и в развитие творческого потенциала человека.

Теория ноономики достаточно аргументированно указывает на задачи человеческого развития как на главное направление сдвига в структуре удовлетворения потребностей. Поскольку технологические возможности удовлетворения витальных потребностей людей расширяются вместе с прогрессом технологий, то вопрос упирается в то, чтобы система общественных отношений не препятствовала значительной части населения воспользоваться этими открывающимися возможностями.

Разумеется, само развитие ноопроизводства является необходимой предпосылкой сдвига от роста объема удовлетворения витальных потребностей, к приобретению человеком потребностей в собственном развитии, как базовым. Если деятельность человека не будет сводиться к заработку ради поддержания жизни, а будет основана на раскрытии его творческого потенциала, то и характер потребностей человека соответствующим образом изменится. Одновременно этому должен способствовать сдвиг в общественных отношениях, которые не будут подчинены критериям экономической рациональности, которые исходят из безграничности наращивания объемов потребления. Новые критерии рациональности уже не будут носить экономический характер. Если деятельность человека будет нацелена на развитие человеческой личности, то есть на обогащение его культурной зрелости, то и критерии потребностей такой личности будут носить прежде всего культурный характер.

Поэтому надо отказываться от замшелого взгляда на развитие науки, образования и здравоохранения.

ранения как на растрату средств государственного бюджета, а начать смотреть на них как на наиболее перспективные инвестиции в наше развитие. Само собой разумеется, что образованный и культурный человек не может формироваться в той технологической полупустыне, которую сейчас представляет собой экономика РФ. Без высочайших темпов создания новых высокотехнологичных отраслей производства и соответствующих рабочих мест, расходы на овладение знаниями и высокой квалификацией уйдут в пустоту. Так что решение задач технологического прорыва и наращивания творческого потенциала нации должны непременно идти рука об руку.

Надо помнить и о том, что пока еще не произошел переход от экономики к ноономики, и мы находимся в жесткой конкурентной экономической среде. От перспектив нашего технологического развития будет зависеть позиционирование России в мировой экономике. Сможем ли мы покинуть место сырьевого придатка мировой экономики и выйти в число технологических лидеров? Те страны, которые смогут наилучшим образом использовать потенциал развития современных знаниеемких технологий, окажутся и экономическими лидерами, опираясь на свою научно-технологическую монополию; прочим же суждено зависимое положение. То или иное решение этого вопроса на долгие десятилетия будет определять наши позиции в геоэкономике и геополитике современного мира.

Список литературы

- Бодрунов С.Д. (2018а) Нооиндустриальное производство: шаг к неэкономическому развитию // Экономическое возрождение России, №1 (55).
- Бодрунов С.Д. (2018b) Ноономика. М.: Культурная революция.
- Гэлбрейт Дж. К. (2008) Новое индустриальное общество. Серия «Антология экономической мысли». М.: Эксмо.
- Дресвянников В.А., Страхов Е.П. (2018) Классификация аддитивных технологий и анализ направлений их экономического использования // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. №2 (26).
- Иноземцев В. (1998) Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские ученые о современном развитии. // Мировая экономика и международные отношения, № 11.
- Левина И. (2006) К вопросу о соотношении реального и финансового секторов в экономике // Вопросы экономики, № 9.
- Мальцев В.А. (2019) Карл Маркс и Большие Данные. М.: Родина.
- Маркс К. (1969) Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. М.: ИПЛ.
- Народное хозяйство СССР в 1990 г. (статистический ежегодник). (1991) М.: Финансы и статистика.
- Скрынникова Анастасия. (2019) Больше всего роботов в России покупает автопром // Ведомости, 9 сентября 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/09/19/811579-bolshe-vsego-robot>
- Сулейманова Л.А., Погорелова И.А., Марушко М.В. (2018) Сущность аддитивных технологий в строительстве // Университетская наука №2 (6)
- Akerlof G.A., Shiller R.J. (2015). Phishing for phools: The economics of manipulation and deception. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Bell D. (1973) The Coming Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books.
- Buntz B. 2020 Predictions: IoT Market to Expand, but Challenges Remain // IoT World Today, 11th December 2019. URL: <https://www.iotworldtoday.com/2019/12/11/2020-predictions-iot-market-to-expand-but-challenges-remain/>
- Burke Rick, Mussomeli Adam, Laaper Stephen, Hartigan Martin, Sniderman Brenna. The smart factory. Responsive, adaptive, connected manufacturing // Deloitte Insights, 31 August 2017. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/industry-4-0/smart-factory-connected-manufacturing.html>
- Machlup F. (1962) The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Marshall A. (1920) Principles of Economics. Eighth edition. London: Macmillan and Co., Ltd.
- Robot density rises globally // International Federation of Robotics. IFR Press Release 2018. URL: <https://ifr.org/news/robot-density-rises-globally>
- Roco M., Bainbridge W. (2004) Overview Converging Technologies for Improving Human Performance // Roco, M., Bainbridge, W. (eds). Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. Arlington, P. 1.

Schumpeter J. (1911) *The Theory of Economic Development*. Oxford: Oxford University Press.

Schumpeter J. (1939) *Business Cycles*. Second Volume. New York: McGraw-Hill.

Smith J. (2012). *The GDP Illusion. Value Added versus Value Capture* // *Monthly Review*, Volume 64, Issue 03 (July-August).

Stiglitz J.E. (2002) *Globalization and Its Discontents*. New York – London: W.W.Norton&Company.

The Industrial Internet of Things. Why it demands not only new technology—but also a new operational blueprint for your business // PwC 2016. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/technology/pdf/industrial-internet-of-things.pdf>;

Welcome to the IFR Press Conference // International Federation of Robotics, 18th September 2019 Shanghai. URL: <https://ifr.org/downloads/press2018/IFR%20World%20Robotics%20Presentation%20-%2018%20Sept%202019.pdf>

Наука и технологии: собственность и общественный прогресс через призму опыта Кубы

Хесус Пастор Гарсия Бригос

Ведущий научный сотрудник Института Философии, (Куба)

Постановка проблемы

Какую роль играет процесс научного познания и развитие технологий в современном обществе? Какое место они занимали при возникновении существующих проблем человечества и как они могут влиять на их решение?

Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» утверждают, что «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда! (Маркс, Энгельс, 1848/ с. 429)»

И это не было бы возможно без бурного развития науки и технологий в новое время, того развития, которое стало фундаментом для идей основателей современного видения социализма как процесса: *современные системы капитала и новые социалистические идеи – продукты современного развития науки и технологий*. И социалистический опыт после XX века, как и капитализм в его империалистической фазе, развивались до сих пор *в противоречивом взаимоотношении с развитием научного познания и технологиями*. Но из этого нельзя утверждать, что в условиях современного развития «общества знаний» и общих проблем человечества, не имеет смысла делать различие между социализмом и капитализмом.

В конечном итоге, как и в случае некоторых подходов к «новому индустриальному обществу», данные утверждения представляют собой разновидности «теории конвергенции двух систем».

В наши дни есть вопросы, которые требуют еще более аккуратного анализа сторонниками социализма и капитализма, если те и другие понимают, что первое, что нужно обеспечить, – *это само существование человечества*.

Можно ли в рамках системы капитала успешно решить т.н. общие проблемы человечества, опираясь лишь на неисчерпаемые возможности, которые открылись за последние годы в связи с развитием науки и технологий?

Как отметил Фидель Кастро, «Возможно, однако, что разрушительная сила современного оружия, которое может подорвать мир по всей планете и сделать невозможной человеческую жизнь на поверхности Земли, является самой серьезной опасностью, парящей над ней в настоящее время».

Наш вид исчезнет так, как исчезли динозавры. Кто знает, будет ли время для новых форм разумной жизни, или вообще солнце расплавит все планеты Солнечной системы и их спутники, как это прогнозируют многие учёные, теории которых нам, непосвящённым мирянам, известны.

В этом случае люди, ориентированные на практику, должны расширять свои знания и адаптироваться к реальности.

Если наш вид продолжит жить гораздо дольше ожидаемого, будущие поколения будут знать гораздо больше, чем мы, но сначала им придётся решить серьёзную проблему: как накормить миллиарды людей, реальная жизнь которых неизбежно сталкивается с ограничениями в питьевой воде и природных ресурсах, в которых они нуждаются?»¹

Для этих вопросов, ключевых для существования человечества, есть всего лишь один правильный ответ.

Единственный правильный ответ на вызовы «разрушающего прогресса» последних лет связан с нашей политической деятельностью.

Это всегда понимал Фидель Кастро, поэтому на VII съезде Коммунистической партии Кубы, он подчеркнул: «Некоторые, возможно, многие из вас задаются вопросом, когда же в этой речи мы заговорим о политике? Поверьте, я говорю это с огорчением, но политика – это и есть всё то, о чем я сказал в этих скромных словах»².

¹ Кастро Ф. Выступление на VII съезде Коммунистической партии Кубы. URL: <https://www.vozdeamerica.com/estadosunidos/fidel-castro-frases-celebres-hasta-la-victoria-siempre>

² Там же.

Сказав это, мы с Фиделем не отказываемся от коренных идей Маркса о роли производительных сил и производственных отношений в процессе развития. Совсем наоборот.

Маркс и Энгельс раскрыли важнейшие элементы для осознания пределов развития капитала, и в то же время признали, какое большое значение для развития производительных сил человечества имел капитализм. Это не парадокс. В действительности это еще раз подчеркивает требование диалектически подходить к анализу общественного процесса. Они не дали «рецептов для готовки». Они изложили необходимые элементы, чтобы не «просто» объяснить мир. Мы с уважением добавляем, что часто даже объясняем мир неправильно.

Человечеству необходимо, сознательно и целенаправленно, «изменить» этот непрерывно усложняющийся, *единственный для всех*, мир.

В этом контексте обратимся к одному из современных всемирно известных теоретиков, разработавших данные идеи, С.Д. Бодрунову: «В глобальном плане правы те, кто признает наступление эпохи «новой нормальности». Но, так или иначе, описывая ее черты, они концентрируются на её нынешнем облике, не вдаваясь в глубинную суть её происхождения, «родословную», что не позволяет ни установить формирующие её истинные причинно-следственные связи, ни оценить её возможные последующие эффекты.

Только найдя корни этого явления, мы сможем оценить: объективность/необъективность наступления эпохи «новой нормальности»; её неизбежность/необязательность ее наступления; необходимость/возможность её преодоления; следствия её и пути развития экономики.

Сегодняшняя «новая нормальность» – это реальность. Новая для нас всех реальность. И на самом деле – «нормальность» (почему я не снял кавычки с этого слова, будет ясно ниже). Конечно, новая – в смысле, для нас непривычная. И не исследованная в полной мере, не проработанная, если так можно выразиться, экономистами. И свалившаяся на неподготовленное общество, ученых, управленцев, владельцев активов, «массы народные», etc. И черты ее, в общих чертах (извините за тавтологию!), подмечены верно. Причем она и объективно приходящая, и неизбежная. А потому – «нормальная». И происходит она из объективных вещей – это начало перехода к новому этапу нашего цивилизационного развития, стартовому этапу нового индустриального общества очередной (второй) генерации.

Мы, наконец, подошли к пределу эффективности существующей модели развития. И это глубинное основание тех изменений, которые мы предчувствуем, замирая перед пропастью, пряча, как страусы, голову в песок на краю обрыва и называя новой (не)нормальностью это топтание на грани бездны. Грядут изменения, свидетелями которых мы еще не стали, но должны стать. Необходимы глубокие реформы (Бодрунов, 2018а)».

Эти процессы, изменение модели развития, имеют место во всех странах. И Куба – не исключение, а специфичный и уникальный случай.

Сущность Кубинской революции неразрывно связана с идеями и практикой Фиделя. Куба хороший пример того, как существование конкретного общественного организма зависит от внимания, уделенного развитию науки и технологиям, от того,

как надо понимать содержание категории производительных сил и их развитие. В момент написания этой статьи этот факт хорошо заметен: каждый может увидеть его свидетельство, если взглянет на результаты деятельности кубинцев в сфере биотехнологий в борьбе против нового «коронавируса».

Именно полное и всестороннее развитие человека всегда было и остается центром внимания кубинской революции.

Мы исходим именно из понимания того, что «общественная жизнь является по существу практической», является деятельностью, преобразующей окружающий нас мир и нас самих: совокупность всех отношений производства.

Необходимо помнить идеи Маркса и Энгельса, но не повторять их, как религиозные догмы. Надо развивать их, рассматривая критически, на основе опыта попыток коммунистического преобразования Великой Октябрьской Революции, революций в Азии, Кубинской революции и революционных преобразований в Африке, Венесуэле, Боливии и других странах Латинской Америки.

Нужно решить все угрожающие человечеству проблемы.

И можно их решить, прежде всего, сознательно и целенаправленно действуя для всестороннего и полного расширенного воспроизводства способностей каждого человека в соответствии с его гуманной сущностью, - с «совокупностью всех общественных отношений». То есть, сознательно и целенаправленно действуя для достижения *всестороннего и полностью свободного, расширенного воспроизводства способностей каждого как результат и необходимое условие развития всестороннего и полностью свободного, рас-*

ширенного воспроизводства способностей человечества как целостности, неотделимой от природы, в теснейшем единстве с окружающей человека природной средой.

Это требует новой природы общественных отношений и нового отношения людей к природе: *нового способа функционирования общественного процесса.*

Где «найти» такой способ функционирования? Его невозможно найти в готовом виде: его необходимо построить.

И, какими бы «архитекторами» мы ни были, мы не пчелы, вспоминая слова Энгельса, и нуждаемся в предварительном представлении того, что мы хотим построить.

В этом случае задача особо непростая. Человечество в течение тысячелетий функционировало и развивалось по-другому. И «архитекторы», которые пытались нарисовать чертежи и построить новые «общественные здания», до сих пор не получали всех ожидаемых результатов.

Вероятно, нужно еще раз проверить «чертежи», не только «структуры», но и содержание самого процесса строительства. Надо провести критический анализ наших понятий, того, как они до сих пор работали, позволили ли успешно идти вперед в направлении нового видения будущего общества³.

³ Здесь мы употребляем центральное понятие прогностического анализа. Это метод используется редко, а зачастую применяется неверно: на основе определенного категориального аппарата проводится диагноз одной системы, одного процесса, и разработается картина желаемого будущего для него, видение будущего. После этого посредством коллективной работы экспертов, не только ученых, у применением разных методы, среди них и математические методы, предлагаются вероятные пути, ведущие к этому видению будущего. На этой основе разрабатывается общая политика и действия для достижения поставленных целей, которые будут постоянно и систематически уточняться при применении соответствующих методов.

В теоретическую разработку этой проблематики неоценимый вклад внес С.Д. Бодрунов, как в упомянутой выше книге, так и в других работах (Бодрунов, 2017) и в целом в научных исследованиях в рамках Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте (Бодрунов, 2018б; Бодрунов, 2019; Bodrunov, 2020).

Само понимание «практики как критерия истины» часто употребляется для обоснования самых узких прагматических подходов, забывающих что «...тот, кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы. А натывать слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность (Ленин, 1972, с. 368)». Необходимо действовать так, чтобы решение текущих проблем не препятствовало, а напротив, содействовало внедрению в практику стратегии развития. Это станет возможным только в результате взаимосвязи политической деятельности (как процесса за пределами простого «использования власти»), с возможностями, проистекающими из процесса познания целостного мира, а не только материального производства.

Кубинский процесс преобразований, начавшийся после первого января 1959 года, учит нас тому, что, если хотим продолжать идти по пути прогресса, мы должны систематически проводить критический анализ понятий и концепций, на основе которых мы ведем наши действия.

Стоит начать самого понятия «социалистическая революция». Но необходимо также регулярно проводить последовательно диалектическое рас-

смотрение понятий, общих для всех общественных процессов, таких как политическая деятельность, государство, демократия, собственность, планирование, рынок и т.д.

Важно уделить внимание и следующим проблемам:

- Вопрос об *отмирании* государства как процесс в рамках коммунистических преобразований: как этот процесс связан с его комплексной сущностью: с преобразованием экономики, политики, всех социальных отношений и институтов, идеологических отношений; с преобразованием всего функционирования общества, в частности с планированием и рынком?
- Действительно ли мы рассматриваем собственность как систему, *отвечающую за целостное функционирование общества*, как подчеркивал Маркс, критикуя Прудона:

«В каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность - это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства. (...) Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи, значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию (Маркс, Энгельс, 1955, с. 168)?»

- Как понимать государственную собственность вообще и в частности государственную социалистическую собственность? Каковы отличительные черты государственной собственности при социалистическом преоб-

разовании, рассматриваемого как начало сознательного генезиса и развития «царства свободы»? Как понимать общественную эффективность государственной собственности? В чем должна проявляться роль государства и государственной собственности как действительно руководящей формы в системе собственности?

- Как планирование действует при функционировании общественного процесса? Является ли оно универсальным фактором прогресса человечества?
- Как возник, развивался и действовал рынок? Является ли он универсальным фактором прогресса человечества?
- Как взаимодействовали планирование и рынок в развитии человечества, как они сочетались друг с другом в качестве факторов прогресса? Должно ли такое взаимодействие измениться при коммунистической революции, в процессе полного метаболического преобразования общества в его единстве с природой?
- Как в рамках существующего опыта социалистического строительства отвечали на вопрос, какова должна быть основа сочетания рынка и планирования при социалистическом (коммунистическом) преобразовании?
- Какова роль т.н. общечеловеческих ценностей (например, «демократия») в процессе «выхода за пределы капитала»?

Мы не говорим об окончательных и универсальных ответах на поставленные вопросы, о полностью разработанной и законченной теории, откуда

можно было бы получить все необходимые ответы для практики: что нужно менять и как это делать. Нам представляется необходимым, развитие интегрального и системного взгляда на процессы, происходящие внутри каждой системы и в её окружении, как результата взаимодействия постоянного и непрерывного анализа действительности, её противоречий, с анализом предложений по реформированию данной системы.

Прогресс человечества предполагает теснейшее взаимодействие всех индивидов, в решении наиболее острых проблем планеты, при этом люди всегда выступают и как субъекты, и как объекты необходимых перемен.

Мы, не только кубинцы, должны ясно разработать видение «прогресса» как стратегическую цель, и решительно отвергнуть то, что не содействует или противостоит её достижению. Нужно определять тактические шаги, которые будут способствовать достижению стратегических целей, без импровизации или волюнтаризма. Импровизация и волюнтаризм в конечном итоге приводят только к ошибкам и провалам.

Вызовы, стоящие перед кубинским обществом: ответы для Кубы и для всего мира

В конце второго десятилетия XXI века, вероятно, вопреки «здравому смыслу», самый острый вызов для Кубы не экономический, а идеологический.

На Кубе идет борьба идей. Она началась 10 октября 1868 года и продолжается в более сложных условиях, чем когда-либо раньше: поражение сделает

необходимым начать борьбу за независимость заново... или исчезнуть в качестве независимой нации, что значило бы предать всех тех, кто отдал жизнь за достигнутый прогресс, а не только погибших в военных действиях.

Кубинцы должны воспринять, что в нашем обществе необходимо осуществить много изменений.

Мы со своей стороны скромно предлагаем в качестве пути решения проблем и гарантирования прогресса внимательно анализировать конкретные условия происходящего. В связи с этим стоит необходимо учитывать следующие положения:

- Осознавать «смысл исторического момента», на этой основе проводить все «насуточно необходимые изменения» в поисках «полных равенства и свободы», сознательно развивая «человеческое отношение к себе и к другим» в процессе «освобождения своими собственными силами», вопреки всем вызовам «господствующих сил внутри и вне социальных и национальных пределов».
- Неустанно «защищать ценности, в которые мы верим, ценой любых жертв»; эта борьба должна вестись «скромно, бескорыстно, с альтруизмом, солидарностью и героизмом⁴».
- Вести с «...неизменным неприятием лжи и верностью этическим принципам» и с «...глубокой убеждённой в том, что нет такой силы в мире, способной преодолеть силу истины и идеалов» «...смелую, дальновидную и реалистичную борьбу», укрепляя «единство, незави-

⁴ Кастро Ф. Выступление на VII съезде Коммунистической партии Кубы.
URL: <https://www.vozdeamerica.com/estadosunidos/fidel-castro-frases-celebres-hasta-la-victoria-siempre>

симось, борьбу за наши идеалы справедливости для Кубы и для остальных стран мира⁵».

Мы должны учитывать эти идеи, предложенные Фиделем кубинцам, не механистически, как догму, а анализировать их и реализовывать на практике в соответствии с конкретными условиями и с учетом нашего опыта. Эти идеи помогли нам решать острые вопросы, угрожающие прогрессу в нашем процессе преобразований.

Речь идёт о составных элементах понятия «революция», понимаемой в качестве «... основы нашего патриотизма, нашего социализма и нашего интернационализма». Но эти элементы несут глубокое методологическое содержание для всех искренно заинтересованных в прогрессе человечества.

Человечеству необходима настоящая общественная революция, если оно хочет выстоять перед лицом угроз, обусловленных предшествующим развитием. И вести революцию вперед, по выражению Че Гевары, старым «ржавым оружием» невозможно; невозможно использовать для продолжения революционного процесса оружие капитала, но также невозможно это делать оружием, которое применяли страны социализма, в итоге потерпевшие в прошлом веке поражение, при всех положительных результатах и неоспоримых успехах.

Мы не можем здесь детально объяснить, что необходимо делать. Во-первых, потому, что это задача не для одного человека и не для одной группы выдающихся ученых или профессиональных политиков. Это ответственность всех, кто заинтересован в том, чтобы человечество продолжило существовать.

⁵ Там же

Важно понимать, что нужно выходить «за пределы капитала», и в этом смысле предлагаем некоторые идеи, которые являются результатом наших исследований кубинского и отчасти международных процессов.

Нужно преодолеть узкое понимание «политики», согласного которому она есть лишь деятельность, касающаяся вопросов власти. Политика как деятельность всегда существовала и всегда будет существовать, в соответствии с сущностью человека.

Мы предлагаем подходить к ее содержанию как к совокупности процессов⁶, проистекающих из деятельности индивидов, при восприятии личных, частных и общественных потребностей (группы людей, класса,...) для организации и направления ресурсов (вещных и нематериальных) всех участников общественного процесса (индивидов, групп, организации, партий, ...общественных форм объединения людей) *с целью удовлетворения потребностей усилиями всех, на основе возможностей данной системы и в соответствии с целями (видением) данного коллективно выработанного проекта.*

При таком содержании политической деятельности становится возможным по-другому подходить к взаимоотношению субъективных и объективных моментов этой формы деятельности иначе понимать её материально-вещную основу: понимать политику как всеобщую деятельность, присущую человеческой деятельности.

⁶ Все это более детально обсуждается в книге автора, которая через некоторое время выйдет из печати, и в других трудах. В частности, в книге «Система Народной власти и обновление экономической модели: необходимые и возможные перемены».

Мы предлагаем действительно понимать собственность как систему, а не просто повторять это как пустой лозунг.

Надо действовать последовательно, чтобы определить конкретную систему собственности, то есть сделать «...не что иное, как дать описание всех общественных отношений... (Маркс, Энгельс, 1955, с. 168)» производства данной общественной системы, данного конкретного общественного организма, в определенный исторический момент. При этом обратим внимание, что пытаться «(...) дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идее, значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию (Маркс, Энгельс, 1955, с. 168)».

Надо подходить к собственности как к исторически определенной системе отношений, исходящей из отношений в процессе труда, из отношений человека с природой, до идеологических представлений человека, как активно действующих элементов. Эта система есть ядро всего процесса функционирования общества, она меняется исторически и в зависимости от специфики данного процесса: производства условий жизни и самого индивида; производства, освоения и расширенного воспроизводства условий и самой жизни общественными индивидами. В нашем фокусе – *общественные отношения, неотделимые от отношений с природой в исторически конкретном меняющемся процессе труда.*

Исторически конкретно определенные процессы управления общественной жизнью являются существенными составляющими этой системы: политика воспринимается как интегрирующая деятельность, не только и не просто как «концентри-

рованное выражение» экономической деятельности. Эти два момента диалектически связаны между собой. В основе этой диалектики лежат противоречия отчуждение – эмансипация, индивид – общество, в их конкретных проявлениях, связанных с процессами общественного разделения и иерархически общественного разделения труда. При разрешении этих противоречий генерируется, функционирует и развивается государство, с содержанием и конкретными выражениями (структурами, процессами, и т. д., и т. п.), с соответствующими историческими типами системы собственности, и существуют планирование и рынок, как исторически конкретно определенные системы.

Выделим *три исторических типа систем собственности*. Они могут существовать в одно и то же время, в разных местах:

- первоначальная, первобытная, «оригинальная» система, которую еще можно встретить в странах Африки, Латинской Америки и других регионах мира.
- в результате распада такой системы в различных условиях появилась система «частной враждебной собственности», которая развивалась по-разному в различных условиях, вплоть до появления системы капитала.
- как показал Маркс, и как доказывает жизнь, система капитала как выражение системы частной враждебной собственности, генерирует конфликты, не разрешимые самой системой, и должна быть снята (*aufhebung*) новой системой собственности.

Противоречия системы частной враждебной собственности ставят человечество перед необхо-

димостью осуществить революционный переход «за пределы» (*aufhebung*) капитала, или исчезнуть.

Выходить за пределы капитала значит выходить за пределы старого «общественного метаболизма», выходить «за» систему частной враждебной собственности целиком, а не просто снять или преобразовать её элементы.

Прогресс человечества зависит от успехов в этом процессе. И это тесно связано с развитием научного познания... но не только.

Куба 2018: что может быть дальше?

«... теорию и практику социализма
следует развивать и записывать».

Фидель Кастро Рус.

«Сто часов с Фиделем», глава 19

Для Кубы идет борьба идей, и она представляет собой борьбу, ход которой решает будущее кубинской нации: переживание опыта других попыток социалистического реформирования ведёт к фатальным последствиям.

Куба находится сейчас на своеобразной стадии развёртывания процесса социалистической трансформации: идёт *коренная перестройка всей системы её общественных отношений*. Происходят преобразования всех элементов функционирования процесса производства и воспроизводства общественной жизни.

Реформа проводится под названием «процесс обновления экономической модели», основы которого изложены в «Концептуализации социально-

экономической модели Кубинского социалистического развития». В этом отношении важны и другие документы: «Направления экономической и социальной политики Партии и Революции до 2021 года» и «Основы национального плана Экономического и социального развития до 2030: видение нации, оси и стратегические сектора».

Процесс социалистической трансформации на Кубе до сих пор происходил под воздействием комплекса сил. Эта система является результатом разрешения противоречий, свойственных социалистическим преобразованиям как начальным процессам коммунистической трансформации общества в специфических условиях Кубы. Эти условия во многом определялись отношениями Кубы с различными правительствами США, которые последовательно стремились достичь своих целей по отношению к Кубе, начиная с восемнадцатого века.

Куба начала свой социалистический путь с состояния страны, которая не развивалась: это динамическое состояние, – не просто «неразвитая страна» - содержание которого не ограничивается только экономической отсталостью, определяется не только особенностью структурных внутренних черт; в нем решающую роль играют внешние связи. Очень важно при преодолении такого состояния последовательно применять марксистское понимание о развитии производительных сил. В случае Кубы это состояние определялось и тем, что страна до 1-го января 1959 была фактически неокOLONией США.

В текущем процессе реформ объективно происходит коренное преобразование основ, ядра системы производства и воспроизводства жизни, действующей в кубинском обществе: кубинской системы собственности.

Реформа начинается в контексте, который является результатом взаимодействия целенаправленных изменений на основе сознательных, продуманных экономических действий, начатых ещё с 90-х годов прошлого века, с целью выйти из кризиса «особого периода». Такие изменения взаимодействуют с другими, некоторые из них сознательно пагубно влияют на социалистическое развитие.

На Кубе сейчас образуется нестабильный контекст: говоря языком математики и физики — особая «точка перегиба» в ходе кубинского социалистического развития.

Есть одна очень важная черта текущего момента, которую необходимо иметь в виду при анализе происходящих процессов и особенно при концептуальной разработке этих процессов, обосновании направления реформ и принятии решений.

Куба уже прошла сравнительно длинный путь социалистических преобразований, со своими успехами, недостатками и ошибками, при особых внешних геополитических условиях, которые нельзя игнорировать и которые значительно влияли на внутренние процессы.

Куба до сих пор развивала свою собственную общественную систему, сохраняя в производстве и воспроизводстве особенные общественные отношения, на основе которых она сумела противостоять тяжелейшему экономическому кризису 90-х, не развалилась, не демонтировала эту систему, хотя и пережила сильные потрясения во всех составляющих её элементах.

Эта ситуация существенно отличается от той, которую характеризовали Кубу после победы революции 1959 года.

Сейчас необходимо существенно «скорректировать курс», усовершенствовать, в соответствии

с нашим опытом и учитывая опыт других стран, все элементы процесса развития, структуру и особенности функционирования системы, сохраняя при этом сущность стратегической цели: процесса коммунистической эмансипации. Было бы грубой ошибкой думать, что сей час можно «начать с нуля», полностью отказаться от достигнутого уровня общественных отношений, как будто все сделанное «никуда не годится».

Сейчас нужно перейти на новую ступень. Необходимо сознательно и целенаправленно оторваться от старого способа функционирования производства и воспроизводства системы общественных отношений, сохраняя при этом непрерывность развёртывания рождающихся социалистических отношений. Нужно упрочить всё положительное, что было достигнуто за более чем 60 лет, и полностью устранить все причины ошибок и недостатков, чтобы достичь гармоничности и прочности в действиях, обуславливающих темпы и содержание изменений, гарантируя *самоподдержание прогресса*.

Сегодня как никогда раньше важно действовать аккуратно в процессе разрешения всех противоречий общественной жизни, смотреть вперёд, и для этого нужно как можно более строго и внимательно исследовать *все возможные тенденции процессов развития общества, разрешения старых и новых противоречий*. Нужно отказаться от спонтанности, стихийности, импровизации и волюнтаризма в принятии решений: необходимо иметь ясное представление о желаемом будущем. Желаемое — не в качестве predetermined схемы, а в качестве постоянно уточняемой картины.

Уже не первый раз при социалистическом преобразовании на Кубе выдвигается лозунг реформ,

это происходило под разными названиями, только не под названием «реформы».

Постоянные призывы к «исправлению», возвращению к попыткам решения старых, не решённых при предыдущих попытках проблем, заставляют нас обратить внимание на то, что «... Организм, все время подвергающийся исправлениям, может как таковой прекратить своё существование (Alhama, Alonso, Cuevas, 2001, p. 1010)». Это и есть реальная угроза нашему процессу социалистического преобразования.

В текущем процессе «исправления» необходимо обращать внимание на две существенных составляющих общественного развития в целом, которые ещё более значимы в контексте коммунистических преобразований и *не имеют одинаковой трактовки в политической науке и практике:*

- *Оптимизация функционирования и развития системы производительных сил, понимая под последней категорией достижения в наиболее широком спектре сфер общественной жизни.*
- *Усовершенствование политической деятельности. Необходима интенсификация социалистического участия людей в общественном процессе и тесно связанное с этим усовершенствование взаимодействия политики и экономики в процессе социалистического строительства.*

В текущем процессе реформ заметен акцент на экономику, поиск путей достижения необходимых результатов развития, на рост результатов функционирования нашей системы производительных сил, на итог производства материальных благ и услуг. И оценивается такой подход с помощью узких критериев рентабельности и экономической эффективности.

К процессам в экономике часто относятся просто как к процессам получения новых ресурсов, а не как общественно-экономическим процессам, производящим и воспроизводящим отношения между индивидами в хозяйственных структурах и в обществе в целом. Недостаточно анализируются последствия того, *как протекают определяющие процессы функционирования и развития материального производства в качестве элементов системы собственности, ядро процесса производства и воспроизводства самих людей, освоения человеческой сущности.*

В этом смысле отмечаются тенденции к образованию потенциально конфликтных ситуаций в соотношении между краткосрочными целями развития производительных сил, получения быстрых экономических результатов, и *стратегическими целями обеспечения социалистического общественного развития, неразрывно связанными с задачами существования Кубы как независимой нации.*

Обостряет эти противоречия тот факт, что, в отличие от предыдущих процессов реформ, в текущем «процессе обновления» заметны недостатки в действиях, направленных на системное усовершенствование политической деятельности.

Сейчас необходимы новые теоретические подходы к экономической и политической деятельности, и на этой основе есть запрос на новую практику в кубинском процессе преобразований. Многим может показаться парадоксальным, что кубинский процесс воспринимает себя в качестве последовательно следующего идеям марксизма. Одни скажут, что «вся правду уже сказана Марксом и Энгельсом», другие будут утверждать, что сказанное Марксом и Энгельсом уже «устарело». Но оба утверждения

ошибочны. Сам Маркс требовал развивать политическую экономику через анализ труда, и вместе с Энгельсом они предлагали идеи, которые необходимо анализировать и развивать целостно, а не выбирая фрагменты текста, часто даже не учитывая характер текста. Они основали базис для движения к новой экономике, связанной с новым содержанием политики, как части нового способа производства и освоения общественных отношений. Идеи ноономики, изучающие изменения материального производства, результаты научного познания и технологий в их взаимосвязи с общественными отношениями, несомненно, могут делать заметный вклад в движение по новому пути, пути действительной «человеческой эмансипации».

Мы имеем в виду системное усовершенствование политической деятельности, которое является требованием самого процесса революционных преобразований. Это станет переходом на необходимый и возможный в наших условиях уровень.

Необходим экономический рост, подкреплённый участием в политике индивидов, заинтересованных в социалистическом развитии общества, в процессе социалистического управления экономическими преобразованиями и в противостоянии всем угрозам и трудностям. *Необходимо новое содержание политики при социалистическом преобразовании общества: при «отмирании государства», «отмирании классов», при преобразовании сочетания «рынок- планирование» и т.д.*

На Кубе сущностью этого процесса является усовершенствовать (в соответствии с «видением страны», который проанализировали и приняли большинство кубинцев по итогам VII съезда Коммунистической

партии Кубы) функционирование единства Коммунистической партии Кубы и нашей формы организации государства — Системы Народной Власти. Они должны действовать в единстве с нашей системой общественных организаций, особенно профсоюзов. Но на данный момент сохраняются и воспроизводятся, а иногда и углубляются, недостатки и ошибки, вскрытые в предыдущих процессах реформ.

Критический «дух» – подход систематического критического анализа и внедрения всего необходимого для непрерывного стремления к совершенствованию – должен быть неотъемлемой чертой нашего процесса социалистических преобразований, и в этом смысле он должен быть постоянной и неотъемлемой составляющей данного процесса.

Такой подход был выражен тогда, когда Фидель Кастро определил содержание понятия «Революция», которое мы считаем точным определением того, что должно характеризовать социалистическую революцию.⁷

Но наряду с последовательными революционными критиками есть те, кто приспособливается к переменам для личной выгоды, есть безоговороч-

⁷ В своей речи 1 мая 2000 года, он сказал: «Революция – это смысл исторического момента, это насущно необходимые изменения, это полное равенство и свобода, это человеческое отношение к себе и к другим, это освобождение своими собственными силами, это вызов господствующим силам внутри и вне социальных и национальных границ; это защита ценностей, в которые мы верим, ценой любых жертв; это скромность, бескорыстие, альтруизм, солидарность и героизм; это смелая, дальновидная и реалистичная борьба; это неизменное неприятие лжи и верность этическим принципам; это глубокая убежденность в том, что нет такой силы в мире, которая способна преодолеть силу истины и идеалов. Революция – это единство, независимость, борьба за наши идеалы справедливости для Кубы и для остальных стран мира, это основа нашего патриотизма, нашего социализма и нашего интернационализма». Кастро Ф. Выступление на Первомайской демонстрации 2000 г. URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/2000/ing/f010500i.html>

ные сторонники того, что «предлагается» представителями власти. Ни те, ни другие не помогают развивать процесс реформ. Их действия противоречат принципам и подходам, которые были обозначены лидерами революции на предыдущих фазах процессов реформирования: принимать все сказанное сверху без критического анализа – значит отрицать подлинный дух социалистических преобразований, действовать фактически против того, что неоднократно требовали Фидель и Рауль от всех нас, в конечном итоге, такой подход не помогает исправлять ошибки, а наоборот, усугубляет их.

В связи с этим сейчас также отмечаются консервативные тенденции, противоречиво взаимодействующие с «очень перестроечными» тенденциями. Все они сходятся в подходе, обосновывающем необходимость стараться достичь «социализма возможного в наших условиях», и за ними могут скрываться регрессивные тенденции, прямые стремления выступить против социалистического строительства на Кубе.

Всё это, само собой, представляет явную угрозу текущим реформам, которые непосредственно связаны с объективной сменой лидерства на высшем уровне руководства. Угроза усиливается перед объявленным и неизбежным обновлением в высших структурах партии и государства, после смерти Фиделя.

Необходимо добиться того, чтобы наш процесс реформирования произошёл без расколов, без «травматической смены поколений». В этом отношении не должен быть забыт печальный опыт Советского Союза.

Социализм как необходимо сознательный процесс и практика демонстрирует, насколько сложным

является изменение в сознании индивидов в ходе социалистической трансформации. Кубинский опыт, со своими позитивными четами и результатами, в этом смысле не является исключением, и поэтому кубинское лидерство всегда подчёркивало роль идеологической работы.

Сейчас мы отмечаем значительные недостатки в идеологической работе, начиная с концептуализации процесса обновления и заканчивая тем, как она преподносится в выступлениях политических деятелей.

Угрозы сейчас многократно усиливаются, потому что приходится противостоять попыткам ревизии нашего курса развития, которые представляют собой не открыто выраженные идеям или открыто контрреволюционные политические действия. Они чаще всего подаются завуалированно, в виде «новых», «свежих идей», «необходимых» для построения социализма «возможного в наших условиях». Эти идеи представляются примерами «нового пути» построения социализма, но на самом деле внедряют ценности либерализма и социал-демократии.

Даже после утверждения документов VII съезда («Концептуализации...» и др.) мы все еще испытываем недостаток *общественно признанных идеологических концептуальных ориентиров*, которые помогли бы сформулировать необходимые подходы для разработки конкретных действий в направлении «желанного будущего», к которому мы должны стремиться.

Ошибки особенно заметны, когда обсуждаются значение различных форм собственности, курс реформирования системы управления предприятий и роль рынка. Нет достаточно глубокого анализа

рынка как специфической общественной системы отношений.

Отсутствует глубокое понимание необходимости нового содержания деятельности государства, роли избранных представителей при социалистическом преобразовании и их специфики на современном этапе. В частности, отсутствует анализ роли государства в новом содержании процесса общественного планирования.

Планирование всегда трактовалось как определяющая черта при социалистическом развитии и рассматривалась в противопоставлении рынку. Планирование – стержень функционирования и развития социализма. Но планирование существует и при капитализме, при этом оно не воспроизводит «социализм» в капиталистических странах, и как рынок, именно рынок капитала, оно продолжало характеризовать весь имеющийся опыт социалистических преобразований: в чем же действительная сущность такого противоречия? Понимаем ли мы сущность рынка и планирования в человеческом развитии? Каково должно быть сочетание этих феноменов в процессе социалистического строительства? Почему функционирование планирования в ходе социалистического преобразования трактуется в качестве узкого экономического процесса?

Причиной воспроизводства таких ошибок является отсутствие ориентиров (концептуальных образцов) и представлений о желаемом социалистическом воспроизводстве общества. На это также влияет появление некоторых «других ориентиров», играющих заметную роль в работе наших СМИ. В этом смысле бросается в глаза то, как наша пресса активно освещает деятельность предприятий новых форм

собственности – негосударственных и смешанных, с участием иностранного капитала – подчёркивая их «экономические успехи». Постоянно превозносится «эффективность» и «результативность» «новых форм ведения хозяйства», и в то же время недостаточно глубоко анализируются последствия распространения таких форм в обществе, специфика их функционирования как особых системы социально-экономических отношений.

Сейчас уже существуют примеры функционирования таких предприятий фактически по правилам самого грубого капитализма, при отношениях жестокой эксплуатации и отсутствии социальных прав нелегальных работников предприятий. Даже там, где работники формально работают легально, они должны терпеть различные формы «скрытой» эксплуатации, игнорирования законов, что связано со слабым и неэффективным общественным контролем, с недостаточно четко установленной ролью партии, профсоюзов и органов народной власти, с размытым определением взаимоотношений государства с разными формами собственности.

Другой проблемой является одностороннее представление информации нашими СМИ. Например, когда освещаются новости из некоторых стран, которые пока что считаются социалистическими, происходящие там события передаются некритически. Это способствует тому, что данный опыт представляется как безупречный пример, возможная «модель» развития для нашей страны.

Выше изложенные проблемы и недостатки, переплетаясь между собой, оказывают существенное воздействие на выработку сугубо инструментальных подходов к анализу противоречий нашего процесса

реформ. Эти негативные черты препятствуют чёткой формулировке и классификации возникающих противоречий и, тем самым, препятствуют выработке необходимого системного подхода при принятии политических решений и осуществлении конкретных действий в нашем «процессе обновления».

В частности, обозначенные недостатки препятствуют консолидации процесса планирования: планирования, как процесса не просто узко экономического, а комплексного интегрального процесса, которые начинается с индивидов на рабочем месте, в семье, в месте жительства... во всех моментах процесса воспроизводства общественной жизни как целостного процесса.

Создаются условия для все более широкого применения узких, прагматических подходов, которые позволяют решить конкретные проблемы нашей системы производительных сил. Но они рискуют создать новых субъектов и социальные практики, не воспроизводящие социалистическую природу общества, которые будут пытаться участвовать в политической жизни и приобщаться к политической деятельности. Это может стать фактором разложения даже той «модели», которая создала условия для их появления и существования, и в конечном итоге начнет воспроизводить тенденции, подрывающие социализм.

Такие подходы ярко проявляются тогда, когда в партийных документах недостаточно точно трактуется тема собственности, товарно-денежных отношений, рынка как системы, планирования как общественного процесса, их места и роли в процессе производства и воспроизводства с момента создания материальных оснований жизни до идеально-духов-

ных составляющих социалистического преобразования общества.

В документах провозглашается, что система социалистического планирования есть *основное средство управления национальной экономикой* и необходимо учитывать изменения в методологических, организационных и управленческих аспектах планирования. Это предполагает учитывать функционирование рынка, влиять на него, принимая во внимание его характеристики, осваивать различные формы отраслевого и территориального планирования, развивать новые методы контроля, что открывает новые потенциальные возможности для развития общественных отношений.

Однако планирование продолжает трактоваться в узком смысле, как процесс, в сущности, экономический и технический. Не отрицая того, что он касается всех сфер жизни общества, утверждается, что процесс планирования охватывает, прежде всего, *производство материальных благ и технические способы его организации*. При этом недостаточно рассматривается роль индивидов во всех проявлениях их общественной жизни, отсутствует трактовка процесса планирования как действительно общественного процесса с самого его генезиса и развёртывания.

Понимание товарно-денежных отношений и роли рынка в нашем обществе сохраняется на уровне обсуждений былых времен, уже доказавших свою несостоятельность и несовместимость с задачей создания предпосылок успешных социалистических преобразований.

Данные подходы предлагают использовать «контролируемый» рынок или отдельные элементы

рынка в нашей экономике, предполагая, что «в социалистических условиях» они не будут иметь таких же последствий как при капитализме. Подобные подходы, которые даже не объясняют, как планирование будет «сочетаться с рынком» и учитывать «его особенности», забывают о сущности рынка как динамической системы отношений. Это чревато рисками и реальными угрозами в специфических условиях Кубы. Кроме того, необходимо учитывать исторический опыт социалистических преобразований, который привёл в ряде стран к реставрации капитализма в XX веке. Эти моменты очень важны при внедрении новых форм собственности и при изменении государственных форм собственности.

Мало внимания уделяется возникающим изменениям в социально-экономических отношениях: процесс *хозяйствования* («менеджмент») неотделим от системы отношений собственности, он является её существенным моментом. Отсутствует необходимый анализ социальных последствий, которые уже объективно проявляются в росте дифференциации уровня жизни населения, при том, что не результат собственного труда, усилий и отдачи обществу, а результате эгоистического и «новомещанского» поведения индивидов становятся значимыми факторами увеличения личного благосостояния.

Такие перемены наряду с другими последствиями требуют иной роли государства по сравнению с той, что была до появления новых форм собственности. Это государство должно выступать не просто в качестве «государства регулятора», внешнего «координатора», как предлагают некоторые. Это государство должно быть *системой*, посредством которой *все участвуют в управлении обществом под*

эффективным руководством всех заинтересованных в социалистических трансформациях.

Внедрение экономических преобразований оказывает значительное влияние на всю систему общественных отношений, от материального производства до идеологии.

Как показывает опыт СССР и стран Центральной и Восточной Европы, такие перемены существенно влияют на ядро системы производства и воспроизводства общественной жизни, а ошибки здесь могут стратегически иметь отрицательные последствия.

Процесс внедрения в жизнь основных положений партийных документов является основой текущего «процесса обновления», которые объективно изменяет общественную систему в целом. Но такой процесс не является системным и комплексным.

«Процесс обновления» – коренное изменение всех общественно-производственных отношений кубинского социализма. Идет коренное преобразование системы общественных отношений, от чисто объективных до идеологических отношений. Идет реформа объективно действующей системы собственности Кубы.

Нам необходимо достичь гегемонии системы государственных предприятий (вообще государственной собственности во всех её проявлениях), «обновленных» после реформы, которые играли бы определяющую роль в артикуляции различных форм собственности. Это необходимый результат и предпосылка эффективного процесса общественного планирования как коллективного строительства, начинающегося от индивидов как производителей и потребителей.

Для достижения синергии эффектов запущенных преобразований следует системно *продумать и внедрить в жизнь все политические решения и конкретные действия, на основе руководящей роли ключевых общественных субъектов, таких как:* 1. Трудовые коллективы; 2. Территориальные единицы; 3. Государство как социальный институт, способный выразить действия индивидов в производстве и воспроизводстве новой природы общественной жизни.

При учёте внешнего контекста кубинского процесса преобразований нужно обратить особое внимание на процесс «нормализации» отношений с правительством США, который официально начался с 17 Декабря 2014 года. Само применение термина «нормализация» имеет идеологические последствия, как показывают события на Кубе и действия Трампа. Мы не имеем право на ошибку, как не имеем право быть наивными. Необходимо учитывать и контекст, окружающий Кубу. Например, потенциальные изменения в Венесуэле и в целом в Латинской Америке.

Последнее, но не менее важное.

Даже соглашаясь с тем, что в партийных документах даётся важная основа для работы над переменами, приходится признать, что существуют очень серьёзные недостатки их понятийного обоснования, их концептуализации. Преодолев эти недостатки, мы могли бы помочь обеспечить более широкое и эффективное внедрение на практике целей преобразований, развивая и обогащая их взаимодействие с более точно и строго определёнными противоречиями действительности, на которые мы хотим оказывать влияние. Это позволило бы создать последовательно системный подход к выработке политических решений и осуществлению конкретных действий.

Такие ошибки открывают простор для усиления тенденций к импровизации и волюнтаризму, определяют нехватку когерентности в процессе обновления, что препятствует эффективному реформированию системы общественных отношений.

Мы не говорим об окончательных и универсальных ответах на поставленные вопросы, о полноте разработанной и законченной теории, откуда можно было бы получить все необходимые ответы для практики: что нужно менять и как это делать. Нам представляется необходимым развитие интегрального и системного взгляда на процессы, идущие внутри системы и в её окружении, как результата взаимодействия постоянного и непрерывного анализа действительности, её противоречий с анализом предложений по реформированию системы. Это предполагает тесное взаимодействие всех индивидов, заинтересованных в укреплении процесса социалистического развития и институтов нашего общества, как субъектов и объектов необходимых перемен. Мы должны решительно отвергать то, что не содействует или даже противоречит стратегической цели преобразований, определяя те тактические шаги, которые будут способствовать достижению стратегических целей, без импровизации или волюнтаризма.

Импровизация и волюнтаризм в конечном итоге только приводят к ошибкам и провалам, что, как показывает опыт других попыток социалистического реформирования, ведёт к фатальным последствиям.

Недостаточно осознать, что многое нужно менять; недостаточно быть недовольными существующим состоянием дел и стремиться устроить все

по-другому. Нужно ясное представление того, что надо менять, с какой целью, в каком направлении, как менять. Особенно важно определить всё это в процессе дискуссии с участием всех заинтересованных в социалистическом процессе субъектов.

Куба сегодня нуждается в переменах в экономике, необходимых для поддержания и эффективного стимулирования социалистического развития. Однако они должны сопровождаться и, по возможности, опережаться политическими переменами. Это – сложное диалектическое взаимовлияние. Если не обращать внимания на данную проблему, то это может привести к рождению тенденций, противостоящих социалистической траектории развития. Надо признать, что такие тенденции уже присутствуют в кубинском обществе, находя своё отражение в эгоистическом поведении, с воспроизводством индивидуализированных индивидов, думающих эгоистически, исключительно о себе.

Борьба идей кубинского народа продолжается в более сложных, чем когда-либо раньше, условиях. И в этой борьбе решающую роль призвано играть научное познание, в частности общественные науки, в рамках которых развивается как таковая экономика, во взаимодействии с политологией и другими науками.

Список литературы

Бодрунов С.Д. (ред.) (2017) Гэлбрейт: возвращение. М.: Культурная революция.

Бодрунов С.Д. (2018а). Ноономика. М: Культурная революция.

Бодрунов С.Д. (2018б) Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России, № 2 (56)

Бодрунов С.Д. (2019) Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета, Т. 20, № 1.

Кастро Ф. (2000). Выступление на Первомайской демонстрации 2000 г. URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/2000/ing/f010500i.html>

Кастро Ф. (2016). Выступление на VII съезде Коммунистической партии Кубы. URL: <https://www.vozdeamerica.com/estadosunidos/fidel-castro-frases-celebres-hasta-la-victoria-siempre>

Ленин, В.И. (1972) ПСС. Т. 15. Изд. 5-е.

Маркс, К., Энгельс Ф. (1955). ПСС. Т. 4. Изд. 2-е.

Alhama, R., Alonso F., Cuevas, R. (2001). Perfeccionamiento empresarial. Realidades y retos. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales.

Bodrunov, S. (2020). Noonomía. Mexico- Madrid: Plaza y Valdés S. A. Editores.

Раздел 3

**Ноономика:
политико-экономические
отражения**

Ноономика и геополитическая экономия: естественные союзники

Радика Десаи

Директор, профессор Исследовательской группы проблем геополитэкономии Университета Манитобы (Канада)

Современное представление о хорошо организованном обществе неизбежно связано с концепцией изобилия, созданной развитием социальных производственных возможностей человеческого общества, которые так стремительно развивались на протяжении веков. Рассматриваем ли мы теорию «научного» социализма в противоположность «утопическому» социализму Маркса и Энгельса (Engels, 1880/1970) или экономическую теорию Кейнса (Keynes, 1930/1963), изложенную в «Экономических возможностях для наших внуков», – вывод один: производство и технологии имели решающее значение. Хотя в наше время экологические важнейшие проблемы – изменение климата, утрата биоразнообразия и загрязнение окружающей среды – заставили многих говорить об «отрицательном экономическом росте» (Victor, 2008) – убедительный аргумент)), и хотя эти взгляды в отношении экологических последствий роста и бесконечного и бездумного желания потреблять безусловно верны, мы должны высказать по крайней мере три соображения. Во-первых, в течение десятилетий неоллиберализма, даже при замедлении роста, размер экологического ущерба увеличивается.

Очевидно, что низкие темпы роста сами по себе не являются синонимом защиты окружающей среды. Все зависит от того, как измеряется рост. Даже при самой экологически-ориентированной экономике, предусматривающей сокращение использования ресурсов и земельных угодий и даже исключение потребления ископаемого топлива, можно наблюдать рост. Во-вторых, решение самих важнейших проблем предполагает использование более совершенных технологий, работающих в гармонии с окружающей природной средой даже без роста. Вот почему так важно определить социально-ориентированные приоритеты и культурную сферу, которая будет свободна от импульсных воздействий коммерции, стимулирующей бессмысленное и социально разрушительное потребление. И, наконец, воздействие на окружающую среду предполагает, даже если это не всегда можно выразить словами, демократически планируемую экономику именно того типа, который имели в виду Маркс или Кейнс.

Однако Запад сталкивается с некоторыми очень серьезными препятствиями на пути к достижению этих целей. Система понятий и идеология приверженцев основного направления экономической теории, усовершенствованная за четыре десятилетия неолиберализма, просто прославляет капитализм в силу того, что он поставил себе в заслугу достижение самых высоких темпов роста и технологических разработок без всеобщего или централизованного планирования. Действительно, чего же еще ожидать. Однако за те же десятилетия неолиберализма западные левые выработали свою собственную форму неолиберализма, достигли консенсуса против планирования и против партийной

политики, направленной на его осуществление. Вместо этого они придерживаются того, что я называю прудонистской экономикой небольшого, децентрализованного производства и беспартийной сетевой политикой или политикой небольших, локальных и отдельных групп, связанных, если вообще можно говорить о каких-либо связях, только лишь непрочными сетями (Desai, 2011). Благодаря вторжению «троянского коня» неоклассической экономики в самые цитадели марксизма в течение одного-двух десятилетий после появления последнего (информация о вышеуказанном событии и его разрушительных долгосрочных последствиях для западного марксизма содержится в работах Десаи (Desai, 2010, 2016, 2017, 2020a, 2020b), большая часть западных левых, включая их марксистский костяк, на самом деле, зачастую во главе с марксистским костяком, считает капитализм практически прометеанской системой. Он считается превосходящим любую другую систему и, конечно же, любую систему, основанную на планировании, с точки зрения способности развивать общественный производственный потенциал или, выражаясь марксистскими терминами, развивать производительные силы.

Падение Берлинской стены и распад СССР хотя и произошли по причинам, совершенно не зависящим от давления Запада или экономического успеха Запада (Kotz, 1997), вызвали совершенно ничем не мотивированный триумфализм Запада, который сопровождался заявлениями о том, что исторические процессы достигли своей «конечной остановки», которая называется капитализм и либеральная демократия. Это также усилило тенденцию, существующую среди западных сторонников ради-

кальных убеждений, заключающуюся в стремлении дистанцироваться от любых подходов, основанных на централизованном планировании или партийном принципе.

Удивительно то, что эта точка зрения закрепились на протяжении десятилетий неолиберализма, как раз в то время, когда по логике вещей, от нее должны были отказаться. В конце концов, неолиберальные политические меры не смогли возродить капитализм после того, как его рост замедлился в 1970-е годы (Brenner, 1998, 2009), несмотря на меры по снятию ограничений с капитала в целях возрождения его «природного духа», отказа от жесткого государственного регулирования и подавления влияния профсоюзов. Более того, страны с большей степенью государственного вмешательства и плановой экономикой, возглавляемые Китаем с его коммунистической государственной партией и включая другие страны БРИКС, демонстрировали более высокие темпы роста за те же десятилетия. Уже в конце 2000-х ведущие законодатели мнений готовили западные страны, считающиеся доминирующими нациями мира, к надвигающемуся «затмению» (O'Neil, 2001). Ускорение произошло только после 2008 года, когда достигли своего пика развивающиеся на протяжении десятилетий процессы возрастания роли финансового сектора – серии международных и национальных финансовых пузырей, которые лопались с поразительной регулярностью в ходе шествия неолиберализма, которые обеспечивали, по крайней мере, слабый рост за счет своего «эффекта благосостояния» (одновременно удерживая стоимость доллара за счет искусственного финансового спроса на него (Desai, 2013a, Десаи, 2020)). После это-

го, хотя международные финансовые потоки и восстановились после стремительного сокращения, они на 65 процентов отставали от показателей пика 2007 года, а рост на Западе, и без того медленный на протяжении десятилетий неолиберализма, совсем замедлился. Благодаря сочетанию политики жесткой экономии для многих антикризисных мер и мер поддержки, оказываемых центральными банками небольшой прослойке финансовой элиты, избиратели в ведущих неолиберальных странах – не только в небольших менее значимых странах, таких как Венгрия, избрали опасных популистских лидеров, которые могли только усугубить ситуацию.

Неудивительно, что западные сторонники радикальных убеждений, которые так долго вынашивали прометеанскую концепцию капитализма, были потрясены (Desai, 2020c) пандемией и тем, насколько слабыми оказались западные неолиберальные страны, обеспеченные деньгами, и их политика. Нельзя было ожидать, что рушащиеся системы общественного здравоохранения, истощенные десятилетиями неолиберального недофинансирования, акционирования, приватизации и аутсорсинга, справятся с натиском вируса. По иронии судьбы, учитывая, что они должны были защищать людей, теперь их должны были защищать люди, оставшиеся в своих домах, не имеющие возможности работать, учиться или развлекаться (Desai, 2020d). В условиях последующего введенного режима изоляции экономика неолиберальных стран была разрушена. На протяжении десятилетий они передавали наиболее важные отрасли производства на аутсорсинг в места с более низким уровнем заработной платы и теперь оказались не в состоянии обеспечить население предмета-

ми первой необходимости, в том числе предметами первой необходимости медицинского назначения. Такие страны полагались на получение монопольной и финансовой ренты со всех стран мира, тогда как их собственная экономика была адаптирована для потребления богатых, которое подпитывалось доходом от активов, а также потребления остальных стран за счет долгов. Это привело к созданию экономики, ориентированной на производство несущественных «излишеств», таких как путешествия, туризм, рестораны, бытовые услуги, и именно эти сферы в наибольшей степени пострадали от введения режима изоляции.

Теря драгоценное время, правительства неолиберальных стран в течение нескольких недель отрицали серьезность ситуации и начали реагировать только тогда, когда ее уже больше невозможно было скрывать. Когда они наконец начали принимать меры, они сделали это в истинно неолиберальном стиле, чтобы спасти только лишь финансовый сектор. Их величайшее усилие, направленное на благо общества, состояло в практически неограниченной выдаче денежных средств Центрального банка для поддержания ликвидности. Сначала это было ответом на ожидаемый, а затем и на реальный спад на рынках активов в марте, в том числе акций, облигаций и производных инструментов. При этом, например, Федеральной резервной системе удалось израсходовать за несколько недель все «боеприпасы», которые ей удалось накопить за предыдущие годы путем постепенного повышения процентных ставок, чтобы облегчить тяготы взлелеянного ей финансового сектора.

Вливание ликвидных средств было настолько большим, что в течение следующих двух месяцев

свело на нет почти все убытки, понесенные в марте. Это восстановление рынка, подпитываемое ликвидными средствами и бесполезное в настоящее время, не имело основы на фоне быстро ухудшающегося состояния экономики. Даже финансовая пресса не ожидала, что это продлится долго (Desai 2020e, Financial Times, 2020). Однако, по крайней мере, срок оплаты по счетам был отложен, и активы финансового сектора и элиты сохранены и даже увеличены.

Однако, кроме этого, правительства неолиберальных стран мало что могли сделать. Экономика рухнула из-за карантинных ограничений, а также из-за хаотичной реакции общественности, которая едва могла контролировать ситуацию с COVID-19. Недовольство продолжало расти. На фоне всего этого финансовые результаты Китая представляют собой резкий контраст, в частности, с его плановой экономикой, способной взять под контроль пандемию, и возобновляющимся ростом. Его технологическую мощь, уже продемонстрировавшую себя за годы до пандемии, больше невозможно было выносить. Через три месяца после начала пандемии, когда Западу снова стала угрожать потенциально превосходящая его социалистическая производительная сила, против Китая была объявлена новая холодная война.

Очевидно, что курс, который был выбран неолиберальным капитализмом, требует серьезной корректировки. Уже много разговоров о «концепции восстановления по принципу «лучше, чем было» и в центре целого ряда идей для экономической политики лежат рассуждения на тему того, каким образом это сделать, целесообразно ли это или нет: Современная монетарная теория, универсальный базовый доход, реконструкция городов, изменение

структуры занятости. Список достаточно длинный. Однако нам также потребуются более масштабные идеи, объясняющие, как и почему капитализм попал в это неприятное положение, и как из него выбраться. Среди наиболее важных – ноономика и геополитическая экономия, и, как утверждается в этой статье, они являются естественными союзниками. Объединив усилия, они могут указать прогрессивным силам на реальную динамику увеличения глобального производственного потенциала.

Ноономика исследует условия развития производственного потенциала в исторической перспективе и в условиях двадцать первого века, в частности, каким образом мир может трансформироваться в структуру, которая в данной теории называется Новым индустриальным обществом 2.0. Ноономика признает, что эти условия являются социальными, и в сравнении с ними концепция «экономической рациональности» частной собственности по своему характеру является хищнической. Геополитическая экономия, напротив, показывает, как и почему, с исторической точки зрения, вклад общества и государства был и остается ключевым фактором в расширении производственных возможностей стран по всему миру. Хотя многие терпят неудачу, нет другого пути к успеху, кроме выяснения и исправления ситуации. Геополитическая экономия может объяснить, как и почему ведущие неолиберальные страны сделали все неправильно, и как и почему Китай сделал это правильно. Таким образом, в значительной степени объяснение тому, почему неолиберальный обеспеченный деньгами капиталистический мир оказался в той сложной созданной им ситуации, а также относительно пути выхода из нее, можно найти в точке

пересечения ноономики и геополитической экономики. Давайте рассмотрим их по очереди.

Ноономика

Предлагая науку ноономику (Bodrunov, 2018b), Сергей Бодрунов развивает взгляды Маркса на историю человечества как на развитие производительных сил и, следовательно, человеческих знаний и технологий. Он объединяет эту науку с европейскими философскими течениями, в которых уже давно подчеркивается критическая роль знаний в истории человечества и в развитии производственного потенциала людей через концепцию ноосферы. Он определяет ноономику как систему хозяйственного управления, в которой первостепенное значение будут иметь отношения между людьми, не связанные с материальным производством. Она станет основой, фундаментом будущего общества, которое, однако, может стать реальностью при рациональном развитии человеческой цивилизации. (Bodrunov, 2018a).

Ноономика предполагает «переход к наукоемкому материальному производству». Хотя сегодня много говорят об «экономике знаний», «когнитивном капитализме», «пятом цикле Кондратьева» и новой промышленной революции в области информационно-коммуникационных технологий, Бодрунов понимает, что современные изменения и трансформации – это вопрос степени, а не качества.

Знания всегда стоят в центре производства, и Маркс хорошо это знал. В начале главы «Капитала» о производстве прибавочной стоимости речь идет о процессе труда, трансгисторической реальности

и процессе возрастания стоимости, который характерен для капитализма, начиная со знаменитого утверждения, что в первую очередь, труд – это просто «обмен веществ» (Marx, 1867/1977, p. 187) между человеком и природой. Хотя первые люди могли участвовать в этом обмене веществ инстинктивно, основа существования человечества состоит в том, что вскоре труд превращается в исключительно человеческую характерную черту, которая также трансформирует человечество. В этой исключительно человеческой форме труд всегда предполагает использование знаний. В знаменитом высказывании Маркса о разнице между пчелами и архитекторами говорится: «... самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально». (Marx, 1867/1996, p. 188).

Интересно также, что Маркс отмечает, что историки до сих пор уделяли очень мало внимания развитию материального производства, которое является основой всей общественной жизни и, следовательно, и всей истории. Однако, в любом случае доисторические времена были классифицированы на основе исследований естественных наук, а не на основе так называемых исторических исследований. Доисторические времена были классифицированы в соответствии с материалами, из которых изготавливались инструменты и оружие, и разделены на каменный век, бронзовый век и железный век. (Marx, 1867/1996, p. 190).

Хотя Маркс не говорит об этом прямо, по всей вероятности, он утверждает, что чем более созна-

тельно люди разрабатывают свои процессы труда, тем ближе они приближаются к эпохе ноономики.

Этот процесс, который всегда сопровождался изменениями в процессе труда, а к моменту наступления индустриальной эпохи, при промышленном производстве, сегодня вывел нас на новый этап. Мы наблюдаем «резкое снижение роли материальных факторов производства [и] повышение роли знаний, ускорение научно-технического прогресса и многое другое» (Vodrunov, 2018a). Кроме того, развитие человеческих знаний, способов их обработки и передачи сами по себе становятся отраслями экономической деятельности человека. Отчасти это становится очевидным, если посмотреть на развитие сектора информационно-коммуникационных технологий.

Информационные и коммуникационные (в настоящее время широко используется термин «цифровые»), и когнитивные технологии, которые, в отличие от всех других, демонстрируют свою высокую способность проникать в технологические процессы любого типа, позволят им стать интегрированной технологической платформой, способной объединять разнообразные технологии в комбинированные технологические процессы. Фактически, информационные и когнитивные технологии будут служить каналом для внедрения знаний в технологические процессы – посредством обработки больших данных и искусственного интеллекта. (Vodrunov, 2018a)

Однако, точно так же, как переход от охоты и собирательства к сельскому хозяйству не устранил прежнюю деятельность, равно как и переход от сельского хозяйства к промышленности не привел и не мог привести к ликвидации сельского хозяйства, растущая роль знаний не означает, что исключительно

интеллектуальная деятельность вытеснит или заменит материальное производство, как считали сторонники теорий постиндустриализма. Скорее, это означает, что само материальное производство станет гораздо более наукоемким. В результате наступит время, когда часть многих продуктов массового потребления, связанная со знаниями, так сказать, начнет значительно перевешивать материальную часть (Bodrunov, 2018a).

Или же, иными словами, хотя производство, несомненно, остается критически важным сектором экономики в развитых странах..., услуги доминируют в современной экономике. Производство, в том числе производство товаров, также принимает новые, творческие и культурологические формы (Freeman, 2008). Несмотря на то, что количество работников, которые в первую очередь используют творческие, когнитивные навыки, или навыки, основанные на знаниях, возросло, практически любая работа в настоящее время в той или иной степени требует применения этих навыков (Бакши, Десаи, Фриман).

Что все это означает для мира, в частности, для экономики западных стран и того безвыходного положения, в котором они оказались в настоящее время? «Затяжной кризис», начавшийся примерно в 1970-х годах, остался нерешенной проблемой новой неолиберальной политической парадигмы. Рост оставался медленным (при этом, как было продемонстрировано, приобрел еще более разрушительный характер с экологической точки зрения). После 2008 года, похоже, наступил период еще большей стагнации, который с тех пор получил название «новой нормальности». По мнению Бодрунова, хотя растущая роль финансового сектора и другие нео-

либеральные явления, такие как рост неравенства или недостаточный платежеспособный спрос, могли сыграть свою роль, реальная проблема заключается в том, что «мы достигли предела эффективности существующей модели развития...». Необходимы глубокие реформы» (Bodrunov, 2018b, p. 57). Ни старая модель, ни ее «методы выхода из кризиса» больше не работают. В результате мы наблюдаем следующее: «глобальный спад в инвестировании, нестабильный спрос и цены на энергетических рынках, волатильность необеспеченных валют, отсутствие роста доходов большинства населения развитых стран..., всеобщая растерянность..., колебания рынка, рост напряженности и... появление в США таких, казалось бы, неожиданных лидеров, как Дональд Трамп» (Bodrunov, 2018b, pp. 57-80).

Необходим переход к новому этапу интеграции знаний в производство, к тому, что Бодрунов, вслед за Джоном Кеннетом Гэлбрейтом, называет новым индустриальным обществом, но уже второго поколения.. Как только оно появится, мы сможем ожидать все более беспрепятственной интеграции знаний в производство и появления все более органичных форм еще более эффективного производства, которые также помогут избежать разрушения окружающей среды при реализации циклов производства и распределения.

Одним из важнейших подразумеваемых выводов, скорее скрытых, чем явных, является то, что, хотя значительный прогресс в этом направлении уже возможен, данный процесс может принимать только ограниченные и искаженные формы при капиталистической системе, особенно в ее нынешней форме неолиберального, обеспеченного деньгами капита-

лизма с его тенденцией подчинять все ограничивающему правилу экономической рациональности. Данный переход, предусмотренный ноономикой, возможен лишь при масштабном вмешательстве государства.

Как раз и появляется геополитическая экономия, ставящая во главу угла «существенность наций». Это условие демонстрирует, что исторически вмешательство государства имело решающее значение для развития производственного потенциала всех сообществ, главным образом потому, что динамика международных отношений капиталистических государств поставила их перед бескомпромиссным выбором: развиваться таким образом или признать статус зависимого государства.

Геополитическая экономия

Геополитическая экономия (Desai, 2013a, Десаи, 2020) – это новый подход к пониманию мировых процессов. В центре внимания находятся государства, выдвигается понятие «существенности наций»: подчеркивается особо важная роль, которую государства играют в экономике. Большинство сочло бы это утверждение очевидной истиной для экономики всех стран, кроме экономики капиталистических государств. Однако оно особенно касается экономики капиталистических государств. Государства играют основную роль не только при их основании – данный постулат с готовностью признается и даже превозносится либералами, которые воспевают буржуазные революции, которые сделали возможными их появление – но и в процессе обеспечения стабильности и развития.

Мы можем лучше понять значимость геополитической экономики на фоне доминирующих представлений о мировых проблемах, таких как «глобализация» и «гегемония» или «империя» США. Все они описывают мировую экономику в предложенных Фридрихом Листом (List, 1844) терминах «космополитической экономики», когда государства не играют никакой роли, не существует национальных экономик, а мировая экономика представляет собой неразрывно единое целое. Разделение на многочисленные государства и национальные экономики считается в лучшем случае случайным и не играющим существенной роли процессом, а в худшем случае полностью игнорируется. В парадигмах свободной торговли и глобализации рынки объединяют мировую экономику, и государства не имеют особого значения. В парадигмах гегемонии или империи США одна мировая держава объединяет мировую экономику, и только одно государство играет решающую роль.

Эти подходы никогда не давали точного объяснения эволюции мира капитализма или отношений между его национальными государствами и экономикой. Если такие подходы превалировали, то в качестве господства международных идеологий, что является международным эквивалентом «господствующих идей».

Если господствующие идеи любого общества являются идеями правящих классов, идеями, которые служат их интересам и поддерживают их власть, тогда господствующие идеи касательно мирового порядка по понятным причинам будут иметь тенденцию быть идеями доминирующих держав. Они полезны для сохранения их господства, в частности,

путем окружения тайной и скрывает реальных источников национального благосостояния и власти. Какую бы форму они ни приняли, их цель – поддерживать господство развитых стран.

В отличие от этого, геополитическая экономия указывает на реалии, которые подрывают это господство и распределяют производственную силу по всему миру. В то время как они, как и родственная им дисциплина международных отношений, являются «дисциплинами западного превосходства» (Van der Pijl, 2014), геополитическая экономия – это дисциплина многополярности (Desai, 2015).

Геополитическая экономия основывается в первую очередь на том утверждении, что государства играют решающую роль в эволюции капиталистической экономики. Основываясь на изучении работы «Докапиталистические общественно-экономические формации» (Hobsbawm, 1964), Маркс сделал вывод о том, что капиталистические экономики являются очень неестественными общественно-экономическими формациями, настолько, что для их создания потребовались революции (Desai, Heller, 2020). Хотя капиталистическая утопия (Polanyi, 1944/1985) – это один из свободных рынков, не обремененных государствами, особенно государствами, которые обязаны хоть малейшей долей своей легитимности некапиталистическим трудящимся массам. В действительности капитализм никогда не был свободен от социального и государственного регулирования. Во-первых, все капиталистические общества возникают из некапиталистической общественной среды, и они никогда не могут полностью освободиться от этой оболочки. Так же важны и противоречия капитализма – как горизонтальные,

возникающие из внутрикапиталистических отношений конкуренции, так и вертикальные, возникающие из межклассовых отношений эксплуатации и классовой борьбы. Противоречия приводят к кризисам и нестабильности, экономической и политической, и требуют регулярных действий от государства для стабилизации и реорганизации капитализма (Desai, 2010, 2020). Такие действия государства принимают как внутренние, так и международные формы, при этом обе формы сильно взаимосвязаны.

Последняя форма действий государства – международная – является последней важной причиной, объясняющей, почему государства играют важную, существенную роль в капиталистическом мире. Она также объясняет, почему эта роль никогда не позволяла реализовать утопию безгосударственного капитализма или капитализма с доминированием одного государства над космополитическим миром. Объяснение, которое дает геополитическая экономия, приведено ниже.

Маркс и Энгельс считали разделение мира на нации таким же важным процессом, как и его разделение на классы. Однако преемники Маркса столкнулись со значительными препятствиями на пути возвращения и развития этой части своего наследия: влияние неоклассической экономики на марксизм (дальнейшие исследования см. в работе Десаи (Desai, 2010, 2016, 2017, 2020а, 2020с). Это привело к неявному или явному принятию двух постулатов Д. Рикардо – «Закон рынков Сэя» и «Сравнительное преимущество» – отрицанию противоречий капитализма и вытекающих из них империалистических императивов – большинством марксистов и побудило их принять космополитическое понимание мировой

экономики, и даже (неправильно) объявить Маркса в качестве своего предшественника. Хотя некоторые взгляды в отношении капиталистической эксплуатации сохранились, в основном в социологических и/или политических формах, большинство экономистов-марксистов также ставят под сомнение функционально-стоимостный анализ Маркса, утверждая, что он никогда не говорил о том, что капитализм имеет тенденцию к отсутствию достаточного спроса, и что он ошибался относительно тенденции снижения нормы прибыли. Результатом стала свободная от противоречий и космополитическая концепция капитализма, приписывающая ему прометеанскую продуктивность, что больше напоминает идеи Шумпетера, чем Маркса.

На самом деле, не только многочисленные противоречия привели капиталистические общества к более или менее постоянному вмешательству для управления капитализмом и его стабилизации, его международная динамика внесла дополнительные весомые императивы для вмешательства государства в экономику с целью развития производственного потенциала.

Эти императивы проистекают из тенденции капиталистических государств передавать за рамки своей системы последствия противоречий и кризисов и конкурировать друг с другом, перенося их в колонии и/или более слабые государства (полуколонии). Чтобы внедрить закон неравномерного и комбинированного развития (Trotsky, 1934), с концепцией которого соглашались Маркс и Энгельс, а также многие другие марксисты (Desai, 2013a, Десаи, 2020), доминирующие государства стремятся поддерживать неравномерность и взаимодополня-

емость, которые существуют между их более продуктивными экономиками и менее продуктивными экономиками подчиненных им государств. Однако некоторые страны способны и готовы противостоять такому подчинению, угрожающему или фактическому, посредством направляемого государством развития или комбинированного развития, используя, среди прочего, защиту, государственную помощь, целенаправленное использование кредитов, промышленную политику и государственные инвестиции в образование, исследования и инновации – направленные на достижения сходства с продуктивными структурами. Как отмечали многие теоретики экономики развития (например, (Amsden 1992, 2007; Wade 1990, Chang 2002), не все такие попытки оказываются успешными, но без них невозможно развитие производственного потенциала.

Действительно, только диалектика капиталистических международных отношений между доминирующими и конкурирующими нациями, а не рынки и не империалистическая экспансия капитализма, является «ответственной» за распространение производственных мощностей по всему миру. Это уже сделало мир многополярным благодаря индустриализации первых претендентов на аналогичное первоначальное промышленное и имперское господство Великобритании – Германии, США и Японии в 1870-х годах. Русская революция привела к появлению конкурирующей индустриализации в новой, некапиталистической или «социалистической» форме, которая с тех пор распространилась на Китай и другие страны. Таким образом, за полтора века, прошедшие с 1870-х годов, многополярность только усилилась, в том числе за счет индустриализации СССР, до современно-

го уровня развития Китая, возрождения посткоммунистической России и появления экономики других стран, включая страны БРИК.

Маркс и Энгельс понимали экономическую роль государства (Desai, 2014), но не стали развивать эту концепцию дальше. Маркс, в частности, не закончил запланированный том «Капитала», где хотел развить эту концепция. Второе поколение марксистов подчеркивало, насколько важна имперская деятельность государства для капитализма в целом (Роза Люксембург), или насколько важной она стала на «финансовой», «национальной» или «монопольной» стадии капитализма (Гильфердинг, Бухарин и Ленин). Гильфердинг также развил понятие Маркса о том, что монополистический и картелизированный капитализм, который только начинал зарождаться в его время, закладывал основу для социализма (Desai, 2021).

Данный факт широко не признается даже в марксистских кругах. Это вызвано тем, что новая «марксистская экономика» появилась в течение нескольких десятилетий после появления неоклассической экономики. Марксисты, которые обучались новой дисциплине до того, как пришли к марксизму, просто не могли понять, насколько эти две дисциплины несовместимы друг с другом. Они могли понять марксизм только через призму неоклассической экономики и не могли понять критическую политическую экономию Маркса с ее акцентом на неизбежное возникновение противоречивых процессов производства прибавочной стоимости, иррациональность капитализма и принудительную динамику неравномерного и комбинированного развития (Desai, 2010, 2016, 2017, 2020a и 2020b).

В этой связи развитие понимания экономической роли государства выпало в основном на долю немарксистов, в частности, экономистов-историков и приверженцев школы институциональной экономики, а также Джона Мейнарда Кейнса. В неолиберальную эпоху их факел подхватили теоретики «государства развития», такие как Элис Эмсен, Ха Джун Чхан, Илен Грабель, Роберт Уэйд и другие. Никто из них не был марксистом, и их идеи никогда не были полностью оформлены в качестве теории. Однако в эти темные десятилетия они представляли собой главный фронт интеллектуальной оппозиции неолиберализму.

Они продемонстрировали, что доктрина свободных рынков и свободной торговли является правильным рецептом лишь для экономической отсталости и бедности (Райнерт 2007), и что соперничающая индустриализация всех успешных промышленных магнатов, включая «раннюю» индустриализацию Англии, потребовала, чтобы государство играло главную роль. Государствам приходилось управлять торговлей, производством, кредитованием, внутренними и международными потоками товаров, капитала и финансов. Недавно эти авторы также продемонстрировали, что даже всевозможные инновации, в том числе в секторе информационно-коммуникационных технологий, которые обычно считаются исключительно рыночными инновациями, поддерживаются государством (Mazzucato, 2016, Reinert, 2008).

Однако геополитическая экономия дальше разрабатывает последствия этого процесса, чего не делали теоретики государства развития. Приводим эти последствия. По мере распространения многополяр-

ности, когда большинству государств приходится управлять даже капиталистической экономикой, все экономики становятся более управляемыми государством, и, следовательно, все экономики становятся подвержены управлению с использованием «неэкономических» критериев, которые рекомендует нономика. Многополярность, с распространением производительной силы и, как следствие, принуждающей власти, также удерживает все больше и больше государств (за исключением безумцев у власти, что, как показывает ситуация в США, остается вполне реальной возможностью), от отношений друг с другом, основанных на военных действиях, и создает творческие стимулы для международного сотрудничества.

В заключение хотелось бы отметить, что Эрнест Мандель напомнил нам о понимании Марксом и Энгельсом того, что понятие капитализма в «Капитале» никогда не относилось к какой-либо реальной системе, и что «чистый» капитализм нигде не существовал. Действительно, как уверенно предсказал Энгельс, капитализма никогда не будет, поскольку революционеры не «допустят до этого» (Mandel, 1978, p. 68). Несмотря на резкую критику Маркса, направленную против немецких товарищей, – *de te fabula narratur* (басня сказывается о тебе) и тому подобное во введении к оригинальному немецкому изданию «Капитала» – особенно капитализм не существовал в Англии (Anderson, 1987). Капитализм всегда нуждался в государственной поддержке, которая только усиливается по мере распространения многополярности. Эта геополитическая экономия капитализма облегчает путь к ноопроизводству. А в условиях нынешнего кризиса капитализма и развязанных им новых холодных войн нет ничего более неотложного.

Список литературы

- Desai P.* (2020). Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи / Р. Десаи; науч. ред. российского издания С.Д. Бодрунов; пер. с англ. – М.: ИНИР им. С.Ю. Витте : Центркаталог. – 328 с.
- Amsden, A.H.* (1992) *Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization*. New York: Oxford University Press.
- Amsden, A.H.* (2007) *Escape from Empire: The Developing World's Journey Through Heaven and Hell*. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Anderson, P.* (1987) *Figures of Descent* // *New Left Review*, No 1/161
- Block, F.* (2008) *Swimming Against the Current: The Rise of a Hidden Developmental State in the United States* // *Politics & Society*, Volume 36, Issue 2. Pp. 169 -206.
- Bodrunov, S.* (2018a) *Noonomy and Marx*. *The Free Economy Journal*. 30 June, URL: <http://freeeconomy.ru/english/noonomy-and-marx.html>
- Bodrunov, S.* (2018b) *Noonomy*. Special Edition as Material to Discuss at the Scientific Seminar, «Marx in a High Technology Era: Globalization, Capital and Class». Cambridge, 26-27 October.
- Brenner, R.* (1998) *The Economics of Global Turbulence* // *New Left Review*, No 1/229. Pp. 1-265.
- Brenner, R.* (2009) *What is Good for Goldman Sach is Good for America: The Origins of the Current Crisis* / Prologue to the Spanish edition of Brenner 2006. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/issr/cstch/papers/BrennerCrisisTodayOctober2009.pdf>
- Chang, H.-J.* (2002) *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. London: Anthem.
- Desai, R.* (2010) *Consumption Demand in Marx and in the Current Crisis* // *Research in Political Economy*, Volume 26. Pp. 101-41.
- Desai, R.* (2011) *The New Communists of the Commons: 21st Century Proudhonists* // *International Critical Thought*, June. Pp. 204-223.
- Desai, R.* (2013a) *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto. *Future of World Capitalism Series*
- Desai, R.* (2013b) *BRICS without Mortar?* // *The Bricspost*, 23 March 2. URL: http://thebricspost.com/brics-without-mortar/#.UvdpVLTP_Oc
- Desai, R.* (2015) *Geopolitical Economy: The Discipline of Multipolarity* / *Valdai Club Paper No 24*, 22 July 2015. URL: http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai_paper_24_geopolitical_economy_the_discipline_of_multipolarity/
- Desai, R.* (2016) *The Value of History and the History of Value* / In *Turan Subasat* (ed). *The Great Meltdown of 2008: Systemic, Conjunctural or Policy-created?*, Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing. Pp. 136-158
- Desai, R.* (2017) *Capital at 150* // *Red Pepper*, September. Pp. 48-49.
- Desai, R.* (2020a) *Consumption Demand in Marx, his Crisis Theories and in the Current Crisis* / Revised and updated version of «Consumption Demand in Marx and in the Current Crisis» (2010), published at *Exploring Economics*. URL: <https://www.exploring-economics.org/en/discover/consumption-demand-in-marx-his-crisis-theories-/>
- Desai, R.* (2020b) *Marx's Critical Political Economy, 'Marxist Economics' and Actually Occurring Revolutions against Capitalism* // *Third World Quarterly*,

Volume 41, Issue 8 [Special Issue on Revolutions edited by Radhika Desai and Henry Heller]. Pp. 1353-1370

Desai, R. (2020c) Political Hope in Search for an Agent // Canadian Dimension, 20 May. URL: <https://canadiandimension.com/articles/view/political-hope-in-search-of-an-agent>

Desai, R. (2020d) From Pandemic to Political Pandemonium // Canadian Dimension, 14 May. URL: <https://canadiandimension.com/articles/view/from-pandemic-to-political-pandemonium>

Desai, R. (2020e) Why Monetary Policy is No longer Enough / Valda Club, 4 May. URL: <https://valdaclub.com/a/highlights/why-monetary-policy-is-no-longer-enough/>

Desai, R. (2021) Finance Capital and Contemporary Financialization / In Judith Dellheim and Frieder Otto Wolf (eds). Hilferding. London: Macmillan Palgrave.

Desai, R., Heller H. (2020b) Introduction: Revolutions: a Twenty-First-Century Perspective // Third World Quarterly, Volume 41, Issue 8 [Special Issue on Revolutions edited by Radhika Desai and Henry Heller]. Pp. 1261-1271.

Engels, F. (1880/1970) Socialism: Utopian and Scientific / In Marx-Engels Selected Works, Volume 3, Moscow: Progress publishers. Pp. 95-151

Financial Times Editorial Board. (2020). A Market Rally Built on Shaky Foundations». Financial Times, 9 June. URL: <https://www.ft.com/content/2f0c5f56-aa5a-11ea-a766-7c300513fe47>

Freeman, A. (2008) Culture, Creativity and Innovation in the Internet Age / MPRA Paper 9007, University Library of Munich

Hobsbawm, E. (1964) Introduction. Karl Marx, / In Pre-capitalist Economic Formations. London: Lawrence and Wishart.

Keynes, J. M. (1930/1963) Economic Possibilities for our Grandchildren / In Essays in Persuasion. New York: Norton.

Kotz, D. M. (1997) Revolution from Above: The Demise of the Soviet System. London: Routledge.

List, F. (1841/1856) National System of Political Economy. Philadelphia: J.B. Lippincott and Co.

Mandel, E. (1978). Introduction. Karl Marx, Capital (Vol. II). London: Penguin

Marx, K. 1867/1977. Capital (Vol. I). London: Penguin

Mazzucato, M. (2015) The Entrepreneurial State: Debunking Public vs Private Sector Myths. London: Public Affairs.

O'Neill, J. (2001) Building Better Global Economic BRICs./ Global Economics Paper No 66. New York: Goldman Sachs.

Reinert, E. S. (2007) How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. London: Constable.

Trotsky, L. (1934) The History of the Russian Revolution. London: Gollancz.

Van der Pijl, K. (2014) The Discipline of Western Supremacy. London: Pluto.

Polanyi, K. (1944/1985) The Great Transformation. Boston: Beacon Press.

Victor, P. (2008) Managing Without Growth: Slower by Design, not Disaster. Cheltenham: Edward Elgar.

Wade, R. (1990) Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization. Princeton: Princeton University Press.

Эволюция предмета и метода политической экономии на заре цифровизации

Анатолий Пороховский

Заведующий кафедрой политической экономии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор (Россия)

Постановка проблемы

Главным технологическим и социально-экономическим явлением последних лет становится цифровизация во всем своем многообразии. При этом она оказывает наибольшее влияние на инфраструктуру экономики и общества. Несмотря на быстрое и масштабное развитие искусственного интеллекта роль человека не снижается, а возрастает. Экономические отношения между людьми, сохраняя свою природу, приобретают новые формы – рациональные, превращенные, иррациональные. Для обоснования данной научной гипотезы рассмотрим следующие вопросы:

- политическая экономия как системная теория;
- суть эволюции предмета и метода политической экономии;
- экономический смысл цифровизации

Громадное количество новых событий и явлений на страновом и глобальном уровнях вынуждает многих исследователей использовать междисциплинарный подход для их анализа. Это не означает, что

исчезают объекты и предметы отдельных наук и теорий. В полной мере сохраняет свою значимость и самостоятельное звучание политической экономии.

Политическая экономия как системная теория

Крутые переломы в развитии человеческой цивилизации, связанные с распадом СССР и формированием всеобщей рыночной глобализации, поддержанной повсеместным распространением интернета при лидерстве американской экономической модели и экономической науки, снизили внимание к политической экономии в России и других странах. Однако мировой экономический кризис 2007-2009 годов и слабые экономические результаты российских рыночных реформ вновь вывели на повестку научных дискуссий проблему системного решения накопившихся системных проблем. К удивлению, многих экспертов, такие решения может предложить, как раз политическая экономия – единственная цельная системная экономическая теория. Ни одна другая теория – ни институционализм, ни экономикс, ни поведенческая или эволюционная теория, ни другие школы, программы или направления – не обладают потенциалом системного подхода, располагая лишь инструментарием анализа своих ограниченных предметных областей.

Наряду с началом выхода в 2015 г. специального журнала «Вопросы политической экономии», опубликованы монографические исследования (Рязанов, 2019) и учебники, целиком посвящённые современному представлению политической эко-

номии (Бузгалин, Колганов, Барашкова, 2018). Более того, широкую известность приобретают книги российского учёного С.Д.Бодрунова о кардинальном изменении самой экономики в цифровую эпоху и повышении роли человека как главного созидателя (Бодрунов, 2018). Своеобразным путём отреагировали на 200-летие со дня рождения К.Маркса сотрудники Совета экономических консультантов при президенте США, которые в октябре 2018 г. выпустили доклад «Альтернативные издержки социализма», который затем вошёл отдельной восьмой главой в книгу «Экономический доклад президента» (Economic..., 2019). Авторы пытаются показать, что в США многие элементы социализма уже лучше и больше достигнуты, чем в странах ЕС и Европы в целом (Economic..., 2019, p.381-426). Речь идет об экономических и политических свободах, доступности здравоохранения, образования, жилища, пенсионном обеспечении. Впервые за последние десятилетия в официальном документе правительства США позитивно поданы отдельные преимущества социалистического устройства общества.

Современное информационное пространство, хотя и подвержено манипулированию со стороны крупных игроков, даёт возможность гражданам всех стран, особенно с развитой экономикой, быть в курсе происходящих событий в режиме реального времени. Американцы сравнивают свою жизнь с европейцами, европейцы – с американцами. Их мало интересует та или иная экономическая теория. Они видят свою страну и мир вокруг, какие они есть. И они хотят жить лучше. Такой настрой людей вынуждает власти искать новые теоретические подходы для решения растущих проблем.

В рамках общей экономической теории только политическая экономия отличается системностью построения своих категорий и законов. Поэтому процесс развития экономики одновременно объективно выступает и как процесс развития не отдельно какой-либо категории, а всей системы политической экономии, поскольку все её категории взаимосвязаны и взаимообусловлены. Если возникают новые явления, которые не были отражены в политэкономии, то они оцениваются и определяются системой координат политэкономии, где и находят своё место. В этом и состоит фундаментальность политической экономии. Поэтому несмотря на свою 400-летнюю историю, политическая экономия остаётся актуальной и в третьем тысячелетии.

Четвёртая промышленная революция показывает, насколько сложным и многообразным объектом исследования становится экономика. И здесь свою роль играют частные, отраслевые и функциональные экономические теории и науки. Число таких наук продолжает расти, всё больше насчитывается отраслей и сфер экономики, модифицируется механизм её функционирования. В условиях роста цифровизации и неопределенности будущего повышается роль таких конкретных наук, как экономическая теория информации, теория финансов, теории риска и страхования, теории инвестиций и аудита. В рамках подобных теорий рассматриваются отдельные сегменты развития, а не экономика в целом, что является объектом политической экономии.

Между тем глобализация делает национальные экономики, в том числе и экономику России, взаимозависимыми. Сформировались особые тенденции развития мировой экономики как таковой.

Несмотря на наличие общих родовых признаков рыночной экономики, нельзя не видеть особенности как национальных экономических моделей, так и мировой экономики. Воспроизводственный процесс на международном уровне подвержен сильному влиянию неэкономических факторов – военных, политических, религиозных. Поэтому каждая страна определяет оптимальный уровень открытости своей экономики, чтобы обеспечить свою экономическую безопасность. И в этом процессе политическая экономия играет главенствующую роль.

Суть эволюции предмета и метода

Политическая экономия возникла как наука о законах функционирования и развития национального рыночного хозяйства. После первой промышленной революции рыночное развитие получило долговременную промышленную основу, что позволило в полной мере раскрыться родовым признакам рыночной экономики – частной собственности, капиталу, наёмному труду, конкуренции, различного вида рынков, стоимости и рыночному ценообразованию. В этот период классическая политическая экономия мануфактурного периода получила развитие по двум основным направлениям – системному, марксистскому на базе теории трудовой стоимости и неоклассическому на основе теории предельной полезности, где земля, капитал и труд рассматривались как равноценные факторы.

В XX веке всё большее значение приобретала сфера услуг, которая также стала важным фактором

развития материального производства. В результате экономика развитых стран внешне превратилась в так называемую сервисную, ибо в среднем на сферу услуг приходится 75% ВВП, а на производство товаров – материальное производство – 25 %. Примерно в таких же пропорциях распределилась занятость работников. Экономическое значение производства товаров и производства услуг выровнялось для общества, хотя по-прежнему материальное производство остаётся общей основой воспроизводственного процесса, так как ни одна отрасль сферы услуг не может функционировать без изделий материального производства. Для экономики и общества нужны как товары, так и услуги – материальные и нематериальные блага. В информационную эпоху добавилось немало новых услуг. Всё это сформировало предмет политической экономии как экономические отношения между людьми по поводу производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг, или благ.

Относительное сокращение доли материального производства не привело к сокращению предмета политической экономии, так как сфера услуг встроена в общий воспроизводственный процесс, а в состав совокупного работника входят занятые в производстве товаров и услуг. Таблицы затрат-выпуск и межотраслевой баланс по экономикам развитых стран подтверждают значительное взаимодействие современных сфер национальной экономики. Вместе с тем растущая роль финансового сектора в сфере услуг приводит к тому, что суть экономических отношений, включая природу капитала, труда, денег и других явлений, представляется в повседневной жизни в превращённых и иррациональных формах.

К примеру, производные финансовые инструменты – деривативы являются одной из иррациональных форм. Немало превращённых форм характеризуют сферу занятости – наёмного труда, физического и умственного труда, самозанятости. Существует иррациональное выражение интеллектуальной собственности.

Поскольку политическая экономия оперирует сущностными категориями, постольку её основным методом является метод научной абстракции, дополненный диалектическим взаимодействием количества и качества, единства и борьбы противоположностей. Выявлению количественных параметров и пропорций помогают математические методы анализа. Политическая экономия также широко в современных условиях использует цифровые технологии, которые, к примеру, незаменимы при работе с большими данными, анализе операций на фондовом рынке. Однако во всех случаях рассматриваются экономические отношения между людьми, ибо в рыночной экономике все факторы персонифицированы.

Экономический смысл цифровизации

Бурными темпами цифровизация проникает во все сферы экономики и общества. Более того с её помощью сформировалось глобальное цифровое пространство, которое стало основой глобализации 4.0. Видимость доступности почти любой информации любому человеку, имеющему доступ к интернету, создаёт немало иллюзий о всемогуществе виртуаль-

ного мира, его господстве над окружающей реальностью. Фетишизм цифровизации развеивается, если вникнуть в её экономический смысл.

Аналитики Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) всесторонне рассматривают процесс цифровизации, периодически выпуская объемные исследования о её влиянии и путях развития (Measuring..., 2019). Особое внимание уделяется искусственному интеллекту, который не только стал базой интернета вещей, но и претендует на замену людей на рабочих местах в различных сферах экономики. Вместе с тем цифровизация не приводит, как ожидалось, к значительному повышению производительности труда ни в одной национальной экономике. Значительные темпы роста производительности наблюдаются только непосредственно в отраслях самой цифровой экономики – производстве компьютеров, смартфонов, серверов, других электронных изделий, а также программного обеспечения. До сих пор темпы роста производительности труда в страновом исчислении при четвертой промышленной революции ниже, чем при каждой из трёх предшествующих промышленных революциях. Экономически это означает, что цифровизация в наибольшей мере воздействует на инфраструктуру экономики, то есть на среду её развития, включая рынок труда.

Уже при первой промышленной революции появилась такая форма занятости как работа на дому. В современных условиях она стала быстро расширяться. Внешне выглядит так, что человек при удалённой занятости и особенно при самозанятости становится более независимым от работодателя (капитала или государства). На самом деле таких людей

и фрилансеров чувство свободы покидает сразу, как только заканчиваются контракты и заказы, а потому вновь надо искать, на кого временно работать. Сфера экономики с такой занятостью получила название «гигномика» (Шваб, 2019, с.38, 45) (Abraham, Haltiwanger, Sandusky, Spletzer, 2018). Здесь работники не имеют никаких социальных гарантий от работодателей, они минимально защищены и государством. Все риски человек берёт на себя.

Искусственный интеллект через роботизацию освобождает человека от рутинного монотонного физического или умственного труда. Вместе с тем в экономике растёт потребность в высококвалифицированном труде, повышается роль человека как главного создателя прогресса. Учесть такие противоположные тенденции и настроить общество на преодоление их отрицательных последствий может и способно только государство. Поэтому роль государства не снижается, а возрастает. Это необходимо не только людям, это необходимо и капиталу.

Искусственный интеллект дополняет человеческий интеллект как инструмент воздействия на предметы труда. В перспективе у людей может появиться больше свободного времени для саморазвития. Но пока наёмный труд остаётся основным источником дохода большинства граждан развитых стран. По-прежнему, абсолютное большинство товаров и услуг – это результат наёмного труда. Не случайно вопросы занятости – главные пункты избирательных компаний и в США, и в Европе.

Выводы

Модификация предмета и метода политической экономии в эпоху цифровизации происходит вследствие изменений в экономических отношениях между людьми по поводу производства, обмена, распределения и потребления благ. Поскольку по сути отношения между капиталом и трудом сохранились в полном объёме, постольку социальные противоречия переместились в сторону государственных структур, задающих национальную модель развития. Всё отчётливее проявляются общие для современного мира тенденции:

- возрастает роль государства как гаранта современных «правил игры» в рыночной системе;
- появляются и расширяются новые формы монополизма, в том числе на базе интеллектуальной собственности;
- возникновение «гигномики» как формы самозанятости ослабляет социальную защиту работников;
- сфера креативного труда расширяет границы совокупного работника, но не сокращает неквалифицированный труд;
- четвертая промышленная революция, цифровизация и глобализации 4.0 не снижают накал борьбы между транснациональными компаниями и странами за энергетические, сырьевые, водные и человеческие ресурсы.

Применение политической экономии как системной теории может способствовать найти ответы на вызовы, которые родила цивилизация для отдельных стран и всего человечества.

Список литературы

- Бодрунов С.Д.* (2018) Ноономика. М.: Культурная революция.
- Бузгалин А.В. Колганов А.И., Барашкова О.В.* (2018) Классическая политическая экономия: Современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень. М.: ЛЕНАНД.
- Рязанов В.Т.* (2019) Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя.
- Шваб К.* (2019) Технологии Четвертой промышленной революции. М.: Эксмо.
- Abraham G., Haltiwanger C., Sandusky K., Spletzer R.* (2018) Measuring The Gig Economy: Current Knowledge and Open Issues. NBER, Working Paper 24950.
- Economic Report of the President. Together with Annual Report of the Council of Economic Advisers. (2019) U.S. Government Printing Office, Washington D.C., March.
- Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future. (2019) Paris: OECD Publishing.

Ноономика при переходе к посткапиталистическому обществу: перспективы глобальной экономики Юга

Лео Габриэль

Директор Института межкультурных исследований и сотрудничества (Австрия)

“La Transición” («Переходный период») – наиболее употребляемая фраза в обсуждениях левых интеллектуалов по всей Латинской Америке с момента начала пандемии. В то время как приверженцы евангелической церкви увлекаются сценариями конца света и теориями заговора, аналитики, критикующие систему от Рио-Браво до Патагонии, считают, что неолиберализм, возникший в Чили в 1970-х годах, зашел в тупик. Хотя представители отдельных антикапиталистических философских школ преследуют самые разные цели в зависимости от своих политических убеждений, от леволиберального неокейнсианства до геополитического сталинизма, авторы соглашаются с тем, что общество «после пандемии» не может быть таким же, как «до пандемии».

“La normalidad es la muerte” («Нормальное состояние – это смерть»), – сказал перуанский экономист Уго Кабисес, который некоторое время был министром по вопросам окружающей среды при Ольянте Умале, пока не ушел в отставку в знак протеста против строительства гигантского золотого и медного рудника (дело CONGA). Фактиче-

ски, чрезвычайное положение, объявленное сейчас большинством латиноамериканских стран, началось намного раньше, что привело к большому количеству социальных протестов еще в 2018-2019 годах. Итальянский философ Джорджио Агамбе даже говорит о столетнем чрезвычайном положении, которое существовало всегда, но теперь проявилось из-за пандемии.

В этом смысле Папа Франциск, который только что выпустил новое церковное послание под названием “Fratelli tutti” («Всем братьям»), проводит различие между «маленьким вирусом» и большим вирусом, «вирусом безразличного эгоизма и несправедливости», который в настоящее время распространяется по всему миру. Безработица в Латинской Америке достигла беспрецедентного уровня – это факт. Во многих странах крах государственной финансовой системы приближается медленно, но неотвратно. Об этом во многих странах свидетельствуют не только отрицательные темпы роста, измеряемые двухзначными цифрами, но и тот факт, что, в отличие от Европы, после неолиберального оздоровления системы социального обеспечения практически прекратили свое существование.

Вторая волна приводит к краху экономической системы

Это также является причиной того, что почти во всех странах Латинской Америки (возможно, за исключением Уругвая и Кубы) так называемая «вторая волна» пандемии превратилась в кошмар – почти независимо от того, объявили ли правительства об *остановке*

предприятий или следовали политике *невмешательства государства в экономику*. Идут гонки на время по предотвращению краха экономической системы, в которых большинство правительств проигрывают только потому, что они все еще отказываются искать альтернативу фундаментализму свободного рынка, который был и остается главным ориентиром почти для всех экономистов, поддерживающих позицию государства. В то время как в Европе быстрый рост уровня распространения заболевания заставил даже ЕС хотя бы на словах отойти от догм своей политики жесткой экономии, сторонники жесткой политики МВФ и ВТО по-прежнему применяют свои убийственные корректировочные меры, которые вызывают новую пандемию – голод.

Поскольку в отличие от Европы, где большинство людей все еще может позволить себе несколько месяцев безработицы с государственной поддержкой или без нее, в Латинской Америке именно лишения доведенных до нищеты крестьян и жителей социально отчужденных городских районов мешают населению принимать защитные меры. В большинстве городов последним местом, куда следует обращаться за помощью для инфицированного человека, является государственная больница из-за чрезвычайно высокого риска заражения.

“No hay mal que por bien no venga” («Нет худа без добра»). При знакомстве с современной экономической литературой Латинской Америки сразу вспоминается эта старая испанская пословица. Еще до того, как Всемирная организация здравоохранения признала COVID-19 явлением мирового масштаба, увеличилось количество публикаций о посткапиталистических утопических государствах.

Альтернативы в уме

Многоаспектный кризис как возможность смены парадигмы – это не новость: «Изменим систему, а не климат!» – вот лозунг, который вдохновлял сторонников экологического движения на протяжении нескольких лет. В то же время критика транснациональных финансовых учреждений, таких как МВФ и Всемирный банк, за их одержимость ростом стала звучать громче и решительнее. На многих вебинарах продвигается идея антироста (degrowth) как всемирная концепция и точка отсчета, которой, по словам их участников, сейчас необходимо придерживаться как никогда. Эта теория, заимствованная из работы Ивана Иллича «Освобождение от школ» (Illich, 1971), развенчивает миф о чисто количественном подходе к экономике в качестве своеобразной замены религии, с помощью которого неолиберальные экономисты, от Фридриха Хайека до Милтона Фридмана, поработили большую часть мирового населения.

С другой стороны, концепция *buen vivir* (хорошая жизнь), которая проистекает из мировоззрений коренных народов Андского региона и предполагает единство человека и природы, вдохновила не только многих авторов в Западной Европе, но также и сторонников крупных экологических движений, например ‘Fridays for Future’ («Пятницы ради будущего»). В то же время стали актуальными теории, касающиеся общих благ, представляющих собой общественные блага (такие как водные ресурсы, контроль энергоснабжения, здравоохранение и образование), которые необходимо исключить из личного присвоения – как раз в то время, когда пандемия показала,

насколько опасной может оказаться для жизни приватизация санитарных служб.

За последние 30 лет была разработана теория и практика так называемой экономики солидарности, тесно связанной с концепциями «хорошей жизни» и «общих благ». В отличие от апологетов неолиберализма, которые ставят во главу угла личные интересы и подчиняют экономику рыночному механизму, основанному на конкуренции, экономика солидарности нацелена на сотрудничество между сообществами на основе экономического порядка, в котором культурная среда играет ведущую роль.

Ноономика – ледокол, пробивающий путь для новой экономической парадигмы.

Именно в данном чрезвычайно сложном контексте очень важна концепция российского экономиста Сергея Бодрунова по реорганизации экономики в соответствии с неэкономическими стандартами, которую он называет ноономикой (Бодрунов, 2018). По словам Бодрунова, традиционные экономические концепции не учитывают того, что экономика сама по себе, которую экономисты-неоклассики в основном свели к материальному производству, является результатом таких внеэкономических факторов, как знания и культура. В теории ноономики он выдвинул тезис о том, что по мере развития новых цифровых технологий можно преодолеть классическую дихотомию между капиталом и трудом.

В то же время, по мере того, как человечество в материальном производстве товаров может все больше полагаться на достижения общества, работающего на основе довольно сложных знаний, параллельно освобождается пространство для культурного творчества, которое выходит за рамки материально-

го производства. Это особенно важно для стран Латинской Америки, которые все еще полагаются на местное, в основном сельскохозяйственное производство. По-настоящему коренные народы зачастую обладают очень древней мудростью, равноценной, а иногда даже превосходящей знания индустриальных и постиндустриальных обществ.

Где бы ноономика ни применялась, она может служить в качестве структуры глобализированного общества в мировом масштабе. Принцип остается тем же самым, даже если культуры очень различаются. В определенном смысле традиционным общинам, культуры которых не были искажены колониальными и постколониальными традициями просвещения, проще понять и реализовать достоинства постиндустриального общества, основанного на знаниях, чем индустриальным. Кроме того, миллионы сообществ защищают свои автономии, что является еще одним ключевым словом во вселенной ноономики.

Следует также иметь в виду, что многие организации так называемого «третьего мира» более интегрированы в транснациональные сети, чем организации рабочих, например, профсоюзы. Например, 'Via Campesina', крестьянская организация, созданная представителями бразильского движения безземельных крестьян, обладает сетью, насчитывающей более 50 миллионов человек. Но задействовать, причем с легкостью, можно также миллиарды так называемых «безработных», живущих на периферии мегаполисов, потому что статус «безработных» вовсе не означает, что они не работают.

Выходя за рамки классического различия между «производительным» и «непроизводительным» трудом, Бодрунов открывает новый мир, в том чис-

ле для тех, кто страдает под сапогами заинтересованных сторон промышленных кругов. В то время как Карл Маркс писал, что он «поставил поддерживаемую государством концепцию Фридриха Гегеля и немецких идеалистов с головы на ноги», вместе с Бодруновым можно утверждать, что экономика должна вернуться к своим корням: *природе и жизни*.

Понятно, что ключевую роль в реализации таких грандиозных начинаний по созданию новой парадигмы постиндустриальной политической экономики должно сыграть государство – и не только по той причине, что оно владеет важными средствами производства и контролирует вооруженные силы. Функция (национального) государства состоит в том, чтобы наблюдать за механизмами перераспределения общественных и личных материальных благ и выполнять роль переключателя между старым и новым экономическим мировым порядком, придавая первостепенное значение социальному обеспечению и тщательно разработанному плану политических действий.

Стратегии, ожидающие своей реализации

Но разве все это не слишком смелое начинание, которое больше относится к области утопии, чем к реальности? Вовсе нет, если разобраться в причинах многочисленных кризисов, угрожающих сегодня не только Латинской Америке, но и всему миру. Ведь, как совсем недавно было единогласно заявлено на виртуальном заседании Международного совета Всемирного социального форума, кризис возник не

по причине вируса (он только проявился через пандемию), а по другим причинам: экстрактивизм, уничтожающий природу и людей; усиление авторитарных и диктаторских правительств различного идеологического происхождения; рост бедности и связанные с ним миграционные потоки и т. д. В настоящее время все это одним махом стало заметно даже представителям тех СМИ политического мейнстрима, которые ранее были заняты расхваливанием песчаных пляжей Копакабаны и горных вершин Анд.

Таким образом, очевидно, что капитализм в его неолиберальной форме больше не сможет уничтожить «великий вирус», о котором говорит Папа Франциск, и восстановить положение, существовавшее ранее. Но столь же очевидно и то, что уже сейчас имеются более или менее зрелые цели для нового мировоззрения. Однако до сих пор совершенно неясно, как этих целей можно достичь. В настоящий момент все выглядит скорее так, будто эти пути являются маршрутами эвакуации, по которым каждый гражданин и каждое государство пытаются сбежать от угрожающей катастрофы по принципу «Спасайся как можешь».

Вторая волна народных движений

Именно в этом отношении американский континент снова на несколько шагов впереди Европы. В то время как в этой стране люди все еще заняты обсуждением того, действительно ли предписанные средства для защиты рта и носа настолько важны для здоровья, как утверждают министры здравоохранения, в Чили,

Колумбии, Бразилии и, прежде всего, в США толпы людей объединили усилия, чтобы противостоять правящим властным структурам и, что еще важнее, изменить их. Вся эта борьба связана с огромными жертвами людей, которые стали жертвами в двойном смысле: с одной стороны, потому что женщины и мужчины в этих странах напрямую пострадали от пандемии, а с другой – потому что им приходится испытывать на себе всю мощь репрессий со стороны полиции и зачастую даже военных (или вооруженных формирований).

Да, все эти общественные движения преследуют отчасти очень разные цели, например, движения за защиту окружающей среды и за мир, антирасистское движение ‘Black Lives Matter’ («Жизни темнокожих имеют значение») и местные движения за автономию, движения за новую конституцию и, наконец, что не менее важно, международное движение за права человека и права женщин. Но их всех объединяет то, что они не только критикуют систему, но и являются антисистемными в полном смысле этого слова.

В этой ситуации, которую большинство авторов называют переходным периодом, Всемирный социальный форум, основанный почти ровно 20 лет назад бразильскими социальными сетями под руководством таких признанных интеллектуалов, как Ноам Хомский, Боавентура ди Соуза Сантуш, Альберто Акоста, Янис Варуфакис, Адольфо Перес Эскивель и др., создал площадку для обсуждения социальных и политических вопросов.

«От открытого пространства к пространству действий» – так называлось первое заявление, которое можно прочитать на сайте Всемирного соци-

ального форума наряду с другими публикациями¹. Также здесь можно найти некоторые комментарии к лозунгу ‘Green New Deal’ («Новый зеленый курс»), продвигаемому ЕС. На недавно прошедшем вебинаре Янис Варуфакис, бывший министр экономики левого правительства Ципраса, заявил, что «Новый зеленый курс» – это хорошо, но одного этого недостаточно для преодоления многоаспектного кризиса. Возможно, именно ноономика способна помочь найти руководящие принципы для необходимого переходного периода.

¹ Сайт Всемирного социального форума. URL: <https://www.foranewwsf.org/>

Список литературы

Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М: Культурная революция.

Illich, I. (1971). *Deschooling Society*. New York: Harper & Row

Сайт Всемирного социального форума. URL: <https://www.foranewwsf.org/>

Послесловие

Двадцать первый век стал периодом, когда, казалось бы, закончившаяся с падением СССР и Мировой социалистической системы история вновь обнажила свой крутой нрав, интенсифицируя стоящие перед человечеством уже давно проблемы. Трагедии бедности и социальной несправедливости; мировое соперничество, накал которого напоминает обстановку накануне Первой мировой войны; глобальные проблемы, среди которых далеко не только климат и пандемия... И все это на фоне роста технологических возможностей, которые, однако, реализуются до чрезвычайности медленно и неравномерно: футурологи 1960-х были уверены, что к 2000 году индустрия, транспорт и большая часть сервиса будут полностью автоматизирована, а футурологи 2020-х не уверены, что это произойдет хотя бы в XXII веке...

Эти контексты делают вновь сугубо актуальным концептуальное осмысление тянующихся (я не случайно использую именно это слово) уже чуть ли не столетие трансформаций. Мир стоит на пороге нового качества технологического и социального бытия, делает шаг вперед, а потом два назад. Рвется вперед и отступает. Виляет и боится наконец выбрать столбовую дорогу развития. Отражающая этот страх постмодернистская методология вообще требует отказа от «большого нарратива» социального прогресса и предлагает стратегию страуса в зоопарке с бетонным полом: деконструкция, детерриализация,

десубъективизация и т.д. и т.п., причем в пространстве симулякров, которые мы сами же и создаем.

Есть ли альтернативные подходы?

Есть. Но иных лучше бы не было. Последнее время стал обретать все большую силу (особенно в странах, подобных России) консервативный тренд: назад к державности (а то и само-державности), феодальному государству и опоре на силовые структуры во всем – от политики до экономики, прихватывая еще и культуру.

До этого был весьма популярен вселявший как бы оптимизм постиндустриальный дискурс, обернувшийся деиндустриализацией, финансиализацией и уже двумя мировыми кризисами.

В маргинальном интеллектуальном и политическом пространстве развивается марксизм с его теорией неравномерного во времени и пространстве скачка из «царства необходимости» и в «царство свободы» (эту теорию разделяет и развивает и автор этих строк).

Но есть и иной поиск иных решений.

Книга, которую вы прочли – яркий образец размышлений ведущих (я не боюсь обвинения в преувеличении) интеллектуалов современности о новой теоретической концепции, предложенной профессором С.Д. Бодруновым – теории ноономики. Я не стану дополнять размышления, высказанные в книге, еще и своим видением проблемы. Позволю себе сформулировать нечто иное – те положения теории ноономики, которые при всех многочисленных оговор-

ках по сути дела принимаются авторами этой книги. Принимаются в разной степени, с неперменной полемикой (без этого нет науки), с попытками некоторого дополнения и развития, но принимаются.

Во-первых, это интеграция политико-экономического и социо-философского подходов к исследованию фундаментальных трансформаций современности и трендов, ведущих в будущее. Здесь я бы обратил внимание на тексты А.А. Пороховского, подчеркивающего роль классической политической экономии, и О.Н. Смолина, акцентирующего фундаментальные методолого-философские аспекты теории ноономики.

Во-вторых, рассмотрение теории ноономики в пространственном аспекте, в контексте противоречий глобализации. Это тексты Радика Дессаи, предлагающей свое оригинальное видение интеграции теории ноономики и разрабатываемого ей геополитэкономического подхода; Джеймса Гэлбрейта, прямо указывающего на то, что теория ноономики позволяет по-новому осмыслить наиболее глубокие противоречия и мировых трендов экономико-политических конфронтаций, и глобальных проблем, в том числе – пандемии; наконец, ориентированный на поиск пространств сопряжения теория ноономики и теории технологических и мирохозяйственных укладов материал С.Ю. Глазьева (подчеркну, что в основу теории ноономики С.Д. Бодруновым положен тезис далеких от об определяющей роли именно технологических трансформаций).

В-третьих, я бы специально выделил творческие поиски авторов, показывающих потенциал теории ноономики в решении весьма широкого круга казалось бы далеких от этой теории и весьма разно-

родных проблем – от креативной экономики (Алан Фримен) до стратегий развития таких разных стран как Китай (Чен Энфу и Гао Сиян) и Куба (Хесус Гарсия Бригос). Приплюсую к этому текст о прогностическом потенциале теории ноономики А.И. Колганова и о связи этой теории с другими поисками моделей посткапиталистического общества Лео Габриэля.

Но все это не более, чем указание на ту сумму идей, которые содержатся в этой книге.

Пожалуй, было бы ошибкой не подчеркнуть специально короткое, но очень интенсивное по содержанию введение к книге автора теории ноономики – С.Д. Бодрунова. Позволю от себя дать совет вдумчивому читателю: если вас заинтересовали проблемы ноономики (а я уверен, что они вас заинтересовали, раз вы дошли до заключения), то не ограничивайтесь этой книгой. С.Д. Бодруновым написана целая серия ряд работ по данной теме. И это не только базовые книги автора («Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка» и «Ноономика»), но и ряд вышедших позже монографий плюс многочисленные статьи, указанные в приложениях к данной книге.

Отмечу также, что данная книга готовилась длительное время, что объективно, учитывая состав авторов, живущих на разных континентах нашей планеты (что, кстати, позволяет сделать вывод об интересе к идеям ноономики, ее теоретическим положениям у специалистов как многих стран, так

и различных направлений социально-философской и экономической мысли), книга дополнена перечнем наиболее значимых материалов не только автора теории ноономики, но и отдельных исследователей, отобранных из большого их числа, знакомство с которыми позволит заинтересованным читателям получить более полное представление по предмету настоящей книги и раскрыть для себя, как два в одном, как антологию идей теории ноономики, так и ее онтологические основания.

А.В. Бузгалин

Руководитель Центра социэкономки кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор

Список литературы

I. Авторские материалы о ноономике

1. Бодрунов, С.Д. Инфомаркетинг / Монография / Гомель: БелАНТДИ. – 1995. – 176 с.
2. Бодрунов, С.Д. Концепция реструктуризации авиаприборостроительного комплекса Российской Федерации / С.Д. Бодрунов // Сб. «Труды Санкт-Петербургской Инженерной Академии». СПб. – 1996. – С. 97-100
3. Бодрунов, С.Д. Корпоративные структуры в наукоёмких отраслях промышленности / С.Д. Бодрунов // «Проблемы теории и практики управления». – № 6. – 1999. – С. 88-91
4. Авионика России: энциклопедический справочник / Под общей научной редакцией Бодрунова С.Д. СПб., НААП. – 1999. – 780 с.
5. Бодрунов, С.Д., Дмитриев, О.Н., Ковальков, Ю.А., Мантуров, Д.В., Федорова, О.Н. Проблемы, принципы и методы корпоратизации авиапромышленного комплекса России / Монография / СПб.: ООО «Петроградский и Ко», – 2000. – 437 с.
6. Бодрунов, С.Д., Ковальков, Ю.А. Экономика и организация авиастроения в России / Монография / СПб., Корпорация «Аэрокосмическое оборудование». – 2001. – 288 с.
7. Бодрунов, С.Д., Дмитриев, О.Н., Ковальков, Ю.А. Авиацнонно-промышленный комплекс России на рубеже XXI века: проблемы эффективного управления (в двух частях) / Монография / СПб., Корпорация «Аэрокосмическое оборудование». – 2002. Часть I – 549 с., Часть II – 475 с.
8. Бодрунов, С.Д., Дмитриев, О.Н., Ковальков, Ю.А. Структурное оценивание последствий реализации управленческих решений в отношении предприятия / С.Д. Бодрунов, О.Н. Дмитриев, Ю.А. Ковальков / М., изд. «Гном и Д». – 2003. – 116 с.
9. Бодрунов, С.Д., Дмитриев, О.Н., Ершевич, П.В., Ковальков, Ю.А., Хомяков, Д.И. Исследование операций поставки (в 4-х частях) / С.Д. Бодрунов, О.Н. Дмитриев, П.В. Ершевич, Ю.А. Ковальков, Д.И. Хомяков // СПб., МФПГ «Аэрокосмическое оборудование». – 2004. – 520 с.
10. Бодрунов, С.Д. Проблемы реализации современной промышленной политики государства в несырьевых отраслях / С.Д. Бодрунов // «Мир авионики». – № 6. – 2004. – С. 8-9
11. Бодрунов, С.Д., Крюков, С.П., Александровская, Л.Н., Захаревич, А.П., Круглов, В.И. Корпоративный менеджмент постиндустриального общества / Монография / СПб., Корпорация «Аэрокосмическое оборудование». – 2005. – 612 с.
12. Бодрунов, С.Д. Дмитриев, О.Н., Ковальков, Ю.А., Любаева, Ж.И. Стратегическое управление авиационными корпорациями в условиях малоразвитого рынка корпоративного контроля / Монография / СПб.: Корпорация «Аэрокосмическое оборудование». – 2005. – 192 с.
13. Бодрунов, С.Д., Крюков, С.П., Александровская, Л.Н., Захаревич, А.П., Кремлёва, И.В. Информационные технологии корпоративного менеджмента / Монография / СПб.: Корпорация «Аэрокосмическое оборудование». – 2006. – 568 с.

14. Бодрунов, С.Д. Модернизация оборонно-промышленного комплекса России и экономическая безопасность страны / С.Д. Бодрунов // «Федеральный справочник», – «Политика, экономика, управление», М., – 2007. – С. 235-241

15. Бодрунов, С.Д. Модернизация общественных институтов: базовая антикризисная стратегия России / С.Д. Бодрунов // Сб. «Аэрокосмическое приборостроение России». Сер. 1. «Экономика авиаприборостроения». Вып. 9. СПб., НААП, 2009. – С. 5-16

16. Бодрунов, С.Д. Очередная реинкарнация идеи модернизации России: выбор модели / С.Д. Бодрунов // «Экономические стратегии». – 2011. – № 3 (89). – С. 24-31

17. Бодрунов, С.Д. Экономический рост и проблемы конкурентоспособности российской промышленности / С.Д. Бодрунов // Институт нового индустриального развития (ИНИР). Труды. Сборник научных статей. // Под общ. ред. Бодрунова С.Д. – СПб.: ИНИР, – 2012. – 282 с.

18. Бодрунов, С.Д., Лопатин, В.Н., Окрепилов В.В. Реиндустриализация России: совершенствование государственного управления, правового и технического регулирования / С.Д. Бодрунов, В.Н. Лопатин, В.В. Окрепилов // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб, – 2013. – 25 с.

19. Бодрунов, С.Д. Что делать? Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации / С.Д. Бодрунов // Сборник материалов Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ на тему «Реиндустриализация: возможности и ограничения». Издание Совета Федерации. Москва, – 2013. – С. 14-25

20. Бодрунов, С.Д., Гринберг, Р.С., Сорокин, Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, Д.Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. – 2013. – №1 (35). – С. 19-49

21. Бодрунов, С.Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности и ограничения / С.Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. – № 1/2014 (Том сто восьмидесятый), Москва, – 2014. – С. 15-46

22. Бодрунов, С.Д. «Кнуты и пряники» новой экономической доктрины / С.Д. Бодрунов // «Российская Федерация сегодня». – №12. – июнь 2014. – С. 18-19

23. Бодрунов, С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С.Д. Бодрунов // Материалы заседания Научного совета МГУ им. М.В. Ломоносова по разработке современной экономической теории и российской модели социально-экономического развития 5 июня 2014 г. / Под общ. ред. Бодрунова С.Д. / Институт нового индустриального развития (ИНИР), СПб. – 2014. – 91 с.

24. Бодрунов, С.Д. Реиндустриализация экономики России как инструмент реализации глобальных отечественных мегапроектов / С.Д. Бодрунов // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – №8 (526). – 2014. – С. 30-35

25. Бодрунов, С.Д. Интеграция производства, науки и образования и новая индустриализация России / С.Д. Бодрунов // «Ведомости». – № 215 (3719) от 19.11.2014. – С. 17

26. Бодрунов, С.Д. Производительность труда как ключевой фактор развития России: правовые и региональные аспекты / С.Д. Бодрунов // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ. – № 22 (540). – 2014. – С. 38-42

27. Бодрунов, С.Д. Механизм формирования государственной политики реиндустриализации экономики / С.Д. Бодрунов // Стратегия развития и экономическая политика / Научный альманах Экономического совета при Губернаторе Санкт-Петербурга. – Выпуск 3. – 2014 г. – С. 27-37

28. Бодрунов, С.Д. Новое индустриальное общество: облик новой индустриальной эпохи / С.Д. Бодрунов // Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте / СПб.: ИНИР. – 2015. – 34 с.

29. Bodrunov, S., Tkachenko, E., Rogova, E. Development of Corporate Knowledge Management Under Conditions of Cyclic Dynamics // Proceedings of the 16th European Conference on Knowledge Management ECKM 2015 // The University of Udine, Italy, 3-4 September 2015. P. 765-773.

30. Бодрунов, С.Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – 2015. – №4 (46). – С. 9-23

31. Bodrunov, S., Tkachenko, E., Rogova, E. The Evolution of the Models of Knowledge Management in the Dynamic Business Environment (Cases of the Industrial and Construction Networks in St Petersburg) // The Electronic Journal of Knowledge Management, № 1 (13), 2015

32. Бодрунов, С.Д. К новому индустриальному обществу: инновационное развитие промышленности, достижение технологического лидерства, формирование предпосылок перехода к знаниеинтенсивному производству / С.Д. Бодрунов // Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте / СПб.: ИНИР. – 2015. – 65 с.

33. Бодрунов, С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016. – 352 с.

34. Бодрунов, С.Д. Новое индустриальное производство второго поколения / Материалы для Международного семинара по концептуализации экономического развития и кооперации в Евразии, Кембридж, 2 мая 2016 г. / С.Д. Бодрунов // Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте / СПб.: ИНИР. – 2016. – 44 с.

35. Бодрунов, С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – 2016. – №2 (48). – С. 5-14

36. Bodrunov, S. Towards a New Quality of Material Production: The Future of Russia in the Eurasian Space. // Special English-Language Edition of the Journals Questions of Political Economy and The Economic Revival of Russia / М.: LENAND, 2016. – P. 14-31.

37. Бодрунов, С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты / С.Д. Бодрунов // Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики. Том I / Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2016) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция. – 2016. – С. 17-35

38. Бодрунов, С.Д. Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие / С.Д. Бодрунов // Общество и экономика. – 2016. – № 9. – С. 5-21
39. Bodrunov, S. Reindustrialisation Based on High-tech Industries // Economic Crisis and Industrial Policies – Policy Options for a Return to Growth in Russia / by Rudolf Traub-Merz (ed.). – Moscow: Politicheskaya ehnciklopediya, 2016. – P. 27-37.
40. Bodrunov, S., Tkachenko, E., Rogova, E. Intellectual Capital Assessment and Financial Indicators for Value-Based Management // The Joint Application Proceedings of the 13th International Conference on Intellectual Capital, Knowledge Management & Organisational Learning, Ithaca College New York, USA, 14-15 October 2016 P. 250-258.
41. Bodrunov S.D. (2016) Re-industrialization: socio-economic parameters of reintegrating production, science and education // Sotsiologicheskies Issledovaniia, no. 2, P. 20-28.
42. Bodrunov, S., Tkachenko, E., Rogova, E. Regional Models of the Management of Knowledge Economy Development // The Problem of Measurement and Assessment Proceedings of the 17th European Conference on Knowledge Management, Ulster University Northern Ireland, UK, 1-2 September 2016. P. 881-889.
43. Бодрунов, С.Д. О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации / С.Д. Бодрунов // Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики / Материалы научного семинара / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР. – 2016. – С. 12-30
44. Бодрунов, С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Изд. 2-е, дополненное. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2016. – 328 с.
45. Бодрунов, С.Д. Переход к новому индустриальному обществу второго поколения: общекультурное измерение / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – 2017. – №1 (51). – С. 4-11
46. Bodrunov, S. Modernising Russia's National Economic System: The Potential for Reindustrialisation // World Review of Political Economy. Journal of the World Association for Political Economy. Volume 8, Number 2, Summer 2017. P. 221-234.
47. Bodrunov, S. The New Industrial Society of the Second Generation: Rethinking Galbraith // Galbraith Restored / Monograph/ Ed. by Sergey Bodrunov – St.P.: INID n.a. S.Y. Vitte; M., Publishing house «Культурная революция», 2017. – P. 21-58.
48. Бодрунов, С.Д. «Новая нормальность» и новое индустриальное общество / С.Д. Бодрунов // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2017. – С. 549-556
49. Бодрунов, С.Д. Новое индустриальное общество. Кризис цивилизации / С.Д. Бодрунов // Новое индустриальное общество: истоки, реальность,

грядущее (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2017. – С. 557-606

50. *Бодрунов, С.Д.* Новое индустриальное общество второго поколения: переосмысливая Гэлбрейта / С.Д. Бодрунов // Гэлбрейт: возвращение / Монография / Под. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция. – 2017. – С. 27-71

51. *Bodrunov, S.* New Industrial Society of the Second Generation: Towards the Noospheric Civilisation // «Известия Уральского государственного экономического университета», № 5 (73), 2017. Екатеринбург. С. 5-19.

52. *Бодрунов, С.Д.* Четвертая индустриальная революция – пролог нового индустриального общества второй генерации / С.Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. Том двести пятый (№ 3/2017). М.: ВЭО России. – 2017.– С. 262-284

53. *Бодрунов, С.Д.* Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – 2017. – №2 (52). – С. 17-21

54. *Bodrunov, S. Plotnikov, V.* Institutional Structures Influence on the Technological Development of the Economic System // Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth / Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), 8-9 November 2017, Madrid Spain. P. 2658-2665.

55. *Bodrunov, S. Plotnikov, V., Vertakova, Y.* Technological Development as a Factor of Ensuring the National Security // Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth / Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), 8-9 November 2017, Madrid Spain. P. 2666-2674.

56. *Бодрунов, С.Д.* Дж.М. Кейнс и новое индустриальное общество второго поколения / С.Д. Бодрунов // «Проблемы теории и практики управления». – 2017. – №7. – С. 25-33

57. *Бодрунов, С.Д.* Технологический фундамент нового индустриального общества второго поколения – необходимое условие реального повышения конкурентоспособности / С.Д. Бодрунов // «Петербург предлагает». – 2017. № 3(26). – С. 17-19

58. *Бодрунов, С.Д.* Новое индустриальное общество второго поколения: дисконтенты глобализации и будущее ноосферной цивилизации / С.Д. Бодрунов // По ту сторону глобализации: потенциал Евразии. Международный форум. Кембридж, 11-13 мая 2017 года / Мат. Международного форума / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР. – 2017. – С. 6-46

59. *Бодрунов, С.Д.* Возвращение индустрии – возвращение Гэлбрейта: новое индустриальное общество – НИО.2 – нооцивилизация / С.Д. Бодрунов // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перезагрузка. Том I / Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2017) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: – 2017. – С. 13-28

60. Бодрунов, С.Д., Гэлбрейт, Дж. К. Новая индустриальная революция и проблемы неравенства / С.Д. Бодрунов, Дж.К. Гэлбрейт // Новая индустриальная революция и проблемы неравенства: учебно-методическое пособие / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, – 2017. – 143 с.
61. Бодрунов, С.Д. К новому индустриальному обществу второго поколения: образование и развитие личности / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – 2017. – №4 (54). – С. 5-10
62. Bodrunov S.D. The Coming of New Industrial Society: Reloaded / Monograph/ St. Petersburg: INID n.a. S.Y. Vitte, 2017. – 359 p.
63. Бодрунов, С.Д. Ноосферное общество и ноопроизводство / С.Д. Бодрунов // Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики / Материалы научного семинара / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР. – 2018. – С. 16-35
64. Бодрунов, С.Д. Нооиндустриальное производство: шаг к неэкономическому развитию / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – 2018. – № 1 (55). – С. 5-15
65. Bodrunov, S. Formation of the New Industrial Society in the Eurasian Space: Characteristic Aspects // Information Science and Applied Social Sciences / 2018 5th ERMI International Conference on Information Science and Applied Social Sciences (ERMI-ISASS 2018). February 12-14, 2018, Hong Kong – Information Engineering Research Institute, USA. P. 3-7.
66. Бодрунов, С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – 2018. – №2 (56). – С. 5-13
67. Бодрунов, С.Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции / С.Д. Бодрунов // «Вопросы философии». – 2018. – №7. – С. 109-118
68. Bodrunov, S., Tkachenko, E., Rogova, E. Application of Knowledge Management Tools in the Environmental Policy of the Region (Case of St. Petersburg) // Proceedings of the 19th European Conference on Knowledge Management (ECKM 2018) University of Padua, Italy, 6-7 September 2018. Volume Two. P. 855-863
69. Бодрунов, С.Д. Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала / С.Д. Бодрунов // Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции / Материалы научного семинара ИНИР им. С.Ю. Витте / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР. – 2018. – С. 11-25
70. Bodrunov, S., Tkachenko, E., Karlik, A., Platonov, V., Rogova, E. Approach to assessment of the Effects of Large-Scale Research Infrastructure units at the economy of recipient region // Economic and Social Development. 27th International Scientific Conference on Economic and Social Development. Book of Proceedings. Rome, 1-2 March 2018. P. 659-668.
71. Бодрунов, С.Д. Ноономика как новая парадигма сбалансированного эколого-экономико-социо-технологического развития / С.Д. Бодрунов // «Энергия: экономика, техника, экология». – 2018. – № 9. Москва. – С. 32-36

72. Бодрунов, С.Д. Нооиндустриальный переход: экономика креатива и креатив экономики / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – 2018. – № 4(58). – С. 5-7

73. Bodrunov, S., Tkachenko, E., Rogova, E., Kokh, V. The Valuation of Intangible Assets Based on the Intellectual Capital Leverages Concept // Proceedings of the 15th International Conference on Intellectual Capital, Knowledge Management & Organisational Learning (ICICKM 2018) University of the Western Cape, South Africa, 29-30 November 2018. P. 319-329.

74. Бодрунов, С.Д. Ноономика / Монография / – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

75. Bodrunov S.D. Noonomy. Special edition. /Monograph/ English version of Russian edition as a material to discuss at the scientific seminar “Marx in a high technology era: globalisation, capital and class” (October 26-27, 2018, Cambridge), – 383 p.

76. Бодрунов, С.Д. К вопросу о ноономике / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – 2019. – № 1(59). – С. 4-8.

77. Бодрунов, С.Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития / С.Д. Бодрунов // «Известия Уральского государственного экономического университета». – 2019. – Том 20. – № 1. – С. 5-12.

78. Bodrunov, S., Tkachenko, E., Karlik, A., Rogova, E. Application of KM Techniques in the Assessment Competences in High-Tech Industries // Proceedings of the 20th European Conference on Knowledge Management ECKM 2019, Hosted By Universidade Europeia de Lisboa, Lisbon, Portugal, 5-6 September 2019. Volume 2. P. 1023-1032.

79. Bodrunov, S. Prospects of Transitioning to a New Model for Socioeconomic System Organization (Noonomy) // Global Journal of HUMAN-SOCIAL SCIENCES: A Arts & Humanities – Psychology. 19, no. 11 Version 1.0: 1-8. P. 1-8.

80. Бодрунов, С.Д. Россия в эпоху перехода к нооиндустриальной экономике: императивы модернизации / С.Д. Бодрунов // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. III-й том. (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2019. – С. 334-342.

81. Bodrunov, S., Tkachenko, E., Rogova, E., Dmitriev, N. Valuation of Intellectual Capital in the Context of Economic Potential of a Company // Proceedings of the 10th European Conference on Intangibles and Intellectual Capital, University of Chieti-Pescara, Italy, May 23-24, 2019. Edited by Prof. Massimo Sargiacomo. Academic Conferences and Publishing International Limited, 2019. P. 303-314.

82. Bodrunov, S., Plotnikov, V. Integration of Market and Planning Tools in Economic Policy // Proceedings of the 34th International Business Information Management Association Conference (IBIMA) – Vision 2025: Education Excellence and Management of Innovations through Sustainable Economic Competitive Advantage, 13-14 November 2019, Madrid, Spain. P. 6096-6102.

83. Бодрунов, С.Д. НИО.2 и ноономика как ключевые ориентиры социально-экономической трансформации: предпосылки формирования и инстру-

ментарий развития / С.Д. Бодрунов // Открытая лекция / С.Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2019. – 76 с.

84. *Bodrunov S.D.* (2019) Reindustrialization in the conditions of new technological revolution: Road to the future // *Upravlenets – The Manager*, vol. 10, no. 5, P. 2-8.

85. *Бодрунов, С.Д.* Ноономика: онтологические тезисы / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – 2019. – № 4 (62). – С. 6-18

86. *Бодрунов, С.Д.* Общая теория ноономики. / Учебник / – М.: Культурная революция, 2019. – 504 с.

87. *Бодрунов, С.Д.* Экологические и глобализационные аспекты концепции ноономики / С.Д. Бодрунов // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. IV-й том (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2020. – С. 351-370

88. *Bodrunov, S.* Towards Noonomy: Humans, Technologies and Society in the Space of Associated Production and Consumption // *Proceedings of the International Conference “Process Management and Scientific Developments”*. Part 3 (Birmingham, United Kingdom, June 9, 2020) P. 41-47.

89. *Бодрунов, С.Д.* Заметки о будущем: возможности интеграции ноономики и геополит-экономического подхода / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – 2020. – № 2 (64). – С. 188-193.

90. *Бодрунов, С.Д.* Ноономика как модель социального устройства: предпосылки возникновения, сущность, механизм формирования / С.Д. Бодрунов // Ноономика как модель социального устройства: предпосылки возникновения, сущность, механизм формирования / Вводная лекция к учебному курсу «Общая теория ноономики» / С.Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2020. – 39 с.

91. *Бодрунов, С.Д.* На пути к ноономике: человек, технологии, общество / С.Д. Бодрунов // «Мир перемен». – 2020. – №2. – Москва. – С. 24-39.

92. *Бодрунов, С.Д.* Ноономика: базовые векторы генезиса / С.Д. Бодрунов // Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте / СПб.: ИНИР. – 2020. – 23 с.

93. *Бодрунов, С.Д.* К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма / С.Д. Бодрунов // Вопросы политической экономии. Вып. 3/2020. – М.: Культурная революция. – 2020. – С. 52-64.

94. *Бодрунов, С.Д.* Социализация: тернистый путь к ноономике / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – № 4 (66). – 2020. – С. 5-12.

95. *Бодрунов, С.Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации / Монография / – М.: ИНИР; Культурная революция. – 2020. – 224 с.

96. *Bodrunov, S.* (2020). *Noonomía*. Translated by Jesús Eduardo Villanueva Jiménez. México: Plaza y Valdés S.A. de C.V.

97. *Bodrunov, S.* Noonomy as the Material Basis for a Prospective Humanitarian Model of Public Order // *Sustainability*, Volume 13, Issue 3, 2021, 20 p.

98. Бодрунов, С.Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм / С.Д. Бодрунов // «Экономическое возрождение России». – № 1 (67). – 2021. – С. 5-14.

99. Бодрунов, С.Д. Ноономика – базовый элемент новой концептуальной платформы стратегии опережающего развития / С.Д. Бодрунов // Что делать? Полемические заметки к вопросу о стратегии развития России / ВЭО России, М. – 2021. – С. 161-184.

100. Квинт, В.Л., Бодрунов, С.Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика / Монография / – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. – 351 с.

101. Бадруноу, С.Д. Нааноміка: манаграфія / С.Д. Бадруноу – Мінск: Місанта, 2021. – 327 с.: іл.

102. Бодрунов, С.Д. Трансформация общества и технологии для устойчивого развития / С.Д. Бодрунов // «Вольная экономика». – 2021. – апрель-июнь № 18. – С. 4-5.

103. Бодрунов, С.Д. Глобальная трансформация современного общества и цели национального развития России / С.Д. Бодрунов // «Новости Петербурга». – 2021. – № 1 (888). – С. 7-10

II. Прочие материалы о ноономике

1. Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее. Том 1 / Сборник пленарных докладов IV Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2018) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2018. – 240 с.
2. Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее. Том 2 / Сборник докладов IV Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2018) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2019. – 682 с.
3. Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее. Том 3 / Сборник докладов IV Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2018) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2019. – 728 с.
4. Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека. Том 1 / Сборник пленарных докладов V Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2019) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2019. – 208 с.
5. Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека. Том 2 / Сборник докладов V Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2019) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2019. – 860 с.
6. Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека. Том 3 / Сборник докладов V Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2019) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2019. – 872 с.
7. Колганов, А.И. Ждет ли нас неэкономическое будущее? (обзор отзывов на монографию С. Д. Бодрунова «Ноономика») // Мир перемен. – 2019. – № 1. – С. 174-183
8. Воейков, М.И. Государство, материальное производство и экономика будущего (размышления над книгой С. Д. Бодрунова «Ноономика») // Вопросы политической экономики. – 2019. – № 3. – С. 157-166.
9. Силова, Е.С. Возможна ли ноономика в России? (размышления о книге С. Д. Бодрунова «Ноономика») // Вестник Челябинского государственного университета». – 2019. – № 3 (425). Экономические науки. Вып. 64. – С. 212-215
10. Зотова, Е.С. О ноономике как основе глобальной трансформации (рецензия на книгу С.Д. Бодрунова «Ноономика: траектория глобальной трансформации») // Экономическая наука современной России. – 2021. – № 2. – С. 123-129
11. Толкачев, С.А., Тепляков, А.Ю. Концепция циклической последовательности распространения базисных технологий в экономике и онтологическая обусловленность теорий индустриального общества // Экономическое возрождение России. – 2019. – №4 (62). – С. 19-36
12. Хабibuллина, З.Р. Творческий труд: специфика, динамика развития и характеристика системной трансформации // Экономическая наука современной России. – 2020. – № 1(88). – С. 99-101
13. Павлов, М.Ю. Ноономика, постиндустриальная экономика и индустрия 4.0: что общего и в чем разница? // Экономическое возрождение России. – 2020. – №2 (64). – С. 152-162

14. Лемешонок, О.Б. По ту сторону коррупции: проблема отношений «власть – собственность» в ноономике // Экономическое возрождение России. – 2020. – №2 (64). – С. 163-170
15. Барашкова, О.В. «Центр» и «периферия» России: технологический прогресс как ключ к росту сбалансированности национальной экономики // Экономическое возрождение России. – 2020. – №2 (64). – С. 171-179
16. Степанова, Т.Д. Генезис ноономики: человек как высшая ценность и главное средство развития // Экономическое возрождение России. – 2020. – №2 (64). – С. 180-187
17. Колганов, А.И. Концепция ноономики как методологическая платформа прогностических социально-экономических исследований (рецензия на монографию Бодрунова С.Д. «Ноономика») // Экономическая наука современной России. – 2020. – №2(89). – С. 160-168
18. Сорокин, А.В. Развитие концепции нового индустриального общества второго поколения и ноономики // Экономическое возрождение России. – 2020. – №3 (65). – С. 33-45
19. Шачин, С.В. Ноономика. Опыт творческого развития идей С.Д. Бодрунова // Философские науки. – 2020. – №63 (8). – 72-90.
20. Имамвердиева М.И. Концепция ноономики: теоретические основы новой парадигмы // Наука и инновации XXI века. Сборник статей по материалам VI Всероссийской конференции молодых ученых. Сургут. – 2020. – С. 269-271.
21. Некрасов, С.Н. Духовные смыслы национальной культуры в образовании и формирование ноономики // Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции. В 2 частях. Пенза, – 2020. – С. 138-141.
22. Луговских, А.Э. О трансформации индивидуальных сознаний и общественных тенденций в [де]глобализирующемся мире, анализ причин продолжающейся стагнации // Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире. Сборник материалов VI Международного конгресса. Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте; Конгресс работников образования, науки, культуры и техники (КРОН). Москва, 2020. С. 367-379.
23. Пороховский, А.А. Человек и робот: технологизация versus гуманизация ноономики // Экономическое возрождение России. – 2021. – №1 (67). – С. 39-47
24. Маслов, Г.А., Хабибуллина, З.Р. На пути к ноономике: технологические и социально-экономические трансформации XXI века // Экономическое возрождение России. – 2021. – №1 (67). – С. 116-126
25. Хабибуллина, З.Р. От креативного работника - к человеку ноономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 2. – С. 97-106.
26. Плетнев, Д.А., Казадаев, М.С. Стратегии управления человеческими ресурсами в российских корпорациях при переходе к ноономике // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 227. – № 1. – С. 338-359.
27. Тебекин, А.В., Митропольская-Родионова, Н.В., Хорева, А.В. Теоретическая модель нового индустриального общества второго поколения и проблемы практического воплощения ноономики // Теоретическая экономика. – 2021. – № 3 (75). – С. 59-70.

28. Манахова, И.В. Глобальные угрозы и риски на пути к ноономике // Экономическое возрождение России. – 2021. – №3 (69). – С. 144-153
29. Павлов, М.Ю. Трансформация потребностей, ценностей и мотивации человека при переходе к ноономике // Экономическое возрождение России. – 2021. – №3 (69). – С. 134-143
30. Гузева, Ю.И. Проблемы экономической безопасности предприятия в условиях генезиса нио.2 и перехода к ноономике // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2020. Т. 3. № 12. С. 97-103.
31. Удалов, И.Д. Актуальные направления макроэкономического развития России // Научные записки молодых исследователей. 2021. Т. 9. № 1. С. 13-21.
32. Такудис, В. Актуальные идеи по теории рынка труда // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции «Костинские чтения». Москва, 2019. С. 104-107.
33. Карасева, Л.А. Особенность политэкономического исследования прорыва в технологическом и производственном развитии страны // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218. № 4. С. 378-386.
34. На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления / Под ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020. – 490 с.
35. Дорофеева, Л.В., Рослякова, Н.А. Трансформация государственных институтов на основе изменения роли знаний в обществе // Экономическое возрождение России. – 2021. – №3 (69). – С. 154-164
36. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Том 1 / Сборник пленарных докладов Объединённого международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: ИНИР, 2021. – 296 с.
37. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Том 2 / Сборник пленарных докладов Объединённого международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: ИНИР, 2021. – 608 с.
38. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Том 3 / Сборник пленарных докладов Объединённого международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: ИНИР, 2021. – 596 с.
39. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. V-й том (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. – 638 с.

Научное издание

А(О)нтология ноономики:

четвертая технологическая революция и ее экономические,
социальные и гуманитарные последствия

Под общ. ред. С.Д. Бодрунова

Художественное оформление и вёрстка К.Гречка

Подписано в печать _____

Формат _____ Печ.л. _____

Тираж _____ Заказ _____